ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ В МГИМО

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ № 56 (71)

МГИМО
УНИВЕРСИТЕТ

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (УНИВЕРСИТЕТ)
МИД РОССИИ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ В МГИМО

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ № 56 (71)

Издательство
«МГИМО-Университет»
2014

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного института
международных отношений (Университета)
МИД России

Редакционная коллегия:

к. п. н., проф. Г. И. Гладков (отв. ред.)
д. ф. н., проф. Л. Г. Веденина
к. ф. н., Е. Л. Гладкова
к. ф. н., С. В. Евтеев
д. ф. н., проф. В. А. Иовенко
к. ф. н., И. В. Ляхова
к. ф. н., Г. С. Романова
к. ф. н., А. В. Штанов
к. п. н., Е. Б. Ястребова
д. ф. н., проф. Т. А. Ивушкина (отв. секр.)

Филологические науки в МГИМО: Сборник науч. трудов. – № 56 (71) / Отв. редактор Г. И. Гладков. – М.: МГИМО-Университет, 2014. – 234 с.

ISSN 2410-2423

Настоящий сборник предназначен для профессорско-преподавательского состава, аспирантов и студентов.

Сборник состоит из четырех разделов. Первый раздел содержит статьи о современных вопросах лингвистики и межкультурной коммуникации. Второй и третий разделы содержат статьи по переводоведению и методике преподавания иностранных языков. Четвертый раздел посвящен проблемам литературоведения и лингвокультурологии.

ISSN 2410-2423

© Московский государственный институт
международных отношений (Университет)
МИД России, 2014
© Коллектив авторов, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Изотова Н.Н.
Личность. Ученый. Учитель:
памяти профессора Святослава Витальевича Неверова 5

Раздел I
ЛИНГВИСТИКА
И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Беляева И.Ф.
Проблема темпоральных отношений в английском языке 18
Беляков М.В.
Текстологический анализ сообщений для СМИ МИД РФ 30
Голубкова Е.В.
Импликативная номинация как средство речевого этикета 42
Гришаева Е.Б.
Лингвистический ландшафт города 58
Дубынина Н.В.
Гендерная политика и язык (о некоторых особенностях
категории рода в русском и французском языках) 66
Изотова Н.Н.
Лексико-семантический анализ
концепта «счастье» в японской языковой картине мира 80
Олянич А.В.
Когнитивная и лингвосемиотическая системы глюттонии:
к разработке типологии знаков гастрономического дискурса 91
Тычинский А.А.
К вопросу об отборе ономастических единиц
для включения в учебный словарь 111
Хитина М.В.
Анализ сложности текстов, представленных в соцсети 117

Раздел II
ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

Максименко О.И., Чинина Д.С.
Машинный перевод с русского языка на финский
(на материале технического текста) 128
Мурзин Ю.П.
«Поправляя» классика (о переводе на русский язык
рассказа Г. Гарсиа Маркеса «Третье смирение») 142

Раздел III

ИННОВАЦИОННЫЕ МЕТОДИКИ И КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД В ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Кошелева И.Н.
Роль предтекстовых стратегий
при обучении академическому письму 154
Раицкая Л.К.
Интернет как информационный,
образовательный и средовой феномен 165
Федосова А.К.
Особенности формирования семантического поля «Спорт» 173

Раздел IV

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

Гладкова Е.Л.
Отражение идеологических основ государственной власти
в Конституции Исламской Республики Иран 184
Джиоева А.А., Иванова В.Г.
Языковые средства репрезентации явления *understatement*
в британской лингвокультуре 196
Захарова А.С.
Актуализация понятия «этнолингвокультурный код»
в символической лингвосемиотике полиязычной ихтиосферы 209
Караваева Е.М.
Своеобразие молодёжного сленга
в современном английском языке 225

ЛИЧНОСТЬ. УЧЕНЫЙ. УЧИТЕЛЬ: ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА СВЯТОСЛАВА ВИТАЛЬЕВИЧА НЕВЕРОВА

Н.Н. Изотова

«Те, у которых мы учимся, правильно называются нашими учителями,
но не всякий, кто учит нас, заслуживает это имя»
Иоганн Вольфганг Гёте

Творческая деятельность доктора филологических наук, профессора Святослава Витальевича Неверова (1924-1991), его выдающиеся достижения в области изучения филологии, истории культуры, национальных особенностей ситуативного речевого поведения японцев; его оригинальные сравнительно-культурологические исследования по проблеме «Запад-Восток»; его вклад в изучение лингвистической науки в Японии, в том числе, «теории языкового существования» – блестящие страницы нашей науки.

Перипетии непростой судьбы учёного неотделимы от истории духовных взлётов и падений, прозрений и ошибок, борьбы и примирения того поколения российской интеллигенции, на долю которого выпало труднейшее испытание – испытание жизнью на переломе эпох и систем. За внешним благополучием его научной карьеры – доктор филологических наук, профессор, лауреат Государственной премии СССР в области науки, автор многочисленных книг, словарей и статей, получивших широкое признание, по-прежнему кроется ещё много неизвестного.

С.В. Неверов родился 5 февраля 1924 года в Харбине. Мама Святослава Витальевича – Нина Ивановна Нифонтова – младшая дочь в большой и крепкой семье, у нее было 16 братьев и сестёр. Отец Нины Ивановны – богатый предприниматель, занимался в Омской губернии разведением тонкорунных овец и производством сукна. Мать старинного дворянского рода, в котором было немало высоких чинов на службе у государства, в том числе и генералов, один из них занимал пост военного коменданта Новочеркасска. Семья Нифонтовых жила на широкую ногу в большом поместье с воспитателями и гувернантками, говорили на французском, молились в домовой церкви. Семью затронула Первая мировая. Один из братьев-офицеров погиб на

германском фронте. Затем пришла революция и гражданская война. Поместье и фабрика были сожжены, и семья Нины Ивановны вынуждена была бежать из России с отступающей армией Колчака. Рядовым в составе охраны эшелона, следовавшего на Восток по КВЖД, служил сибирский казак Виталий Тимофеевич Неверов, там он и познакомился с 20-летней Ниной Ивановной. Молодые люди полюбили друг друга. Обвенчались и сыграли свадьбу они уже в Харбине.

Харбин, построенный царским правительством в Маньчжурии в 1889 году как железнодорожный узел на Китайско-Восточной железной дороге, сохранял уклад и атмосферу дореволюционной русской жизни, а к середине двадцатых годов превратился в культурный центр всей дальневосточной российской эмиграции. Улицы в Харбине назывались Садовая, Ямская, Артиллерийская. Пестрели вывески: «Торговый дом И.Я. Чурина», «Кинотеатр "Гигант"», «Гостиница "Новый мир"», существовали Московские торговые ряды... В старых районах города и до сегодняшнего дня сохранились здания, типичные для Сибири девятнадцатого века.

Русская эмиграция, пополнившая в 20-х годах ряды строителей КВЖД, была материально не обеспечена, испытывала большие трудности, страдала от безработицы, но, несмотря на это, были построены новые церкви, открывались приходы, приюты и больницы. Это строительство осуществлялось не только на пожертвования богатых людей, составлявших небольшой процент населения русского Харбина, но на благое дело по мере своих возможностей жертвовали и малоимущие, кружечные сборы проводились прямо на улицах города.

Поражавшие красотой иконостасов 22 храма Харбина – одна из наиболее впечатляющих страниц в его уникальной истории. Примечательно, что ни в одной стране мира эта волна эмиграции не сумела создать что-либо подобное. Русских в городе было больше половины, для них были открыты десятки учебных заведений: гимназии, реальные училища, институты, всевозможные курсы. Выходили ежедневные газеты, издавались журналы, проводились поэтические конкурсы. На сцене Железнодорожного собрания выступала драматическая труппа, шли оперы

и оперетты, звучала симфоническая музыка. Нередко гастролировали знаменитости мирового класса. Но главное – население ревностно хранило российские обычаи и традиции, соблюдало церковные обряды.

«Мы жили одной дружной семьей: русские, поляки, евреи, потомки первых поселенцев и беженцы, спасавшиеся от большевистского террора, – вспоминает уроженец Харбина Николай Николаевич Заика. – Это была отдельная цивилизация, которую теперь называют Русской Атлантидой, уголок старой России, где жили своим укладом, соблюдали обычаи: пекли хлеб, ходили в баню, отмечали Новый год».

В городе на территории Северо-Восточного Китая оказалось немало знаменитостей. Из воспоминаний Георгия Георгиевича Пермякова, личного переводчика императора Пу И, старшего переводчика Токийского процесса, в котором принимал участие и 22-летний Неверов:

«Что такое Харбин? Есть слово «кунсткамера» – музей диковинок. Такой вот кунсткамерой и был Харбин. Некогда здесь жил Приамурский генерал-губернатор Николай Гондатти, мой отец – известный золотопромышленник – дружил с ним. Здесь жили в разное время около 80 генералов России и величайший предатель России, разбойник с большой дороги, атаман Семенов, укравший вагон русского золота. В Харбине каждый третий был или офицер, или из офицерской русской семьи. Здесь же рядом была отстроена японцами всемирно известная фабрика смерти – отряд 731, где выпускали центнерами бактерии чумы, холеры, сапа, сибирской язвы…

Работая в 30-е годы в Токио, на время больших тропических дождей, заливавших в июне и июле Японию, в Харбин приезжал и Зорге. Здесь его видели летом люди, с которыми я был знаком лично: Лев Троцкий – советский подданный, молодой человек из Харбина, Михаил Крюков – известный в городе тренер, Михаил Матковский – правая рука начальника БРЭМа (бюро по делам российских эмигрантов), основанном японцами в 1935 году в Харбине».

Вот в такой уникальной мультикультурной, вместе с тем богатой исконно русскими традициями, среде воспитывался Святослав Витальевич.

Семья жила скромно на небольшое жалование Виталия Тимофеевича, который работал бухгалтером. Однако родители делали все возможное, чтобы Святослав получил хорошее образование и стал гармонично развитой личностью. Мальчик вырос на реке Сунгари и научился прекрасно плавать, занимался фигурным катанием и играл на скрипке. Окончив школу, в 1939 году поступил на коммерческий факультет Северо-Маньчжурского университета в Харбине и получил специальность – инженер по строительству мостов. После окончания университета он некоторое время работал там преподавателем.

Думается, что распорядись судьба по-другому, Святослав Витальевич стал бы блестящим инженером, ведь по-настоящему талантливые люди талантливы во всем.

Северо-Маньчжурский Университет, в котором учился и работал Неверов, был продолжением Харбинского политехнического института (ХПИ). История ХПИ началась в 1920 году, когда в Харбине был основан техникум. В 1922 году он был преобразован в Русско-китайский политехнический институт, в котором готовили инженерные кадры для Китайской Восточной железной дороги (КВЖД). Профессура в институте была высококвалифицированная, в основном из Москвы и Петербурга. Хотя в целом обучение в институте было весьма дорогим, для тех студентов, которые работали на КВЖД, образование было бесплатным. К 1930 году здесь уже училось более тысячи студентов, русских и китайцев. Авторитет выпускников ХПИ, окончивших институт в то время, признавался безоговорочно во всем мире. Так, уехавший в Сидней выпускник ХПИ тех лет Кромальский стал главным инженером Главного управления дорог в Сиднее. В Америке работал известный ученый Леонтович.

Положение ХПИ начало ухудшаться в 1932 г., со времени захвата Маньчжурии Японией и образования марионеточного государства Маньчжоу-Го. Длительность обучения в институте была определена в четыре с половиной года, ассигнования на институт значительно уменьшились.

В 1937 г. институт полностью перешёл в ведение японской администрации, обучение велось на японском языке, русский персонал, за немногим исключением, был уволен. Для русских сту-

дентов образовали Северо-Маньчжурский университет (СМУ) (1938-1945) с политехническим и коммерческим факультетами, который явился продолжением ХПИ. Ректором университета стал японский профессор Т. Симидзу.

После капитуляции Японии в августе 1945 г. и освобождения Северо-Восточного Китая Политехнический институт в Харбине был восстановлен с русским административным и академическим персоналом и проведением занятий на русском языке, учебный план перестроен по образцу советских вузов.

Угроза нападения со стороны Японии заставила власти вернуть многих японистов из мест заключения, лагерей. Фактически война спасла их. Возвращавшиеся учёные использовались как переводчики, а некоторые из них работали и в военной разведке.

С началом боевых действий Красной Армии на Дальнем Востоке вопрос о нехватке квалифицированных переводчиков снова встал весьма остро.

Ситуация усугублялась тем, что в конце 1930-х годов многие видные советские японисты подверглись репрессиям. Как правило, их обвиняли в шпионаже в пользу Страны восходящего солнца. Мера наказания в большинстве случаев тоже была стандартной – расстрел. «За период с 1936 по 1938 г. было репрессировано не менее половины работавших в то время японоведов. Некоторые из них были потом освобождены, но большинство погибло», – отмечает в своей статье «Репрессированные японисты» В.М. Алпатов. Старейший русский японовед Д.М. Позднеев был приговорен к расстрелу как «японский агент». Погибли А.И. Иванов, Н.П. Мацокин, Т.С. Юркевич, П.С. Ануфриев, З.Н. Матвеев, К.А. Харнский, Н.П. Овидиев, Е.Д. Поливанов, Н.А. Невский, Д.П. Жуков, Б.И. Манзгур (Язгур), А.А. Лейферт, М.И. Покладек (Асик), Г.С. Горбштейн, Я.П. Преман и многие другие. Арестам подверглись Н.И. Конрад (арестован в июле 1938 года, освобожден в сентябре 1941 года), Е.М. Колпакчи, А.Е. Глускина, до сих пор остается неизвестной судьба А.С. Игара, судя по всему, также погибшего в конце 1930-х годов. Н.А. Сыромятников вспоминал, что когда он в конце лета 1938 года приехал из Владивостока в Ленинград поступать в аспирантуру, там не было почти никого

из старого преподавательского состава: во всем университете остался лишь один квалифицированный специалист по японскому языку – А.А. Холодович.

Официальной позицией советских властей было желание предоставить в рамках делопроизводства и на судебных процессах услуги профессиональных переводчиков всем японским военным преступникам, но все равно, переводчиков катастрофически не хватало, особенно, на «рядовых» пленных, находившихся в СССР (а их число превышало 600 тысяч человек). В этих условиях блестящее знание японского языка Неверова не могло остаться невостребованным. Возможно, именно японский язык спас жизнь Неверову, в отличие от многих русских-выходцев из Харбина, просеянных через «сито» СМЕРША.

С 1945 по 1947 годы он работал переводчиком управления НКВД по Хабаровскому краю, там получил звание младшего лейтенанта. В возрасте двадцати двух лет участвовал в Токийском процессе, где судили японских военных преступников. Токийский процесс (Международный военный трибунал для Дальнего Востока) над главными японскими военными преступниками начался 3 мая 1946 года и закончился 12 ноября 1948 года. Процесс проходил в здании японского военного министерства, расположенного на высоком холме над развалинами Токио. При советской секции обвинения было создано бюро переводов, в работе которого принял участие Неверов.

В ходе Токийского процесса было проведено 818 открытых судебных заседаний и 131 заседание в судейской комнате; трибунал принял 4356 документальных доказательств и 1194 свидетельских показания (из которых 419 были заслушаны непосредственно трибуналом). Подсудимым была обеспечена возможность защищаться на суде, представлять доказательства, участвовать в допросах, каждый из них имел трёх-четырех адвокатов. Виновность всех подсудимых полностью подтвердилась.

Позже С.В. Неверов работал переводчиком в Красногорске, лагере № 27, где содержались японские военнопленные.

Святослав Витальевич не любил рассказывать об участии в работе Токийского процесса и переводческой деятельности в лагере для военнопленных, но зато часто делился воспоминаниями

о послевоенной Японии, разрушенном Токио, о Хиросиме и Нагасаки, о черных рынках, о японцах, в экстремальных условиях испытывающих страх «потерять лицо».

Самым сложным для Неверова оказалось уволиться с военной службы. Он даже записался на приём к комиссару государственной безопасности 2-го ранга, генерал-полковнику З.А. Кобулову и попросил разрешить ему перейти к педагогической деятельности. Несмотря на то, что в те годы такая просьба могла привести к непредсказуемым последствиям, Кобулов удовлетворил ее. После смерти Сталина Кобулов был арестован вместе с Берией по обвинению в шпионаже и заговоре с целью захвата власти и расстрелян в декабре 1953 года.

Уволившись с военной службы, в 1948 году С.В. Неверов поступил в Московский институт Востоковедения, который закончил экстерном – уже в 1951 году он получил диплом. Именно там судьба свела Неверова с выдающимся востоковедом Николаем Иосифовичем Конрадом, который с 1941 по 1950 годы возглавлял кафедру японского языка. Конрад сразу заметил талантливого молодого человека и взял его под своё крыло. Под руководством Конрада Святослав Витальевич защитил кандидатскую диссертацию, дружеские теплые отношения связывали семью Неверова и Конрада всю жизнь.

Сын Святослава Витальевича, Чрезвычайный и Полномочный Посол, Директор Второго Европейского департамента МИД РФ Игорь Святославович Неверов вспоминает, что Наталья Исаевна Фельдман-Конрад и Николай Иосифович Конрад были частыми гостями в родительской квартире на проспекте Мира. «У папы и Конрада было удивительное взаимопонимание, они понимали друг с полуслова, и их очень много связывало».

В Московском институте Востоковедения, в котором С.В. Неверов проработал преподавателем японского языка до 1954 года, произошла еще одна судьбоносная встреча.

Именно там Святослав Витальевич познакомился со своей будущей женой – студенткой Ниной Сарычевой. Нина Дмитриевна и Святослав Витальевич были удивительно красивой и гармоничной парой, они прожили счастливую жизнь. Даже внешне они были чем-то похожи – голубоглазые, стройные, с безупречными манерами.

Даже мы, студенты, замечали, насколько трогательными и трепетными были отношения Нины Дмитриевны и Святослава Витальевича. И если на занятия Неверова мы шли с подспудным «страхом и трепетом», то на уроках Нины Дмитриевны можно было расслабиться, отдохнуть. Она часто рассказывала о Японии, о нюансах переводческой работы, но при этом строго требовала от нас добросовестного отношения к учёбе, и мы наизусть зубрили тексты из рукописных разработок Нины Дмитриевны, написанных её красивым каллиграфическим почерком.

В 1954 году С.В. Неверов перешёл на работу на кафедру японского языка ИМО. Вся его последующая плодотворная творческая, переводческая и научно-педагогическая деятельность на протяжении почти сорока лет вплоть до скоропостижной кончины в 1991 году была связана с нашим институтом, где он работал в должности преподавателя, доцента, а затем, в должности профессора. В МГИМО, под руководством академика Н.И. Конрада С.В. Неверов защитил кандидатскую диссертацию, а в 1976 году – докторскую, за годы работы в Университете им было издано около ста научных трудов.

С.В. Неверов был глубоким и многоплановым ученым, блестящим знатоком японского языка. Неоднократно приходилось слышать от японских учёных-лингвистов, что японский язык, на котором говорил профессор, – язык японской аристократии, более красивый и правильный, чем изобилующий аббревиатурами, американизмами и заимствованными словами язык современных японцев. Его научные интересы чрезвычайно разнообразны, и его перу принадлежат многочисленные статьи, в том числе, по вопросам культуры речи, национально-культурным особенностям языка массовой коммуникации, состоянию гонорифической системы, области распространения иноязычных слов, национальным особенностям ситуативного поведения японцев, невербальной коммуникации.

Одним из основных направлений научной деятельности учёного было изучение японской языковой политики и одного из важнейших направлений японской лингвистики, получившего название «школы языкового существования».

В Советском Союзе начало исследованию теории языкового существования как специального японоведческого вопроса

было положено академиком Н.И. Конрадом. В своей работе «О языковом существовании» Конрад наметил основные пути изучения этого направления японской национальной филологии. С.В. Неверов продолжил дело академика Н.И. Конрада, и в 1982 году вышел его фундаментальный труд «Общественно-языковая практика современной Японии» (Изд. «Наука», М., 1982).

«Язык – одна из существенных сторон жизни общества, один из самых важных общественных институтов. Речевая коммуникация во многом зависит от технического и общественного прогресса и в значительной мере определяет стиль жизни. Поэтому целью исследований по языковому существованию, предпринимаемых в японоведении, является изучение не только определенной области японской филологии, но и важнейших сторон жизни современного японского общества», – писал С.В. Неверов в введении к монографии.

Проблемы, поставленные ученым в данной работе, выходят далеко за рамки собственно лингвистических проблем, охватывают важнейшие социокультурные стороны жизни японского общества, не теряют актуальности и в наши дни.

Невозможно переоценить заслуги профессора Неверова в области лексикографии. Лексикографическая деятельность учёного началась в 1959 году, когда С.В. Неверовым был составлен Карманный русско-японский словарь (7 тысяч слов) (Гос. издат. иностранных и национальных словарей, М., 1959). После этого в 1968 году вышел Русско-японский учебный словарь (11.500 тысяч слов) (Изд. «Советская энциклопедия», М., 1968), в 1969 году этот словарь был также издан в Японии.

В 1972 году за работу над составлением Большого японо-русского словаря в 2-х томах под редакцией академика Конрада Неверов вместе с другими его авторами был удостоен Государственной премии в области науки.

В соавторстве со своим другом и соратником, выдающимся лингвистом Борисом Павловичем Лаврентьевым Неверов составил Краткий японо-русский словарь (Изд. Русский язык, 1985), Японо-русский и русско-японский словарь (30 тысяч слов), ставший новым словом в отечественной лексикографии и переживший 11 изданий (М.: Дрофа, 2011).

За годы работы в МГИМО С.В. Неверов подготовил уникальные пособия по эпистолярному стилю, практике телефонных разговоров, деловому общению.

Широкую популярность в среде изучающих японский язык, да и просто людей, интересующихся Японией, приобрёл Японо-русский разговорник для туристов (Изд. «Русский язык», М., 1979), с тех пор он многократно переиздавался.

Святослав Витальевич был человеком чрезвычайной эрудиции, непревзойдённым знатоком не только японского, но и русского языка. Написанный им русский текст к японо-русскому разговорнику лег в основу разговорников на многих других языках – китайском, голландском, французском, болгарском, итальянском др. Это свидетельство высочайшего профессионализма автора.

Работая в МГИМО, С.В. Неверов продолжал регулярно заниматься переводческой деятельностью, обеспечивал синхронный перевод на съездах КПСС, что являлось высшей степенью доверия и признания его заслуг со стороны партийного руководства страны при том, что членом коммунистической партии он никогда не был. Как поговаривали в институтских кулуарах, ему неоднократно предлагали вступить в партию, что несомненно способствовало бы продвижению по карьерной лестнице, но он неизменно отказывался под разными благовидными предлогами... Думается, Святослав Витальевич, будучи самодостаточной личностью, просто был выше любых объединений, он подвижнически служил науке, ставшей делом и смыслом всей его жизни.

Помимо съездов КПСС С.В. Неверов привлекался к переводу во время визитов в Японию делегаций ЦК КПСС, Комитета защиты мира, ВЦСПС, советского Общества дружбы и культурных связей с зарубежными странами, участвовал в международных конференциях, фестивалях русской культуры в Японии. Работая с делегациями, он познакомился и подружился со многими известными людьми, среди них были и космонавты – Юрий Гагарин и Алексей Леонов.

В 1970 году Неверов в составе советской делегации работал на Всемирной выставке ЭКСПО в городе Осака. Там же находился легендарный фотохудожник, официальный фотограф всех

советских и российских министров иностранных дел, начиная с А.А. Громыко, которого Министр иностранных дел России С.В. Лавров назвал «талисманом МИДа», Эдуард Иосифович Песов. «О таких людях, как Святослав Витальевич, надо писать поэмы, – говорит Эдуард Иосифович. – Я сразу почувствовал, что он поистине незаурядная личность. И это понимали все, кто находился с ним рядом. Он поражал своими широким кругозором, фундаментальными знаниями о культуре, традициях и истории Японии. Он никогда не скрывал, что родом из Харбина, но и не афишировал это. Вообще, был удивительно интеллигентным и тонким человеком». Кстати, в японском цикле Роберта Рождественского есть стихотворение с посвящением С.В. Неверову.

С.В. Неверов много занимался письменным переводом. Одним из самых значимых стал перевод книги известного японского писателя Сэйити Моримуры о страшном порождении японского милитаризма – «отряде 731», в котором с начала 40-х по август 1945 г. разрабатывалось, производилось и применялось бактериологическое оружие, проводились многочисленные опыты над живыми людьми.

Святослав Витальевич сочетал в себе уникальный талант учёного и дар блестящего преподавателя. Он был человеком феноменальной памяти, блестящего ума, неимоверной трудоспособности. Его занятия отличались особым изяществом, были своеобразным фейерверком ума и знаний, при этом предельно ясны и логичны. Сэнсэй никогда не отступал перед препятствиями, возникавшими перед учениками, перед их непониманием, всегда ободрял, ему был чужд тезисно-менторский тон и стиль. Настоящий интеллигент, аристократ не только по крови, но и по духу, Святослав Витальевич всегда был предельно сдержан, ни разу не приходилось слышать, чтобы он говорил на повышенных тонах. Человек поразительно тактичный и необычайно душевно щедрый, Сэнсэй притягивал к себе всех, кто с ним соприкасался, был прекрасным наставником для молодых преподавателей, относясь к ним бережно и благосклонно, всегда стремился поделиться своими глубочайшими знаниями и помочь в трудную минуту.

В жизни каждого человека в отдельности и человечества в целом немало несправедливостей. Смерть, несмотря на свою

неотвратимость, одна из самых фундаментальных. С.В. Неверов завершил свой яркий жизненный путь очень рано, в возрасте 67 лет. 5 февраля 2014 года ему исполнилось бы 90 лет.

Ещё древние греки, создавшие первую в мире систему гуманистических ценностей, считали: человек жив, покуда хранится память о нем. Я верю, что все, кому посчастливилось знать Святослава Витальевича Неверова, не забудут о нем, а жизнь его продолжится делами тех, кому он её посвятил.

Об авторе

Изотова Надежда Николаевна – кандидат культурологии, доцент кафедры японского, корейского, монгольского и индонезийского языков МГИМО(У). E-mail: izotova@list.ru

PERSONALITY. SCIENTIST. TEACHER: IN MEMORY OF PROFESSOR S.V.NEVEROV

N.N. Izotova

About the author

Nadezda N. Izotova – PhD in Cultural Studies, associate Professor of Department of the Japanese, Korean, Indonesian and Mongolian languages at MGIMO (U). E-mail: izotova@list.ru

* * *

Раздел I

ЛИНГВИСТИКА
И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

ПРОБЛЕМА ТЕМПОРАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

И.Ф. Беляева

Московский государственный областной университет. 105005, Россия, Москва, ул. Радио, 10а.

В статье анализируются взгляды исследователей на понятие темпоральности – выражения временных отношений средствами языка. С увеличением масштабов теоретических изысканий усугублялась противоречивость в подходах к этому явлению, возникали новые взгляды на проблему языкового времени. Проблема отражения временной структуры действительности в языке и тексте закономерно предполагает выяснение соотношения физического, философского и языкового аспектов времени. Категория темпоральности проявляется в языке и речи весьма разнообразно, что объясняется как экстра-, так и внутрилингвистическими причинами. Лексическое время включает обширный массив слов, временной компонент семантики которых задан парадигматически, входит в их смысловую структуру. Темпоральная семантика в английском языке встречается в различных структурах и на разных уровнях. Одним из средств выражения темпоральной связи в сложном предложении и сверхфразовом единстве являются союзы и союзные наречия. Наряду с союзами и союзными наречиями для выражения темпоральных отношений употребляются и их эквиваленты. Использование эквивалентов союзов и союзных наречий в языке свидетельствует о стремлении его не только к абстрактному, но и к конкретному выражению темпоральных отношений, а также о совершенствовании семантико-синтаксической организации сложного предложения и сверхфразового единства.

Ключевые слова: темпоральность, языковые средства, сложное предложение, сверхфразовое единство

Говоря о смысловом взаимодействии частей сложного предложения и предложений в сверхфразовом единстве, лингвисты определяют типы отношений между ними. Одним из типов отношений являются отношения логического порядка, куда входят наряду с другими и темпоральные, являющиеся предметом нашего исследования.

Временные отношения выполняют исключительную роль в восприятии действительности и конструировании высказывания.

Изучение темпоральности – выражения временных отношений средствами языка – характеризуется сегодня парадоксальной ситуацией. С одной стороны, с момента появления лингвистики как науки вряд ли был какой-либо другой вопрос, который обсуждался бы больше, чем этот. С другой стороны, с увеличением масштабов теоретических изысканий усугублялась противоречивость в подходах к этому явлению, возникали новые взгляды на проблему языкового времени. Представления о темпоральности в лингвистике неизменно отражали современное состояние разработки категории времени в физике, философии, психологии и других науках, как естественных, так и гуманитарных.

Ввиду того, что время наряду с пространством представляет собой основополагающую характеристику действительности и «одну из вечных категорий ценностной ориентации человека в окружающем мире» [1, с. 66], изучение механизма отражения его в языке никогда не утратит своей актуальности. Бесспорно и то, что проблема отражения временной структуры действительности в языке и тексте закономерно предполагает выяснение соотношения физического, философского и языкового аспектов времени. Среди многих ученых, непосредственно занимающихся этим вопросом, назовем лишь некоторых: В. Булль, Т.И. Дешериева, Н.А. Потаенко, Х. Папперт, Г.В. Анисимова, Е.В. Тарасова, В.Я. Шабес и другие.

Попытка учесть субъективно-объективную природу языкового времени нашла отражение в известной модели Булля [13], в которой, используя схему семи глагольных времен О. Есперсена, автор различает субъектное и объектное время и соответствующие оси ориентации. При этом первая ось рассматривается как переменная, символ, замещающий определенную величину (вторая ось). Таким образом, во временной логике Булля соотносилось время, оцениваемое субъектом, его ощущениями, воспоминаниями, частными событиями, со временем, измеряемым периодичностью природных явлений. Особая важность перцептуального времени заключается в том, что через перцептуальное время опосредуется «вся совокупность способов выражения средствами языка сущности физического и философского аспектов рассматриваемой категории», т.е. время лингвистическое (темпоральность) [13, с. 112].

Следует отметить, что при различных описаниях темпоральности некоторые языковеды не считают возможным отождествлять время языковое и время лингвистическое, считая, что они противостоят друг другу как понятия онтологии и гносеологии. Так, если языковое время (темпоральность) нередко рассматривается как совокупность имеющихся в данном языке стратегий времяобозначения, то лингвистическое время трактуется как явление второго порядка, а именно как «язык, описывающий сам себя», отражающий научное представление о характере языкового времени и включающий систему взглядов и воззрений на языковое время» [9, с. 36].

Естественно, что категория темпоральности проявляется в языке и речи весьма разнообразно, что объясняется как экстра-, так и внутрилингвистическими причинами. Н.А. Козинцева, например, отмечает то, что выбор языковых средств отражения зависит от геометрии перцептуального времени. Соответственно, она выделяет несколько типов представлений о темпоральности: время как хронологическая ось – ориентированная прямая с отмеченными датами (при повествовании о реальных событиях), время как ориентированная прямая, вдоль которой движется точка, обозначающая момент речи (выражается грамматическим временем), время как ориентированный луч (часть прямой по ту и другую сторону от некоторой границы, выражается обстоятельственными оборотами, обозначающими широкие периоды времени), время как вектор (выражается в виде обстоятельств ограниченной деятельности) [4, с. 14-15].

Для классификации видов темпоральности применяется также критерий уровня используемых единиц. Так, например, в концепции Т.И. Дешериевой время языковое включает время лексическое, морфологическое, синтаксическое и контекстуальное [3, с. 111-117]. Морфологическое время представляет собой совокупность словообразовательных приемов для его выражения. В индоевропейских языках время морфологическое представлено парадигмой глагола.

Лексическое время включает обширный массив слов, временной компонент семантики которых задан парадигматически, входит в их смысловую структуру.

Темпоральная семантика в английском языке встречается в различных структурах и на разных уровнях: в существительных типа: *century, month, summer, May, morning...*; наречиях: *yesterday, sometimes, rarely*, прилагательных: *early, late*, причастиях, герундии; в предложных группах; в словосочетаниях (от свободных словосочетаний до фразеологических единиц). Наряду со словами, имеющими временной денотат, типа *hour, future, day* и т.п., в языке существует некоторое количество слов, косвенно связанных с выражением времени (*clock, generation, schedule* и др.).

Как отмечается в работе А.А. Хадеевой-Быковой и Л.М. Черкашиной, рассматривающих формирование темпоральных значений в пределах функционально-семантического микрополя предложных конструкций, вся темпоральная семантика в языке связана с понятием процесса, и с этой точки зрения авторы выделяют две большие группы значений: а) темпоральные значения как внутренний компонент процесса; б) темпоральные значения как внешние условия протекания процесса (так называемая обстоятельственная семантика) [11, с. 90].

В первом случае темпоральная семантика является составляющей процесса и относится к процессу как часть к целому. Во втором случае темпоральная семантика, хотя и связана с процессом функционально, имеет отличную от процесса семантическую структуру. Семантическая структура темпоральных процессуальных значений предполагает включенность темпорального элемента в процесс, а семантическая структура темпоральных обстоятельственных значений – отношение процесса к темпоральной границе. Вместе с тем, эти две разновидности темпоральных значений взаимодействуют между собой и создают сложную систему семантических отношений, которая реализуется как в синтагматическом, так и в парадигматическом плане.

В синтагматическом плане это находит свое проявление в ограничениях на сочетаемость вариантов процессуальной темпоральной семантики с вариантами обстоятельственной темпоральной семантики. В парадигматическом плане системный характер темпоральных значений проявляется в широкоразвитой функциональной синонимии самых разнообразных конструкций с темпоральной семантикой.

Предметом исследования Л.П. Нехорошковой [6] явились пространственные и временные аппозитивные конструкции в современном английском языке. В составе темпоральных аппозитивных конструкций автор выделяет собственно-темпоральные и несобственно-темпоральные конструкции. К собственно-темпоральным отнесены конструкции, в которых ядерный компонент антецедента входит в состав категории времени. В эту же группу включаются адвербиальные аппозитивные конструкции, т.е. конструкции с антецедентом, выраженным предложно-именным сочетанием, ядерный компонент которого может не являться словом категории времени. Компоненты последней подгруппы аппозитивных конструкций вне зависимости от лексической семантики ядерного существительного представляют отождествляемый ими временной признак и на этом основании относятся к собственно-темпоральным.

В состав несобственно-темпоральных аппозитивных конструкций входят конструкции, названные условно-темпоральными и экзистенциально-темпоральными. Антецедентами в условно-темпоральных аппозитивных конструкциях выступают существительные, именующие события, процессы (*expedition, trip, game*), различные состояния, чувства, отношения (*panic, hope, peace of mind*) и соответствующие им широкозначные существительные (*case, occasion, state*). Автор отмечает, что сема темпоральности, присущая процессуальным существительным, может стать доминирующей в значении этих существительных лишь в определенных контекстуальных условиях. При функционировании указанных существительных в качестве антецедентов в субстантивных аппозитивных конструкциях значение «время», «временной период» актуализируется в них словом *when*, вводящим аппозитивное предложение [6, с. 11-12].

В работе «Функционально-семантическая категория темпоральности в научном филологическом тексте» О.П. Ножнина рассматривает семантический аспект темпоральной лексики. Автор выделяет два разряда временных маркеров – существительные и прилагательные, далее они подразделяются на существительные и прилагательные, содержащие Т-сему (темпоральную сему) в дефиниции и с окказиональной Т-семой. Отличительной чертой

существительных, содержащих Т-сему, является их общереферентность, отсутствие семы релятивности. Первый разряд темпоральных существительных обозначает универсальное время. Это, прежде всего, лексема *time* и полнозначные временные лексемы *present, past, future*, дающие наиболее общую отнесенность относительно момента говорения. Второй разряд представлен существительными, обозначающими некоторый временной интервал: а) абстрактные существительные временной референции, обозначающие неопределенный временной интервал типа *period, age, generation, epoch*. Сюда же относится существительное *moment* со значением некоторой временной точки – наикратчайшего периода; б) существительные, обозначающие определенные временные интервалы (общепринятые единицы измерения времени типа *century, year, decade*). Прилагательные с Т-семой могут передавать временную соотнесенность непосредственно: *ancient, medieval*; и опосредованно: *Victorian, Elizabethan* [7, с. 7-9].

Синтаксическое время [2] функционирует на уровне предложения и заключается в процессе взаимодействия грамматических и лексических средств его выражения, когда интегративные единицы теряют свою самостоятельность и образуют качественно новое единство – время предложения.

Определение контекстуального времени [3] является сложным и противоречивым, т.к. интегрирует в себе все упомянутые уровни времяобозначения. Так, «временные слова» (лексический уровень) и глагольные формы (морфологический уровень) могут рассматриваться как своеобразные даты «во временной координации, создаваемой временным контекстом». Очевидно, в данном случае речь идет об особом виде темпоральности, который своеобразно, как ни один другой, способен описывать явления и отношения объективной действительности – о текстовом времени.

Основная особенность художественного времени, согласно трактовке З.Я. Тураевой, заключается в его принципиальной неисторичности и субъективности. «Художественное время – форма существования сюжета. Форма бытия объектов мира – бесконечное множество их индивидуальных времен, следовательно, каждый персонаж имеет свое время, и поэтому художе-

ственное время также представляет собой множество индивидуальных времен, находящихся в определенных отношениях друг с другом» [10, с. 16]. Из сказанного, таким образом, следует, что специфика художественного времени и языковых средств его выражения проявляется при сохранении привычных для сознания ориентиров, релевантности не столько условного значения «теперь», «сейчас», сколько последовательности действий в порядке «раньше», «позже».

Подобную психолингвистическую концепцию находим также у немецкого исследователя Х. Папперта [14], который предлагает вообще заменить грамматическое представление о времени как о выстроенной линейной последовательности временных точек феноменологическим понятием времени, когда настоящее понимается как восприятие данного момента в данный момент, прошедшее – как накопленное восприятие. Таким образом, основной текстовой функцией категории времени Х. Папперт считает установление связи репрезентации текста с тем, что является происходящим здесь и теперь для самого говорящего.

Языковому механизму отражения событий в тексте посвящена работа В.Я. Шабеса [12]. В ней, в частности, доказывается, что посредством порядка линейного следования предложений в тексте (постсобытия – эндособытия – предсобытия) без помощи каких-либо дополнительных лексических или грамматических уточнителей может устанавливаться темпоральная локализованность того или иного события. Фоновые знания, отражаемые контекстом, при этом выполняют компенсирующую функцию при интерпретации непоследовательных высказываний.

В связи с тем, что время как особая категория текста включает в себя соотношения прошлого, настоящего и будущего, естественно возникает вопрос о критерии их разграничения – точке отсчета.

Проблема точки отсчета в темпоральном дейксисе обсуждается, в частности, Т.И. Дешериевой [3] в предложенной ею модели языкового времени, в которой точкой отсчета выступает момент речи. Автор подчеркивает относительный характер точки отсчета в текстовом времени, в роли которой может выступать не только непосредственное «сейчас» говорящего, но и

момент любого события, ставшего предметом сообщения, и, следовательно, определенным образом соотнесенного с абсолютной системой отсчета. Относительность момента речи как точки отсчета времени в тексте аргументируется также и другими авторами.

Как отмечает И.П. Сусов, при модификации абстрактное предложение в немецком языке (как и во многих других языках) обязательно присоединяет к себе специальный знак, который сигнализирует соотнесенность содержания высказывания с той или иной точкой во времени или временным отрезком. В субъективном внеязыковом означаемом, которое репрезентируется данным высказыванием, тем самым вычленяется накладывающаяся на означаемое абстрактного предложения темпоральная оценка, или темпоральность. Темпоральность репрезентируется в глубинной сфере языка темпоральным оператором. Отнесенность данного оператора к временной оценке может быть квалифицирована как темпоральное значение [8, с. 106].

Темпоральная трансформация прилагается к абстрактному предложению и тем самым обеспечивает модификацию предикационного значения. Во времени ориентируется не просто ситуация, а представление этой ситуации, включающее в себя приписывание одному из элементов бытийного признака. От идеи бытия вообще совершается переход к идее бытия во времени.

Выражение темпоральности, по мнению И.П. Сусова, можно рассматривать как своего рода «высказывание о высказывании». Темпоральный оператор не входит в состав предиката, предикационной структуры и абстрактного предложения. Он является внешним по отношению к ним компонентом. Темпоральные операторы, являющиеся глубинными знаками временных оценок, актуализируют описание той или иной единичной ситуации так, что она оказывается соотнесенной прямо или косвенно со временем, в которое строится данное высказывание. Они, таким образом, локализуют описываемый факт относительно фактов коммуникативного ряда.

В рассматриваемой выше работе И.П. Сусов не касается вопроса о наборе темпоральных операторов в глубинной сфере и способах их манифестации в поверхностной сфере посредством

временных форм глагола и лексических средств. Автор подчеркивает лишь то, что репрезентация той или иной темпоральной оценки оказывается необходимым условием актуализации абстрактного предложения и что соответствующие средства надстраиваются над собственно синтаксическими моментами.

Различные способы выражения темпорального значения в языке составляют определенную систему, лежащую в основе языковой понятийной категории времени.

В настоящее время лингвисты уделяют большое внимание проблеме взаимодействия различных языковых уровней, проблеме варьирования, изучению глубинной семантики языковых единиц. Большой интерес, в частности представляет изучение различных способов и средств выражения темпоральных отношений в языке, т.к. они образуют большую коммуникативно важную группу.

Так, одним из средств выражения темпоральной связи в сложном предложении и сверхфразовом единстве являются союзы и союзные наречия. Наряду с союзами и союзными наречиями для выражения темпоральных отношений употребляются и их эквиваленты. Использование эквивалентов союзов и союзных наречий в языке свидетельствует о стремлении его не только к абстрактному, но и к конкретному выражению темпоральных отношений, а также о совершенствовании семантико-синтаксической организации сложного предложения и сверхфразового единства.

Как отмечает О.И. Москальская [5, с. 67], темпоральные отношения имплицитно присутствуют в соединительном перечислении, в причинно-следственной связи, а также в других видах связи, объединенных логическим значением импликации. Наличие темпорального конъюнктора четко эксплицирует временные отношения между перечисляемыми событиями (фактами), выдвигает их на первый план. Это положение справедливо как для частей сложного предложения, так и в отношении самостоятельных предложений в микротексте.

Как известно, временные отношения включают в себя отношения одновременности, последовательности и предшествования. Эти отношения наблюдаются на всех языковых уровнях:

1) на уровне словосочетания (временные отношения наблюдаются между главным и зависимым членами словосочетания)

I told you *at the beginning of lunch* you had a lovely and unusual name (Fitzgerald, Tender, p. 16).

2) на уровне сложного предложения:

а) в сложноподчиненных предложениях (временные отношения наблюдаются между главным и придаточным предложением)

After we have placed the parcels we must leave *immediately* (Chase, Figure, p. 173).

They held each other tightly *until* their intimate embrace was interrupted (Chase, Figure, p. 184).

б) в сложносочиненных предложениях (временные отношения наблюдаются между частями сложносочиненного предложения)

He turned to the door, opened it and we went into the little passage (Susann, Valley, p. 12).

3) на уровне сверхфразового единства временные отношения наблюдаются между предложениями

I wandered to the table beside the bed. I picked up the book. I caught my foot in the flex of bedside lamp and stumbled, the book falling from my hands on to the floor (Segal, Man, p. 184).

Исследуемые сложные предложения и сверхфразовые единства, выражающие темпоральные отношения, передают информацию о разных видах временной соотнесенности двух ситуаций. Одна из соотносимых ситуаций выполняет в рамках временной конструкции роль ориентира, с помощью которого – путем указания на совпадение с ним, предшествование или следование – характеризуется временной признак другой части. В рамках временного отношения может быть представлена информация более частного характера, например, указание на полную или частичную одновременность, на отсутствие или наличие интервала.

Список литературы

1. Анисимова Р.В. Отражение категории времени как одного из элементов картины мира // Сб. науч. трудов МГПИИЯ им. М. Тореза, 1989. Вып. 341.
2. Виноградова Т.А. К вопросу о синтаксических средствах локализации ситуации во времени (на материале совр. англ. языка) // Лингвистика текста. Сб. трудов МГПИИЯ им. М. Тореза. Вып. 141.
3. Дешериева Т.И. Лингвистический аспект категории времени и его отношение к физическому и философскому аспектам // Вопр. языкознания. 1975, 2.

4. Козинцева Н.А. Временная локализованность действия и ее связи с аспектуальными, модальными и таксисными значениями. Л.: Наука. 1991.
5. Москальская О.И. Грамматика текста. М.: Высшая школа, 1981.
6. Нехорошкова Л.П. Пространственные и временные аппозитивные конструкции в современном английском языке // Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1989.
7. Ножнина О.П. Функционально-семантическая категория темпоральности в научном филологическом тексте // Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Одесса, 1989.
8. Сусов И.П. Семантическая структура предложения. Тула, 1973.
9. Тарасова Е.В. О многоаспектной природе времени (Время физическое, перцептуальное, языковое, художественное и лингвистическое) // Вестник ХГУ, 1989. Вып. 339.
10. Тураева З.Я. Художественный текст и пространственно – временные отношения // Семантико – стилистические исследования текста и предложения. Л., 1980.
11. Хадеева-Быкова А.А., Черкашина Л.М. Формирование темпоральных значений в пределах функционально семантического микрополя предложеных конструкций // Предложные обстоятельства в современном английском языке. Ярославль, ЯГПИ имени К.Д. Ушинского. 1971.
12. Шабес В.Я. Событие и текст. М.: Высшая школа, 1989.
13. Bull W. Time, Tense and the Verb. Los Angeles: Univ. Calif. Press. 1968.
14. Pappert H. Speech Perspectives of Aspect and Tense. Munich, 1988.

Об авторе

Беляева Ирина Федоровна – к.филол.н., доцент, профессор кафедры индоевропейских и восточных языков Московского государственного областного университета. Декан лингвистического факультета МГОУ. Сфера научных интересов: стилистика английского языка. E-mail: belyaevairin@mail.ru

PROBLEM OF TEMPORAL RELATIONS IN THE ENGLISH LANGUAGE

I.F. Belyaeva

Moscow State Regional University (MGOU), 10a Radio street, Moscow, 105005, Russia.

Abstract: *In the article points of view of researchers at the concept of temporality – expressions of time relations by means of language are analyzed. With increase in scales of theoretical researches discrepancy in approaches to this phenomenon was aggravated, there were new points of view at the problem of time in a language. The problem of time reflection structure of the validity in language and the text naturally assumes finding-out of a parity of physical, philosophical and language aspects of time. The category of temporality in language and speech is rather various because of extra-, and the intralinguistic reasons. Lexical time includes an extensive corpus of words, time which component of semantics is set paradigmatically, enters into their semantic structure. Temporality semantics in the English language can be found in various structures and at different levels. One of the means of expressing temporality communications in a compound sentence and superphrase unity is the conjunctions and allied adverbs. Alongside with the conjunctions and allied adverbs*

for expression temporality relations their equivalents are also used. Use of equivalents of the conjunctions and allied adverbs in language testifies to its aspiration not only to abstract, but also to concrete expression of the temporality relations, and also to perfection of the semantico-syntactical organization of a compound sentence and superphrase unity.

Key words: temporality, language devices, a compound sentence, superphrase unity.

References

1. Anisimova R.V. Otrazhenie kategorii vremeni kak odnogo iz jelementov kartiny mira [Reflection of the time category as one of the worldview elements] // Sb. nauch. trudov MGPIIJa im. M. Toreza. 1989. Vyp. 341.
2. Vinogradova T.A. K voprosu o sintaksicheskih sredstvah lokalizacii situacii vo vremeni (na materiale sovr. angl. jazyka) [Approach to a matter of syntax means of situation localization in time] // Lingvistika teksta. Sb. trudov MGPIIJa im. M. Toreza. Vyp. 141.
3. Desherieva T.I. Lingvisticheskij aspekt kategorii vremeni i ego otnoshenie k fizicheskomu i filosofskomu aspektam [Linguistic aspect of time category and its relation to physical and philosophic aspects] // Vopr. jazykoznanija. 1975, 2.
4. Kozinceva N.A. Vremennaja lokalizovannost' dejstvija i yeyo svjazi s aspektual'nymi, modal'nymi i taksisnymi znachenijami [Action time localization and its connections with aspect, modal and taxonomy meanings]. L.: Nauka. 1991.
5. Moskal'skaja O.I. Grammatika teksta [Text grammar]. M.: Vysshaja shkola, 1981.
6. Nehoroshkova L.P. Prostranstvennye i vremennye oppozitivnye konstrukcii v sovremennom anglijskom jazyke [Spatial and temporal opposition construcrions in modern English] // Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. M., 1989.
7. Nozhnina O.P. Funkcional'no-semanticheskaja kategorija temporal'nosti v nauchnom filologicheskom tekste [Functional and semantic category of temporality in science philosophical text] // Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Odessa, 1989.
8. Susov I.P. Semanticheskaja struktura predlozhenija [Semantic structure of a sentence]. Tula, 1973.
9. Tarasova E.V. O mnogoaspektnoj prirode vremeni (Vremja fizicheskoe, perceptual'noe, jazykovoe, hudozhestvennoe i lingvisticheskoe) [About many aspects of time] // Vestnik HGU. 1989. Vyp. 339.
10. Turaeva Z.Ja. Hudozhestvennyj tekst i prostranstvenno – vremennye otnoshenija // Semantiko – stilisticheskie issledovanija teksta i predlozhenija [Fiction and spatial and temporal relations]. L., 1980.
11. Hadeeva-Bykova A.A., Cherkashina L.M. Formirovanie temporal'nyh znachenij v predelah funkcional'no semanticheskogo mikropolja predlozhenyh konstrukcij // Predlozhnye obstojatel'stva v sovremennom anglijskom jazyke [Temporal meanings formation in functional semantic microfield of prepositional constructions]. Jaroslavl': JaGPI imeni K.D. Ushinskogo, 1971.
12. Shabes V.Ja. Sobytie i tekst. M.: Vysshaja shkola, 1989.
13. Bull W. Time, Tense and the Verb. Los Angeles: Univ. Calif. Press. 1968.
14. Pappert H. Speech Perspectives of Aspect and Tense. Munich, 1988.

About the author

Irina Fedorovna Belyaeva PhD (Philology), Associate Professor, Professor of the Indo-European and Orient Languages Chair, Dean of Linguistic Faculty, Moscow State Regional University; English stylistics, belyaevairin@mail.ru

* * *

ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СООБЩЕНИЙ ДЛЯ СМИ МИД РФ

М.В. Беляков

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России. 119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76.

В статье в рамках дипломатического дискурса как одного из особых видов институционального дискурса рассматривается структура, лексические и понятийные особенности сообщений для СМИ, представленных на сайте МИД РФ. Внешнеполитическая коммуникация протекает в ситуации условно независимой коммуникативной цепочки, при этом коммуникация осуществляется между принципиально разными структурами: проходит несовпадение национальных картин мира, кроме того, международная коммуникация подвергается более жесткому контролю, что также накладывает на нее свой отпечаток. Одним из вариантов лингвистического исследования текстов в рамках международной политической коммуникации является дискурсивный и текстологический анализ. Основная особенность текстов информационного подстиля состоит в отсутствии в текстах элементов субъективного восприятия, стремление к объективности, обезличенной форме подачи информации. Декларируется также неоценочность информационного подстиля, хотя, как правило, автор, пишущий в информационном подстиле, выражает коллективный или корпоративный взгляд на сообщаемое.

В текстах раздела «Сообщений для СМИ» официального сайта МИД РФ автор всегда остается анонимным, а целью сообщения является иллокутивный акт, отражающий не коллективное мнение в общем понимании, а точку зрения государства.

Для этого типа текстов также характерно устойчивое использование клишированных выражений. Оценочность, даже в имплицитной форме, в строго информационных сообщениях невозможна. Однако она присутствует в таких Сообщениях для СМИ как «Предупреждение…», «Комментарии…» к произошедшему событию. Существует ряд других языковых особенностей, позволяющих говорить о характерных чертах текста «Сообщений для СМИ», позволяющих выделять такой текст из информационного потока и отличающих стиль подобных текстов от информационного подстиля в целом. Отход от фиксированных правил оформления таких текстов недопустим, поскольку их структура определяется не только языковыми, но и этико-правовыми нормами изложения.

Ключевые слова: дипломатический дискурс, коммуникация, веб-сайт, текст, текстологический анализ.

Дипломатия всегда была и по-прежнему остается достаточно закрытой сферой профессиональной коммуникации, целью которой является поиск компромиссных решений, не сопровождаемый публичной демонстрацией профессиональных тонкостей приемов и методов, используемых профессиональными дипломатами в своей работе. Этой особенностью объясняется незначительное количество работ, посвященных, в частности, лингвистическим аспектам дипломатических текстов, в том числе публикаций дипломатов высшего ранга в СМИ, и дипломатической коммуникации в целом [2, с. 5].

Внешнеполитическая коммуникация в целом протекает в ситуации условно независимой коммуникативной цепочки, при этом коммуникация осуществляется между принципиально разными структурами: проходит несовпадение национальных картин мира, что позволяет даже говорить о национальных логиках, кроме того, международная коммуникация подвергается более жесткому контролю, что также накладывает на нее свой отпечаток. Одним из вариантов лингвистического исследования международной политической коммуникации может быть дискурсивный анализ, но предварительно стоит определиться с таким понятием как дипломатический дискурс.

Дипломатический дискурс обладает рядом характерных свойств, таких как:

- наличие различий между устным и письменным языком, используемым дипломатами,
- использование специальной дипломатической лексики, терминологии, часто французского и латинского происхождения, что следует из исторической роли французского и латинского языков в дипломатии,
- использование высокого стиля речи,
- использование сложных синтаксических конструкций, особенно в языке официальных документов,
- определенные дипломатические штампы,
- «язык намеков и недомолвок» [2, с. 14].

Дипломатический дискурс, как и большинство видов дискурса, предполагает как минимум двустороннее общение. Известно, что подчеркивание двусторонности речевого общения и

его инструментального характера свойственно сторонникам школы символического интеракционизма в социолингвистике. В частности, один из видных сторонников данной школы А. Бриттен писал, что язык является средством регуляции человеческого взаимодействия. «Люди используют язык как средство, дабы произвести впечатление, обмануть, принудить, обнаружить истину, выработать новый смысл деятельности. Он представляет собой как средство взаимодействия, так и механизм конфликта» [Бриттен 6]. Р. Барт писал: «В пределах языковой коммуникации *я* и *ты* предполагают друг друга с абсолютной необходимостью» [1, с. 220]. Для дипломатического дискурса этот аспект принципиально важен. Не только инициатор, но и адресат коммуникативного акта осознаются как действенные факторы коммуникативного процесса, учитывать которые необходимо в их органической связи. Абстрактного собеседника не может быть. Значение ориентации слова на собеседника – чрезвычайно велико. В сущности, слово является двусторонним актом. Оно в равной степени определяется как тем, что оно, так и тем, для кого оно. Согласно М.М. Бахтину, оно является продуктом взаимоотношений говорящего со слушающим. Для дипломатического дискурса это суждение приобретает особую значимость, поскольку в этом виде дискурса случайные слова недопустимы, и слова должны интерпретироваться адресатом так, как это нужно адресанту.

В современном мире появился новый вид коммуникации – электронная или е-коммуникация, предполагающая общение через электронные средства связи, в частности, Интернет, где «говорящего и слушающего» в явном виде может и не быть. И говорящим может быть более чем один адресант, и слушающим – более чем один реципиент. Особенности электронной коммуникации оказывают заметное влияние на современный язык, способствуя появлению новых жанров (например, блоги, ЖЖ, форумы, твиты и пр.). В рамках электронной коммуникации официальных организаций и электронных СМИ также появляются новые типы текстов, например сообщения для СМИ, публикуемые на официальном сайте МИД РФ.

Стоит отметить, что типология текста, несмотря на свое центральное положение в общей теории текста, до сих пор разра-

ботана еще в недостаточной мере. Не определены еще общие критерии, которые должны быть положены в основу типологизации. Объективно это объясняется многоаспектностью и потому сложностью самого феномена текста, субъективно – сравнительно небольшим периодом разработки проблем текста, когда они стали слагаться в общую теорию. Главная трудность заключается в том, что при текстовой дифференциации неправомерно исходить из какого-либо одного критерия, слишком зыбко такое основание для строгой классификации.

Понятие «тип текста» в настоящее время принято как рабочий термин в современных исследованиях по теории текста, в частности в лингвистике текста. Обозначает он эмпирически существующие формы манифестации текстов. Расхождения в толковании понятия «тип текста» еще достаточно велики. Оно трактуется то слишком узко, то слишком широко (например, *кулинарный рецепт как тип текста и перевод как тип текста*).

Для типологизации критерии выделения текста должны слагаться из ряда показателей и охватывать по крайней мере главные признаки текста: информационные, функциональные, структурно-семиотические, коммуникативные. По мнению Н.С. Валгиной, выбор критериев типологизации осложняется и тем, что один и тот же текст может быть отнесен к различным группам из-за своей собственной многоаспектности: по одному критерию он войдет в одну группу текстов, по другому – в другую [3].

При ориентации на разные критерии можно в первичной дифференциации остановиться на делении «научные и ненаучные тексты»; «художественные и нехудожественные тексты»; «монологический и диалогический тексты»; «моноадресатный и полиадресатный тексты» и др. Каждое из этих делений реально существует, но с точки зрения общей и единой типологии они некорректны: например, художественный текст, с одной стороны, попадет в группу ненаучных, а с другой – одновременно в группы монологических и диалогических [там же].

Во избежание подобных скрещиваний будем ориентироваться в дальнейшем на наиболее устоявшиеся классификации, опирающиеся на экстратекстуальные факторы, т.е. факторы реальной коммуникации (коммуникативно-прагматические).

Тексты по форме представления могут быть *устными* (в основном в разговорно-бытовой сфере общения) и *письменными* (в сферах официального, специального и эстетического общения). С одной стороны, «сообщение для СМИ», безусловно, текст письменный, однако, поскольку в характеристику текстов неизбежно включаются экстралингвистические факторы (факторы ситуации общения), то возникает необходимость обращения к таким понятиям, как *коммуникативный акт* и *речевой жанр*. В этом отношении большой материал уже накоплен функциональной стилистикой, которая изучает не абстрактные системы функциональных стилей, а их речевые реализации в текстах [3].

В целом тексты любых официальных сообщений выдержаны, как правило, в строгом деловом стиле, который обычно называют как информационный подстиль языка массовой коммуникации. Основной целью информационного подстиля является информирование реципиента о социально значимых событиях, происшествиях, фактах, а также об их объективных свойствах. К информационным жанрам относят информационную заметку, корреспонденцию, репортаж и пр. По нашему мнению, жанр «сообщений для СМИ» в этом ряду стоит особняком.

Основная особенность текстов информационного подстиля состоит в отсутствии в текстах элементов субъективного восприятия, стремлении к объективности, обезличенной форме подачи информации. Декларируется также неоценочность информационного подстиля, хотя, как правило, автор, пишущий в информационном подстиле, выражает в основном коллективный или корпоративный взгляд на сообщаемое.

В текстах раздела «Сообщений для СМИ» официального сайта МИД РФ автор всегда остается анонимным, а целью сообщения является иллокутивный акт, выражающий не коллективное мнение в общем понимании, а точку зрения государства.

«Сообщения для СМИ» принадлежат классу публичной коммуникации. «Публичная коммуникация – это передача информации общественности и ее получение общественностью. К этой информации имеет доступ любой член общества, и она является социально значимой. Мы говорим, что такая информация имеет публичный статус» [5]. Под публичной коммуникацией принято

понимать вид устного общения, при котором информация в обстановке официальности передается значительному числу слушателей. Для публичных коммуникаций характерна передача информации, затрагивающей общественный интерес, с одновременным приданием ей официального статуса. Статус публичности связан с официальностью ситуативной коммуникации.

В самом общем понимании публичный дискурс, по мнению Т.В. Воронцовой, обращен к широкому адресату. Им может быть как массовый, так и множественный адресат [4, с. 7-22]. Выявленные характеристики позволяют уточнить три взаимосвязанных признака: специфику общения, тематические ограничения и аспекты адресанта. Во-первых, специфика общения в том, что публичный дискурс допускает не просто массовую коммуникацию, но и особый контакт, сущность которого связана со своеобразным парадоксом. Адресат может быть неоднородным, многочисленным и непременно объединенным по какому-либо параметру (прежде всего социальному, профессиональному, возрастному). Во-вторых, тематические ограничения и сущность публичного дискурса взаимообусловлены: это политика, этика, экономика, культура и др. В-третьих, специфика адресанта определяется значительной коммуникативной компетентностью. Публичный дискурс может быть как монологической, так и диалогической формы. При этом публичный монолог адресован непосредственно адресату, множественному или массовому. «Сообщения для СМИ» принадлежат к монологическому публичному дискурсу.

Т.В. Воронцова сформулировала такие функциональные характеристики публичного дискурса:

1) наличие одного адресанта и одного или множества адресатов;

2) коммуникация носит публичный (массовый) характер;

3) осуществляется, как правило, публичной личностью, обладающей определенным социальным статусом;

4) носит более активный характер, нежели приватный дискурс, так как направлен на массы;

5) бремя ответственности за принятые решения менее категорично в силу массовости коммуникации;

6) реализуется как в форме диалога, так и в форме монолога;

7) предмет обсуждения, ориентированный на множественного адресата, относится к высокоинтеллектуальным сферам и при этом перцептивен с точки зрения восприятия;

8) дискурс носит общественно значимую направленность [4, с. 17-22].

Для текстов раздела «Сообщения для СМИ» нехарактерны некоторые изложенные выше функциональные характеристики, например: п. 3 – сообщения для СМИ не имеют эксплицитного автора, они подаются от имени Министерства иностранных дел, по сути, выражая мнение государства. Пункт 5 – бремя ответственности весьма категорично, поскольку опять-таки адресантом выступает государственный орган; п. 6 – реализуется только в форме монолога, предполагая, однако, определенную реакцию реципиента. Как правило, часть таких сообщений публикуется в разных печатных и электронных СМИ.

Стоит отметить, что для сообщения для СМИ как типа письменного текста характерен ряд специфических черт, выделяющих такие сообщения среди других текстов публичного дискурса. Например:

СООБЩЕНИЕ ДЛЯ СМИ

Предупреждение для российских граждан, выезжающих за границу

В последнее время участились случаи задержаний российских граждан в различных странах мира по запросам американских правоохранительных органов с целью их экстрадиции и судебного преследования в США. Среди последних случаев – аресты Дмитрия Устинова в Литве, Дмитрия Белороссова в Испании, Максима Чухарева в Коста-Рике, Александра Панина в Доминиканской Республике.

Практика показывает, что судебные процессы над теми, кто был ***фактически похищен*** *и* ***вывезен*** *в США, носят* ***предвзятый*** *характер, основываясь на* ***шаткой*** *доказательной базе и имея ярко выраженный* ***обвинительный уклон****. Как правило, они заканчиваются вынесением* ***неправомерных*** *приговоров с длительными сроками заключения, что, в частности, случилось с*

В.А. Бутом и К.В. Ярошенко, осужденными, соответственно, на 25 и 20 лет тюрьмы.

Российские посольства и генеральные консульства, разумеется, оказывают консульскую и правовую помощь ***попавшим в беду*** *россиянам, однако рассчитывать на* ***успешный исход*** *такого рода дел* ***не приходится.***

В этих условиях МИД России рекомендует российским гражданам воздержаться от зарубежных поездок, особенно в страны, заключившие с США договоры о взаимной выдаче, если есть ***обоснованные подозрения*** *в том, что американские правоохранительные органы имеют к ним какие-либо претензии.*

Данное сообщение постоянно размещено на веб-сайте МИД РФ и выражает официальную точку зрения государства. Однако можно отметить, что данному тексту свойственна нехарактерная в целом официальным документам эксплицитная эмотивность: *похищен, вывезен, шаткий, обвинительный уклон, неправомерных, успешный исход* и пр. Столь эмотивно нагруженный текст объясняется самим названием данного сообщения – «предупреждение», предполагающим «1. действия, меры, заранее предпринятые кем-либо с целью помешать чему-либо произойти, осуществиться, наступить. 2. замечание, сигнал и т.п., заключающие в себе предостережение о чём-либо» (dic.academic.ru).

Еще один тип «Сообщений для СМИ» – это комментарии к произошедшему событию, например, комментарий Департамента информации и печати МИД России в связи с ситуацией вокруг памятника Советской Армии в Софии (24.02.14).

С чувством ***глубокого возмущения*** *в России встретили весть об очередном случае* ***вандализма*** *в отношении памятника Советской Армии в центре столицы Болгарии – Софии в ночь с 22 на 23 февраля.*

В связи с произошедшим в МИД Болгарии направлена ***нота протеста*** *с* ***требованием*** *провести тщательное расследование этого* ***хулиганского инцидента****, привлечения к ответственности* ***виновных*** *в* ***противоправных действиях*** *и принятия надлежащих мер по приведению мемориала в порядок. Рассчитываем, что официальные власти Болгарии примут все необходимые меры по недопущению* ***глумления*** *над памятью советских воинов, павших во имя освобождения Болгарии и Европы от нацизма.*

Очевидна эмоциональная оценочность произошедшего (*хулиганский инцидент, глумление, противоправные действия* и пр.), отражающая реакцию государства на акт, противоречащий как общечеловеческим ценностям, так и оскорбляющим конкретное государство.

Сообщениям для СМИ характерна также определенная клишированность текста, присутствующая как в наборе оценочной лексики, так и лексики нейтральной, например:

СООБЩЕНИЕ ДЛЯ СМИ

О телефонном разговоре Министра иностранных дел России С.В.Лаврова с министрами иностранных дел Германии, Польши и Франции (22.02.14).

22 февраля состоялись раздельные телефонные разговоры Министра иностранных дел Российской Федерации С.В.Лаврова с министрами иностранных дел Германии Ф.-В.Штайнмайером, Польши Р.Сикорским, Франции Л.Фабиусом.

*С.В.Лавров выразил самую **серьезную озабоченность недоговорспособностью** подписавших 21 февраля соглашение в Киеве. Оппозиция не только не выполнила ни одного из своих обязательств, но уже выдвигает все новые требования, **идя на поводу** у **вооруженных экстремистов и погромщиков**, действия которых представляют **прямую угрозу** суверенитету и конституционному строю Украины.*

*Российский Министр **настоятельно призвал** Германию, Польшу и Францию как страны, которые активно продвигали и засвидетельствовали подписание соглашения от 21 февраля, использовать свое влияние на оппозицию, чтобы добиться его немедленного выполнения и **обуздания бесчинствующих молодчиков**. Пора прекратить **вводить в заблуждение** мировую общественность и делать вид, будто сегодняшний Майдан представляет интересы украинского народа.*

*Ф.-В.Штайнмайер, Р.Сикорский и Л.Фабиус разделили **озабоченность** российской стороны, признали невыполнение оппозицией своей части обязательств и обещали срочно **предпринять дополнительные шаги** с целью **обеспечения реализации** достигнутых договоренностей.*

К характерным клише нейтрального типа относятся такие как *предпринять дополнительные шаги, обеспечение реализации,*

достигнутые договоренности. Эти словосочетания постоянно встречаются как в письменных дипломатических текстах, так и в речи дипломатов, рассчитанных на произнесение в рамках публичного дискурса. Скрытая оценочность присутствует в имплицитной форме (*настоятельно призвать, озабоченность, вводить в заблуждение*). Появившийся в последнее время неологизм *недоговорспособность* отражает реалии настоящего времени – если ранее переговоры проводились, как правило, на официальном уровне и с легитимными правительствами и организациями, то в последнее время переговоры нередко вынуждены проводить с неправомочными на это структурами ради заключения хоть каких-то договоренностей.

Еще одним типом «Сообщений для СМИ» являются строго информационные сообщения, не выходящие за рамки информационного стиля, например:

СООБЩЕНИЕ ДЛЯ СМИ

О встрече ***спецпредставителя*** *Президента Российской Федерации по Ближнему Востоку и странам Африки, заместителя Министра иностранных дел России М.Л.Богданова с Генеральным секретарём Демократического фронта освобождения Палестины Н.Хаватме (20.02.15).*

20 февраля специальный представитель Президента Российской Федерации по Ближнему Востоку и странам Африки, заместитель Министра иностранных дел России М.Л.Богданов принял Генерального секретаря Демократического фронта освобождения Палестины Н.Хаватме.

В ходе беседы ***состоялся углубленный обмен мнениями*** *по региональной* ***повестке дня*** *с акцентом на положение дел в палестино-израильском урегулировании и* ***перспективы возобновления*** *переговорного процесса, а также* ***вопросы*** *межпалестинского* ***диалога****. Отдельно обсуждалось развитие ситуации в Сирии и Ираке.*

Как уже упоминалось, для этого типа текстов также характерно устойчивое использование клишированных выражений (*углубленный обмен мнениями, перспективы возобновления переговорного процесса, вопросы диалога* и пр.). Оценочность даже в имплицитной форме в строго информационных сообще-

ниях отсутствует. Существует ряд других языковых особенностей, позволяющих говорить о характерных чертах текста «Сообщений для СМИ», и выделять такой текст из информационного потока, а также отличающих стиль подобных текстов от информационного подстиля в целом. Отход от фиксированных правил оформления таких текстов не допускается, по всей видимости, потому, что их структура определяется не только языковыми, но и сложившимися в ходе длительной истории дипломатической практики этико-правовыми нормами изложения.

Список литературы

1. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Наука, 1989.
2. Беляков М.В., Максименко О.И. Дипломатическая коммуникация // Профессиональное общение. Монография. Под общ. редакцией Харченко Е.В. Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2013.
3. Валгина Н.С. Теория текста. М.: Логос, 2003.
4. Воронцова Т.В. О соотношении понятий публичный дискурс – язык СМИ – публичная речь. Ижевск: Вестн. Удмурт. ун-та. 2008. Вып. 3.
5. Уилби П. Концепции публичной политики, связей с общественностью и публичной коммуникации. Великобритания: Ун-т Центр. Англии, 2003.
6. Brittan A. Meanings and Situations. London, 1973.

Об авторе

Беляков Михаил Васильевич – к.филол.н., доцент, доцент кафедры русского языка для иностранных учащихся Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России. Сфера научных интересов: компьютерная лингвистика, РКИ. E-mail: belmax007@hotmail.com

TEXTOLOGICAL ANALYSIS “TEXTS FOR MEDIA” MFA RF

M.V. Belyakov

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *In the article, within the framework of a diplomatic discourse as one of special types of institutional discourse, are considered the structure, lexical and conceptual features of “Messages for the mass-media” posted on a site of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. The foreign policy communication flows in a situation of conditionally independent communicative chain, where communication is carried out by essentially different structures: discourse and the textual analysis. The basic feature of text information substyle consists in the lack of subjective evaluation, in depersonalized forms of information presentation. It is declared to be a non- evaluative in-*

formative substyle though the author usually expresses a collective or corporate viewpoint. In "Messages for mass-media" texts, on the official site of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, the author always remains anonymous, and the purpose of the message is illocutive act, e.i. to reflect the point of view of the state, not a collective opinion.

For this type of texts cliche expressions are typical. Evaluation, even implicit, is prohibited in strict informational reports. However, you may find it in such "Messages for mass-media" as "The Warnings … ", "Comments … " on the current event. There are a number of other language features, allowing to speak about characteristic features of the text "Messages for mass-media", and allowing to allocate such texts from an information stream and similar texts style from information substyle as a whole. The deviation from the format of the texts is not allowed, as their structure is determined not only by language, but also by ethic and legal norms of presentation.

Key words: diplomatic discourse, textological analysis, web-site, emotivity

References

1. Bart R. Izbrannye raboty: Semiotika. Pojetika [Selected works: Semiotics. Poetics]. M.: Nauka, 1989.
2. Beljakov M.V., Maksimenko O.I. Diplomaticheskaja kommunikacija // Professional'noe obshhenie. Monografija. Pod obshh. redakciej Harchenko E.V. [Diplomatic Communication// Professional Communication]. Cheljabinsk: Izd. centr JuUrGU, 2013.
3. Valgina N.S. Teorija teksta [Text Theory]. M.: Logos, 2003.
4. Voroncova T.V. O sootnoshenii ponjatij publichnyj diskurs – jazyk SMI – publichnaja rech' [About concepts relationship – discourse, media language, public speech]. Izhevsk: Vestn. Udmurt. un-ta. 2008. Vyp. 3.
5. Wilby P. Koncepcii publichnoj politiki, svjazej s obshhestvennost'ju i publichnoj kommunikacii [Conceptions of Public Policy, PR and Public Communication]. Velikobritanija: Un-t Centr. Anglii, 2003.
6. Brittan A. Meanings and Situations. London, 1973.

About author

Belyakov Mikhail Vasilevich, PhD (Philology), Associate Professor, Associate Professor of the Russian for Foreigners chair, Moscow State Institute of International Relations (University); Research interests: mathematical and computer linguistics. E-mail: belmax007@ hotmail.com

* * *

ИМПЛИКАТИВНАЯ НОМИНАЦИЯ КАК СРЕДСТВО РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА

Е.В. Голубкова

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России. 119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76.

В определенных стандартных ситуациях общения в соответствии с правилами речевого этикета говорящим приходится заменять основное наименование предмета действительности альтернативным. При этом языковое средство помимо собственно номинативной функции выполняет некоторые прагматические функции, среди которых с точки зрения соблюдения норм этикета главной является функция вежливости, реализующаяся в таких разновидностях, как соблюдение приличия, проявления деликатности, ненавязчивости, уважения и других. Подобные альтернативные наименования могут существовать в языке, но могут также быть созданы непосредственно в процессе коммуникации. Способность быть альтернативным наименованием обусловливается способностью альтернативной номинативной единицы репрезентировать в речи тот же денотат (существенные признаки обозначаемого объекта действительности), который репрезентируется в системе языка основным номинативным средством. Как показывает исследование, такая способность возникает при импликации, то есть подразумевании определённых существенных признаков при использовании замещающего имени. Импликация является основным способом создания речевых наименований по правилам этикета.

Импликативная номинация осуществляется в нескольких видах и подвидах. Степень имплицитности определяется в зависимости от того, как и какие признаки репрезентируемого денотата находят отражение в субстанциональном значении речевых наименований. Наименьшей имплицитностью наделены речевые наименования, субстанциональные значения которых имеют общие опорные семы со значением системного имени денотата (I степень) или семы, ассоциативно связанные с опорными семами системного имени (II степень). Более имплицитны речевые наименования на базе архисем (III степень). Наивысшей степенью имплицитности обладает умолчание, когда репрезентируемый денотат не имеет вербальной формальной опоры (IV степень).

Ключевые слова: номинация, импликативная номинации, альтернативная номинативная единица, идеальный денотат, денотативное значение, речевой этикет, функция вежливости

В процессе общения люди непременно производят действия, которые представляют собой номинацию, то есть обозначение предметов реального мира (материального и идеального) при помощи знаков языка. Суть этого процесса заключается в том, что посредством субстанционального (денотативного) значения языкового знака говорящие репрезентируют в речи тот или иной предмет действительности, выделяя в нем существенные признаки, совокупность которых можно назвать реальным денотатом, в то время как их отражение в сознании общающихся людей – идеальным денотатом. Таким образом, номинация в своем коммуникативном аспекте сводится к репрезентации идеального денотата в речи говорящим и его восприятие слушающим.

Если говорящий подбирает наименование, в чьем денотативном значении представлены все существенные признаки идеального денотата, то номинация осуществляется системными средствами языка. Если же номинация осуществляется при помощи наименования, в чье денотативное значение входят не все или не входят никакие признаки репрезентируемого идеального денотата, то номинация осуществляется несистемными, речевыми, средствами, и можно говорить об импликации. Другими словами, при импликативном способе именования признаки репрезентируемого идеального денотата представлены в субстанциональном значении речевого наименования частично или вообще не представлены.

Зачем люди избирают такой, казалось бы, сложный для понимания способ номинации? Причин может быть много: от желания скрыть информацию от посторонних («эзопов язык») до стремления наиболее оригинальным или изысканным образом ее выразить (например, в литературных художественных произведениях). В данной статье мы будем рассматривать использование импликативной номинации в соответствии с правилами речевого этикета.

Как известно, речевой этикет является системой правил, восходящих к моральным нормам, предписывающим участникам общения быть вежливыми друг с другом. Сюда входят, в частности, требования соблюдать приличия, быть деликатным, скромным, некатегоричным, ненавязчивым и так далее. Особен-

ность сферы функционирования указанных норм речевого этикета заключается в том, что она охватывает стандартные ситуации, в которых люди обычно воздерживаются от прямых наименований.

Свою основную задачу в этой статье мы видим в том, чтобы вскрыть и описать определенные семантические и ономасиологические механизмы, задействованные в процессе построения говорящими речевых наименований в соответствии с правилами этикета.

Как показывает наше исследование, импликация в таких случаях реализуется в нескольких видах и подвидах. Виды импликативной репрезентации идеального денотата различаются в зависимости от того, как и какие признаки репрезентируемого денотата представлены в субстанциональном значении речевого наименования. Поскольку мы рассматриваем репрезентацию только тех идеальных денотатов, которые уже зафиксированы в языковой форме, то речь, по существу, идет о взаимодействии сем, образующих денотативный аспект значения замещаемой единицы (то есть той, которая служит для репрезентации данного денотата в системе языка, но употребления которой избегают), и сем, образующих субстанциональное значение речевого наименования (которое служит целям замещения системного имени по этикетным причинам).

Семы, образующие денотативное значение, могут относиться к разным уровням иерархии: на высшей ступени находятся архисемы, семы родового значения, отражающие признаки, свойственные целым классам объектов. (В других терминах это – общие, категориальные, тематические и т.п. семы). На следующей ступени иерархии находятся дифференциальные семы, семы видового значения, которые в своей совокупности составляют ядро значения номинативной единицы. Они отражают непосредственные различия объектов, а, следовательно, их индивидуальные свойства [1, с. 14]. В других терминах это – ядерные, опорные, эмпирические и т.п. семы). Мы будем использовать соответственно термины «архисемы» и «опорные» семы.

Ввиду особой важности опорных сем для репрезентации определенного идеального денотата (поскольку они передают

основную, индивидуальную информацию о нем), именно они учитываются в первую очередь при разграничении видов импликации.

Импликация проявляется в меньшей степени, если часть опорных сем, входящих в структуру значения системного имени денотата, сохраняется в субстанциональном значении речевого наименования. Так, у единиц *lie* и *fantasy* есть общая опорная сема – «несоответствие действительности». Если *fantasy* используется для репрезентации денотата, обозначаемого в системе единицей *lie*, то такую импликацию будем считать ***импликацией I степени***.

Импликация проявляется в большей степени, если все опорные семы, входящие в значение системного имени денотата, имплицируются, оказываются не представленными в субстанциональном значении речевого наименования. При этом возможно такое соотношение опорных сем в значении системного имени денотата и опорных сем в субстанциональном значении речевого наименования, при котором они ассоциативно связаны. Так, ассоциативно связаны *undependable* и *ignorant*: отсутствие знаний является причиной ненадежности мнения человека. Если *undependable* используется для репрезентации денотата, обозначаемого в системе языка единицей *ignorant*, то здесь можно говорить об ***импликации II степени***.

Бывают и такие случаи, когда опорные семы значения системного имени денотата не представлены в значении речевого наименования и не имеют с ними ассоциативной связи. Представленными оказываются только архисемы: это ***импликация III степени***.

Наконец, возможна импликация путем опущения речевого наименования, замены его умолчанием. В этом случае никакие семы не могут быть представлены, так как они не имеют вербально выраженной формы. Это наивысшая, ***IV степень импликации***.

Теперь более подробно рассмотрим каждый из подвидов импликации отдельно. Импликативная номинация ***I степени*** может быть *положительной* и *отрицательной*. При *положительной* импликации сохраняемая часть опорных признаков представ-

лена в субстанциональном значении речевого наименования, поскольку денотативные аспекты значений замещающих единиц содержат эти семы в своей структуре. Формально границы единиц положительной импликации могут совпадать с системными (словами и устойчивыми словесными комплексами) или выходить за их рамки (быть свободными словосочетаниями).

№1. "I assure you the conversation took place. In any case I'm not in the habit of making that kind of invention" [5, с. 219].

№2. "I'm not deceived by your little fantasy. No indeed. It was Miss Flora who took the money" [2, с. 165].

В примерах 1 и 2 единицы invention ("fictitious story") и *fantasy* ("wild or fantastic product of the imagination") репрезентируют денотат, обозначаемый системной единицей *lie* ("an untrue statement purposely made to deceive"). Семный состав их денотативных значений можно представить следующим образом:

lie: «продукт воображения», «вербальность», «несоответствие действительности», «намеренность», «введение в заблуждение»;

invention: «продукт воображения», «вербальность», «несоответствие действительности», «намеренность»;

fantasy: «продукт воображения», «несоответствие действительности», «причудливость».

Общие опорные семы подчеркнуты. Именно на их основе происходит восстановление репрезентируемого в речи идеального денотата. При этом в ситуации №1 речевое наименование выполняет функции сохранения собственного достоинства и усиления смысла. Наименование выбрано доктором, занимающим административный пост, в разговоре со своим конкурентом при обсуждении деловых вопросов и связанных с ними личных конфликтов. Ситуация общения – официальная. В ситуации №2 речевое наименование выполняет функцию деликатности. Оно выбрано человеком, который с пониманием и сочувствием относится к мотивам другого человека, прибегшего к явной лжи. Ситуация общения – нейтральная.

№3. "Never mind next time", I answered shortly. "I am in my forties". It seemed important to emphasize that. When you are in your fifties, the next thing you will be in is your sixties, and that's really getting near to closing time" [14, с. 459].

Устойчивый словесный комплекс *closing time* репрезентирует денотат, обозначаемый в системе единицей *death* (“the last end of life”) на основе субстанционального значения «время закрытия (магазинов, учреждений и т.п.)»:

death: «время», «конец», «жизнь»;

closing time: «время», «конец», «работа учреждений».

Речевое наименование выполняет этикетную функцию ненавязчивости, отсутствия излишней драматизации, придает обозначению эмоциональную окраску и образность. Наименование использовано автором книги, ведущим повествование от первого лица, в заочной беседе с читателем. Ситуация общения – нейтральная.

№4. Ever since we’ve been friends, a little over three years, the one thing I had reservations about was your being a student of the dollar [10, с. 145].

Словосочетание *a student of the dollar* репрезентирует денотат, обозначаемый в системе единицей *miser*: “a person who loves money and hates spending it, and who becomes wealthy by storing it”:

miser: «человек», «интерес», «деньги», «экономия», «накопление», «богатство»;

a student of the dollar: «человек», «интерес», «деньги» (*a student*: “a person with a stated interest”).

Речевое наименование выполняет функцию деликатности. Оно используется молодым человеком в откровенном разговоре со своим другом, которого он принимал, как выяснилось, необоснованно, за сына очень богатых родителей, а потому ставил ему в упрек то, что тот всегда экономил и копил деньги. Ситуация общения – неофициальная.

№5. “… and my wife isn’t a good influence on Neely.” He paused. “My wife has a drinking problem” [16, с. 460].

Словосочетание (*have*) a drinking problem здесь репрезентирует денотат, означаемый в системе единицей (*be*) *an alcoholic* (“a person who cannot break the habit of drinking alcoholic drinks too much, esp. one whose health is damaged because of this”):

(*have*) *a drinking problem*: «употреблять», «алкоголь», «чрезмерно»;

(*be*) *an alcoholic*: «лицо», «привычка», «алкоголь», «чрезмерно», «болезнь».

Речевое наименование используется в речи одного из коллег для проявления деликатности по отношению к человеку, о котором идет речь, и сохранения собственного достоинства со стороны говорящего, про жену которого известно, что она алкоголичка.

Анализ речевых наименований показывает, что в случае импликации I степени замещающая и замещаемая единицы – слова обычно соотносятся как гипонимы (видовые понятия), восходящие к одному гипериониму (родовому понятию): №1, 2 – *lie, invention, fantasy* восходят к родовому понятия «продукт воображения»; №3 – *death, closing time* – к понятию «время» и так далее. Таким образом, архисемы также оказываются задействованными. Кроме того, замещаемая и замещающая единицы могут быть также идеографическими (или идеографо-стилистическими) синонимами. Например, *suitable* было использовано вместо *proper, pleased* вместо *happy, acceptable* взамен *welcome, like* подразумевает *love*.

В тех же случаях, когда импликативная единица I степени оказывается словосочетанием, как в примере №5, такие отношения не являются обязательными, и архисемы могут быть и не представлены.

Переходя к описанию *отрицательного* способа импликативной номинации I степени, необходимо отметить, что она заслуживает такого подробного и глубокого анализа, который не может быть представлен в рамках данной статьи. Скажем лишь самое существенное с нашей точки зрения. Такой способ номинации базируется на представлении в субстанциональном значении речевого наименования сем противоположных опорным семам репрезентируемого денотата при явном или неявном их отрицании. В первом случае опорные семы, противоположные репрезентируемым, содержатся в значениях антонимичных лексических средств и отрицаются грамматическими и лексическими способами, такими как: отрицательные частицы *no, not,* отрицательные местоимения и конструкции типа *by no means, far from, hardly* и другие. Во втором – они также содержатся в значениях антонимичных лексических средств, но подразумеваются не только противоположные семы, а и само отрицание. Оно осуществляется окказионально в данном ситуативном контексте и поддерживается паралингвистическими средствами.

Приведем примеры первого подвида отрицательно-импликативного способа именования денотата (антонимичное средство + лексико-грамматическое отрицание).

№6. Well, my mother died around the same time. I guess that didn't help. Some men just don't bounce, that's all [9, с. 45].

Didn't help репрезентирует денотат, обозначаемый в системе единицей *make matters worse* ("to make a state of affairs more serious, more difficult to deal with, etc."):

make matters worse: «действие», «создание», «положение», «ухудшение», «трудность»;

help ("…produce favourable conditions for something"): «действие», «создание», «благоприятные условия».

Речевое наименование выполняет функцию ненавязчивости, отсутствия излишней драматизации. Данное высказывание делается человеком, который юношей пожертвовал собственной карьерой ради душевного спокойствия отца. Он объясняет брату, почему он не смог продолжить учебу в университете. Ситуация общения неофициальная.

Когда замещающей номинативной единицей является прилагательное, последнее часто употребляется в сравнительной или превосходной степени.

№7. The voice sounded doubtful. "I guess I could, of course, Dodo isn't the brightest…" [6, с. 138].

Здесь *not the brightest* используется для репрезентации денотата, обозначаемого в системе единицей *stupid* "silly or foolish, either generally or in a certain action" –

stupid: «качество», «умственная способность», «низкий»;

bright ("clever; quick at learning"): «качество», «умственная способность», «высокий».

Данное наименование выполняет функции деликатности и некатегоричности. Оно используется в речи подчиненного, обращенной к своему начальнику, когда он характеризует хорошо им обоим известные низкие умственные способности любовницы начальника, для которой нужно устроить выгодный контракт в кино.

Когда в качестве речевых наименований выступают словосочетания, отрицание, содержащееся в них, может относиться не

непосредственно к антонимичному наименованию, а к другим членам словосочетания, что делает импликацию более полной, а прагматический эффект более ощутимым. Типичным является использование отрицаний с наречиями: *very, exactly, too, quite, certainly, altogether, especially, entirely, precisely, particularly, awfully, terribly,* etc.

№8. “Is this the way the lab is usually kept?” Coleman asked. “It isn’t very tidy, is it?” Alexander felt a surge of shame that anyone should see this place the way it was [5, с. 164].

Словосочетание *not very tidy* репрезентирует денотат, обозначаемый в системе единицей *dirty* (“soiled, foul, like or connected with dirt”) –

dirty: «качество», «грязь»;

tidy (“neatly arranged, neat, orderly”): «качество», «чистота», «порядок».

Речевое наименование выполняет функции не категоричности и сохранения собственного достоинства. Вновь поступивший на работу в больницу лаборант стыдится запущенного состояния лаборатории, в которой ему приходится работать. Ситуация общения – официальная.

Второй подвид отрицательного способа импликативной номинации I степени осуществляется при помощи антонимичного лексического средства, используемого в прямо противоположном значении, которое семантизируется в контексте конкретной ситуации.

№9. Cheer up, sweetheart, and don’t worry. There’s a risk, of course, but all life’s risk really. By the way, somebody said I ought to make a will (tactful fellow – but he meant well) so I have [2, с. 106].

Слово *tactful* репрезентирует денотат, обозначаемый в системе единицей *tactless* –

tactful: «качество», «обладание», «такт»;

tactless: «качество», «отсутствие», «такт».

Наименование используется для выполнения функции не категоричности и создания иронии. Ситуация общения – неофициальная.

Особенно типично использование в противоположных значениях по причинам этикета наречий *little, a bit, somewhat, rather, slightly.*

№10. Lyon Burk opened his door. She smiled at him weakly as she came over and stared at the shrieking Neely. “This is Neely. She is a little upset.” “I’d say that was a classic understatement” [16, с. 83].

A little репрезентирует денотат, обозначаемый единицей *very*, и выполняет функцию ненавязчивости:

a little: «степень», «незначительный»;

very: «степень», «выше среднего».

Рассмотрим теперь импликативную номинацию ***II степени***, которая основана на представлении в субстанциональном значении речевого наименования опорных сем, ассоциативно связанных с опорными признаками репрезентируемого денотата. Эти связи могут быть самыми разнообразными и не укладываются в отношения синономии, антонимии, гипонимии. Как правило, единицы относятся к разным лексико-семантическим полям и группам, что и способствует их использованию в качестве средств речевого этикета.

№11. What Henry doesn’t know about the workings of a wireless set doesn’t matter, but he is a little undependable on the financial aspects of business [1, с. 65].

Undependable репрезентирует денотат, обозначаемый в системе единицей *ignorant*. «Ненадежность» ассоциативно связана с «невежеством», поскольку, если человек не обладает достаточными знаниями, то его мнение ненадежно. Речевое наименование используется в функции деликатности в неофициальной обстановке общения.

№12. “I don’twant to make it too dramatic. I’m fond of him, but I’m not driven to him as I am to you. I’m not even sure how much he depends on me” [13, с. 296].

Речевое наименование *depend* (*on*) репрезентирует денотат, обозначаемый в системе единицей *love*. «Зависимость» ассоциативно связана с «любовью», так как эмоциональная привязанность к какому-либо человеку всегда ставит того, кто испытывает это чувство, в зависимое положение от того, на кого это чувство направлено. Наименование выполняет функцию ненавязчивости, отсутствия драматизации и используется в неофициальной обстановке общения.

№13. When he finished, he turned to Lyndon. “I think it is very good”, he said. “I have crossed out a few short sections which won’t hurt the speech but which are better unsaid” [3, с. 4].

Which are better unsaid репрезентирует денотат, обозначаемый в системе единицей *unsuitable*: то, что неуместно, следует избегать. Наименование выполняет функцию деликатности и используется в официальной обстановке общения (президент Дж. Кеннеди обращается к вице-президенту Л. Джонсону).

Особый интерес представляют те наименования, которые имплицируют репрезентируемые ими денотаты на основе ассоциаций, свойственных только представителям данной национально-культурной общности.

№14. She reached over and patted his hand. “For a man who was raised on Tenth Avenue you’re the biggest snob in the world” [15, с. 105].

Tenth Avenue – район трущоб в Нью-Йорке, имплицируется денотат, обозначаемый единицей *of low origin* (“near the bottom in position or rank”). Речевое наименование выполняет функции деликатности, иронии, эстетического воздействия, используется в неофициальной обстановке общения.

Речевая импликативная номинация ***III степени*** основывается на отражении в субстанциональном значении речевого наименования только архипризнаков репрезентируемого идеального денотата, а все опорные признаки имплицируются. Такие наименования представляют собой называющие слова широкого значения и местоимения с высокой степенью обобщенности значения типа *all, everything, anything,* etc. Что касается местоимений, то они получили освещение в отдельной статье. Рассмотрим широкозначные слова с интересующей нас точки зрения. Они не составляют однородной группы. В денотативные значения некоторых из них входят лишь *категориальные* семы, но не грамматические, фиктивные, а реальные [2, с. 133]. К ним относятся: «предметность», «событийность», «признаковость», «одушевленность», «неодушевленность», «лицо», «не-лицо» и т.п. Например, *thing, object, do, be, person,* etc. Денотативные аспекты другой группы слов составляют *в значительной мере обобщенные, но не категориальные семы* (на основании этих сем слова объединяются в по-

нятийные поля и лексико-семантические группы: *cause, affair, business, physical, ideal*, etc.).

Обе группы широкозначных слов используются для импликативной номинации III степени в соответствии с правилами речевого этикета.

Импликация на основе категориальных архисем осуществляется в тех случаях, когда замещающими единицами являются называющие слова, содержащие только категориальные семы в своем значении (*thing, do, be*) или имеющие их в качестве опорных (*man, woman, person*).

№15. "For heaven's sake, Nike", said Constance. "You can't mean that you don't think it's awful when fifteen-and –sixteen-year-old kids go around" – she paused, searching for the right phase. "Go around doing things", she finished. Mike grinned. "That's exactly what I mean", he said [8, с. 220].

Речевое наименование *do things* репрезентирует денотат, обозначенный в системе единицей *have sex*. Это недвусмысленно следует из общего контекста разговора. Все опорные денотативные признаки, на которых концентрируется внимание говорящего, имплицируются. Наименование выполняет функцию деликатности. Ситуация общения – неофициальная.

№16. Oscar Graybill admitted that he had known all along that the gun club had been used for immoral purposes – women from Trenton. Such a man in the new country club would dispel the rumors that there would be drinking and all sorts of carrying-on [10, с. 183].

Речевое наименование *women* репрезентирует денотат, обозначаемый в системе единицей *prostitutes*. Все опорные семы имплицируются. Их объективация осуществляется средствами вербального контекста. Наименование выполняет функцию приличия в официальной ситуации общения.

Импликация на основе некатегориальных архисем осуществляется, как правило, при помощи слов, которые соотносятся с замещаемой единицей как гипероним и гипоним, а также при помощи словосочетаний, прямое, денотативное значение которых есть родовое понятие по отношению к понятию, обозначаемому замещающей единицей.

№17. George Lockwood was not a virgin. During his first year at Prinston his father had recommended an establishment in Philadelphia [11, с. 177].

Слово *establishment* репрезентирует денотат, обозначаемый в системе словом *brothel* (“a house of prostitutes, where sex can be had for money”) –

establishment (“a business organization”): «организация», «дело»;

brothel: «организация», «дело», «деньги», «секс».

Речевое наименование выполняет функцию приличия и используется в нейтральной ситуации общения. Имплицируемые опорные признаки денотата объективируются средствами вербального контекста.

№18. She said, “And I mean that. You know, what … it’s not the physical thing. He can hardly do it anymore, it’s just … you know David, sex, honest to God, I’ve seen it all” [4, с. 103].

Словосочетание *the physical thing* репрезентирует денотат, обозначаемый единицей *sexual intercourse* только на основе архисем «явление» и «физический», из которых последняя некатегориальная. Наименование выполняет функцию приличия в неофициальной ситуации общения.

Импликативные наименования, созданные на базе как категориальных, так и некатегориальных архисем, чаще всего выполняют функции приличия и деликатности, а ситуации общения, в которых они появляются, тяготеют к неофициальным и нейтральным.

При импликативной номинации ***IV степени*** никакие признаки идеального денотата не могут быть представлены в речевом обозначении, поскольку само наименование в вербальной форме отсутствует, оно заменяется умолчанием, адекватным в коммуникативном плане вербальному обозначению; здесь имеет место нулевая характеристика обозначаемого. Этот тип импликативной репрезентации представляет собой маргинальный случай: с одной стороны, он сродни вербальному обозначению по своей коммуникативно-смысловой значимости, с другой – планом выражения здесь служит специфическая интонация импликации [4, с. 114].

№19. Bates, you are confusing the function of a wife with that of – I feel sorry, I feel very sorry for you not-so-young men who've depended for love, for tenderness in your lives on the sort of women available near army camps in occupied territories [17, с. 64].

Умолчание репрезентирует денотат, обозначаемый единицей *prostitute*, и используется для выполнения функции деликатности и оценки (отрицательной) в неофициальной ситуации общения.

№20. After a pause Brown replied: "You have good reason not to like him, Paul". He paused again. "But we should never, even then have thought him capable of this – " [12, с. 346].

Умолчание репрезентирует денотат, обозначаемый словом *fraud*, и выполняет функцию не категоричности в неофициальной ситуации общения.

В заключение следует привести некоторые данные о степени употребительности импликативных единиц номинации. Из 800 проанализированных речевых наименований 457 (60%) являются импликативными. При этом, чем меньше степень их имплицитности, тем больше они представлены в нашей выборке: на импликацию I степени приходится львиная доля – 253 единицы (53%), на импликацию II степени – 128 (27%), III степени – 36 (12%), IV степени – 37 (8%). Поскольку в импликативных единицах I степени сохранен наибольший объем информации о репрезентируемом идеальном денотате в виде общих опорных сем, можно сделать вывод, что желание людей быть правильно понятыми превалирует над необходимостью завуалировано представлять обозначаемый в речи объект по правилам речевого этикета.

Список литературы

1. Гак В.Г. Сопоставительная лексиология (на материале французского и русского языков). М.: Международные отношения, 1977. 264 с.
2. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. Л.: Наука, 1972. 216 с.
3. Торсуева И.Г. Интонационное оформление коммуникативных типов высказываний в русском языке // Вопросы романно-германской филологии: Науч. тр. Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. им. М. Тореза. Вып. 95. М., 1978. с. 100-114.

Литературные источники

1. Barstow S. A kind of loving Lnd: Michael Joseph, 1960. 186 p.
2. Christie A. The Murder of Roger Ackroyd. NY: Pocket Books Inc., 1964. 178 p.
3. Fay P. Jr. The Pleasure of his Company. NY: Popular library, 1966. 399 p.
4. Fowels J. The Ebony Tower. M.: Progress Publishers, 1980. p. 31-130.

5. Hailey A. The Final Diagnosis. NY: Doubleday and Company, Inc., 1959. 348 p.
6. Hailey A. Hotel. NY: Doubleday and Company, Inc., 1965. 346 p.
7. MacLean A. The Golden Rendezvou. Glasgow: Collins/Fontana Books, 1978. 223 p.
8. Metalious G. Peyton Place. Lnd.: Pan Books Ltd., 1972. 379 p.
9. Miller A. The Price. NY: Vicking Press, 1968. 117 p.
10. O'Hara J. The Horse Knows the Way. NY: Popular Library, 1964. 376 p.
11. O'Hara J. The Lockwood Concern. NY: Random House, 1966. 407 p.
12. Snow Ch. The Affair. NY: Charles Scribner's Sons, 1960. 374 p.
13. Snow Ch. Homecomings. Lnd.: MacMillan and Co Ltd, 1957. 400 p.
14. Spring H. There Is No Armour. Glasgow: Collins/Fontana Books, 1970. 576 p.
15. Susann J. The love Machine. Lnd.: Corgi Books, Ltd, 1970. 511 p.
16. Susann J. Taylor C. Bread and butter // New English Dramatists. Harmondsworth. Penguin Books, 1967, 155-222 p.
17. Williams T. Period of Adjustment. NY: A Signet Modern Classic New American library, 1976. 93 p.

Об авторе

Голубкова Елена Владимировна – к.ф.н, доцент, профессор кафедры английского языка № 8 МГИМО (У) МИД РФ. Сфера научных интересов – лингвострановедение, язык права, когнитивнпя лингвистика, психолингвистика. E-mail: stephan_green@mail.ru

IMPLICATIVE NOMINATION AS A MEANS OF SPEECH ETIQUETTE

Ye. Golubkova

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *In certain standard situations of communication in accordance with the rules of speech etiquette it is necessary for the speaker to replace the main name of the object of the real world with an alternative one. Under the circumstances not only does the alternative name perform the nominative function proper but also some pragmatic functions, including that of compliance with the norms of etiquette. In other words, it performs the function of politeness, which is realized in such varieties as the observance of propriety, delicacy displays, unobtrusiveness, respect for others etc. Such alternative names may exist in the language, but may also be created on the spot in the process of communication. The ability to serve as an alternative name stems from the ability of this name to represent the same denotation (the essential features of the object actually referred to), which is represented in the meaning of the main name of the object. The study shows that this ability occurs in the process of implication, that is, implying certain essential features when using an alternative name. Implication is the main way to create ad hoc names according to the rules of etiquette.*

Implicative nomination reveals itself in several varieties and subvarieties. The degree of implicitness may vary depending on how and what features of the denotation being represented are reflected in the denotative aspect of the alternative ad hoc name. The least implicity is involved if the denotative meanings of ad hoc names contain some of the same identifying semes (the semes that enable to identify the denotation) as the meanings of the main names (I degree implicitness) or semes that have certain associations with some of the identifying semes of the main name's meaning (II degree implicitness). More implicity is involved when only the most general semes are shared by the main and ad hoc names (III degree implicitness). The most impliicit way of reference is by intentional failure to use any name whatever, the representation of the object in speech is performed by paralinguistic means of expression and the context (IV degree implicitness).

Key words: nomination, implicative nomination, alternative nominal unit, ideal denotative, denotative meaning, speech etiquette, the function of politeness

About the author

Yelena V. Golubkova – PhD, professor at English Department № 8 at MGIMO (University). Interests of research – linguistic and cultural studies, legal terminology, cognitive linguistics and psycholinguistics. E-mail: stephan_green@mail.ru

* * *

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ЛАНДШАФТ ГОРОДА

Е.Б. Гришаева

Сибирский федеральный университет. 660041, Россия, Красноярск, пр. Свободный 79.

Объектом исследования является развивающееся направление последнего десятилетия, получившее в зарубежной лингвистической традиции название лингвистического ландшафта (linguistic landscape) (LL). Общенаучные положения о всеобщей связи, взаимной обусловленности и целостности явлений и процессов окружающего мира также нашли свое отражение в данной статье. Обозначенная тематика лежит в плоскости глобальной темы «Взаимодействие языка и общества». Будучи кардинальной, данная тема вскрывает общественный характер развития и функционирования языков, а также обосновывает активные действия и социальную мотивацию широкого корпуса специалистов смежных наук – лингвистов-прикладников, этнографов, социолингвистов, психологов, специалистов по лингвострановедению. В теоретическом плане исследуемая тема представляется актуальной, поскольку в современной отечественной социолингвистике сравнительно мало работ, освещающих тему в близком к заявленному аспекте. Работа отвечает общей тенденции в современной науке к интегрированию знаний, использованию междисциплинарных подходов к анализу языкового материала, к возникновению так называемых «стыковых» научных направлений, где следует ожидать наиболее ценных результатов.

Ключевые слова: лингвистический ландшафт, городское пространство, маркированные символы, общественное место, вариативность языковых кодов, символические языковые средства, гештальт

Попытки ученых представить систематическое описание лингвистических профилей современных городов с точки зрения их социальной активности констатируют факт, что данное направление научных исследований находится в начальной стадии своего развития: в настоящее время зарубежные социологи языка формулируют теоретические положения лингвистического ландшафтоведения, подводя тем самым основу под строительство площадки для LL, где встретятся интересы многих отраслей знания, и где, как ожидается, будут сформулированы общие исследовательские вопросы, на которые не всегда будут даны идентичные ответы.

Обстоятельствами политического, социально-экономического и культурно-языкового плана объясняется широкий спектр актуальных социолингвистических вопросов, которые с неизбежностью выходят на авансцену лингвистического ландшафтоведения. Попытка обращения к разнообразному кругу проблем мотивирована широко распространенным мнением, что теория и современная методология лингвистического ландшафта пребывают до сих пор в допарадигматическом состоянии и грешат эмпиризмом. Приходится констатировать также отсутствие единообразного концептуального инструментария, который обеспечивал бы систематическое и согласованное изучение соответствующего предмета.

С исторической точки зрения в развитие общественных наук внесла неоценимый вклад Чикагская школа урбанистической социологии. В 1920-1930-х гг. в США стали появляться работы, в которых говорилось о влиянии социолектов прилегающих к городу кварталов и трущоб. В уже более современных трудах лингвистическое ландшафтоведение представляется в виде конфронтационных полей между различными кодами формулирования значения. Городские пространства формируются не через объекты и границы, которые окружают нас, и не через традиционные способы их восприятия, а, скорее, через интеракцию с другими людьми, находящимися в этом же самом пространстве [9].

Таким образом, одно из определений лингвистического ландшафта, под которым подразумеваются языковые объекты, маркирующие общественные места в виде надписей, включает в себя «любой письменный знак за пределами частных владений – от дорожных знаков до названия улиц, магазинов и школ»[2, с. 14]. Ландшафтоведение занимается изучением данных надписей с точки зрения используемого языка в аспекте синтаксиса и семантики. Подобные языковые факты являются социальными фактами и как таковые имеют отношение к более широким социальным явлениям. В свете сказанного, изучение LL фокусируется на актуализации данных лингвистических символов, обрамляющих общественные места.

Дальнейшее развитие лингвистического ландшафтоведения будет зависеть от консолидированного вклада представите-

лей различных дисциплинарных областей знания, которых объединяет взгляд на лингвистический ландшафт как на «символическое обустройство общественных мест» [2; 10]. Под понятием «общественное место» подразумеваются открытые и доступные для широкой публики социальные пространства. Современные города – открытая площадка для рекламодателей, дизайнеров, спонсоров, муниципальных властей, национальных агентств и организаций, индивидуальных предпринимателей и владельцев магазинов. Иными словами, LL – это своеобразный перекресток профессиональных и социальных интересов [2, с. 12].

Средствами формирования облика города выступает, как правило, маркирование материальных и нематериальных объектов языковыми знаками. Лингвисту интересны данные средства с точки зрения используемых языков, синтаксических аспектов и семантических значений, а также символической роли, которую они играют в данном ситуативном контексте. При этом отмечается, что языковые факты, иллюстрирующие широкий спектр вариативности, являются отражением культурных, социальных, политических и экономических обстоятельств.

Любопытно, что роль подобных лингвистических объектов могут выполнять дорожные знаки, наименования улиц, домов, площадей, институциональных структур, рекламные щиты, названия магазинов и других коммерческих зон. Кроме того, языковой ландшафт одновременно состоит из «частных» и «публичных» знаков, за выпуск которых несут ответственность, как правительственные органы, муниципалитеты и агентства, так и частные лица, ассоциации либо фирмы, действующие в рамках своей авторизации и полномочий. Основная функция лингвистического ландшафта состоит не столько в том, что он выступает в качестве информационного индикатора, сколько в том, что он является символическим маркером и интерпретатором власти и статуса определенного лингвистического сообщества на отдельно взятой территории. Например, лингвисты Р. Ландри и Р. Бурис отмечают роль LL как средства оказания языковой поддержки в рамках билингвальной этнолингвистической жизнеспособности в Канаде [8]. При этом они воспринимают LL как заданный контекст социолингвистических процессов и не обращают внимание на динамику LL как такового.

С другой стороны, Б. Сполски и Р. Купер, изучая LL в Иерусалиме, подчеркивают влияние политических режимов на лингвистический ландшафт [11]. Их подход направлен в большей степени на изменение и вариативность языковых кодов, однако недостаточно отражает сложность LL как явления и факторы, способствующие его формированию.

Более поздние работы [5; 10; 1] рассматривают LL с точки зрения различных дисциплин, а также анализируют ограничения и возможности дальнейшего развития LL. Кейсовое исследование П. Бакхауса, к примеру, отражает реальность LL в городе Токио.

Современные города-мегаполисы состоят из делового и бизнес центра, являющегося частью глобальной финансовой арены и своеобразным подиумом для представления последних инновационных достижений. Эти города занимают огромную площадь, там живут люди, обладающие властью и влиянием. Это – своеобразный «контейнер», вмещающий в себя в концентрированном виде человеческие ресурсы и навыки, которыми они обладают. Деловые центры мегаполисов находятся под пристальным вниманием населения, которое проживает на окраинах. В условиях глобализованного мультикультурного пространства в разных частях мира такие ценности, как патриотизм и национальная гордость напрямую влияют на использование официальных языков. Этническая лояльность и, напротив, зависимость могут выйти на авансцену большого города и его основных публичных мест и заявить о себе посредством символических лингвистических средств, берущих начало либо в языках национальных меньшинств, либо в английском языке, выполняющем в настоящее время функцию лингва франка, языка рыночных ценностей и товарной конкуренции. Конфликт социальных интересов, попытки политических структур «поддерживать порядок», насаждая при этом строгие правила, могут отражаться именно в языковой олигополии.

Терминологически понятие «общественное место» и более раннее – «общественная сфера» восходят к взглядам Ю. Хабермаса [6], который понимал под ними «своеобразную буферную зону между государственной и частной сферами». Современное массовое общество, институциональные структуры, формирую-

щие данную сферу, начиная от кофеен до благотворительных организаций, поглощаются коммерческим сектором, который, по мысли Ю. Хабермаса, становится все более космополитичным под действием глобализационных тенденций.

Однако принципиально важным для понимания феномена «публичного места», предъявляемого общественности, является отнесение его к «центру города», т.е. району, где расположены многолюдные улицы и площади, где можно видеть толпы *гуляющих*, а *не работающих* людей [4; 7]. В центральных кварталах города расположены магазины модной одежды, дома моделей, кафе, рестораны, закусочные, театры, кинотеатры, торговые моллы. Обязательным атрибутом всех этих мест являются многочисленные надписи на различных языках, своеобразные «языковые джунгли, заполненные знаками» современного урбанизированного мегаполиса [Ibid.: 15].

Для посетителей общественных мест, привыкшим к такого рода «декорациям» городского пространства, надписи имеют значение символических эмблем. Здесь расположен центр города, отсюда распространяется мода, сфера услуг предлагает потребительские стандарты, здесь афишируются культурные события.

На первый взгляд, подобные «джунгли» могут показаться царством хаоса и беспорядка. Лингвистические ландшафты сменяют друг друга: мелькают названия институтов красоты, магазинов, запускающих продажу новых гаджетов, идет смена товаров в бесконечных витринах. Старые надписи исчезают, как только перестает существовать тот или иной бизнес, или магазин меняет своего хозяина. Параллельными участниками этого динамичного процесса являются те, чьи мотивации и горизонты восприятия бесконечны. Персональные предпочтения, новая мода, новый местный стиль, лингвистические инновации в виде заимствований из различных языков не могут не отражаться на участниках лингвистического ландшафта, на выборе размеров, цветовой палитры предметов одежды и обуви, на сопутствующих фразах и словах целого круга профессиональных дизайнеров, владельцев магазинов, маркетологов, муниципальных служащих, директоров школ и других профессионалов.

Все это не может гарантировать городскому населению целостность восприятия. Греки называли «хаосом» ситуацию непредсказуемости. Данная антитеза закону и порядку означает как креативную, так и деструктивную неограниченность. Вряд ли хаос может быть объектом системного анализа. Однако считается также, что хаос не обязательно значит беспорядок. Как только хаотичная реальность начинает повторяться, становясь общим местом для многих, восприятие беспорядка уступает место в мозгу человека понятию известной всем конфигурации, в которой соответствующее месторасположение предметов по отношению к друг к другу становится более или менее постоянным. Разнообразные и внутренне не связные между собой предметы, составляющие лингвистический ландшафт, могут восприниматься как нечто целое, целостное, *гештальт*, иными словами, что в переводе с немецкого означает «конфигурация».

Согласно гештальт-теории, набор составляющих элементов подобных конфигураций иллюстрирует структурно-системные свойства, которыми не обладает каждый из этих составных элементов в отдельности. В этом смысле, гештальт и хаос – две стороны одного явления. Прохожие, как правило, кристаллизуют общую ландшафтную картину заданного пространства, подобно той, что формируется в природе из гор, долин, рек, лесов и строений.

В отличие от природного ландшафта лингвистический представляет собой рукотворное явление, которое имеет отношение к социальной реальности и жизни в целом. Он воспринимается людьми как данность, бытующая в определенном пространстве: различные языковые манифестации в виде разрозненных лозунгов, призывов, красок и надписей. В этом смысле вопреки хаотичному неравновесию лингвистический ландшафт представляет собой гештальт, эффект от которого состоит в целостном восприятии общества, страны, региона, города [3].

Современные российские города представляют собой образчик полиэтнических и мультикультурных регионов, где проживает гетерогенное с точки зрения языков и культур население. Глобализационные тенденции множатся и оказывают свое влияние на экономическую составляющую мегаполисов с развитой

сферой услуг, которая вобрала в себя современные маркетологические традиции. Бизнес центры и коммерческо-развлекательные комплексы с точки зрения лингвистического ландшафтоведения и языковых актуализаций представляют огромный исследовательский интерес для широкого круга специалистов.

Список литературы

1. Backhaus, P. Linguistic Landscapes: A Comparative Study of Urban Multilingualism in Tokyo. Clevedon: Multilingual Matters, 2007.
2. Ben-Rafael, E., Shohamy, E. and Barni, M. Introduction: An Approach to an "Ordered Disorder" // Linguistic Landscape in the city. Multilingual Matters, 2010.
3. Breidbach, O. and Jost, J. "On the gestalt concept" // Theory in Boisciences 125 (1). 2006. p. 19-36.
4. Eder, K. Making Sense of the Public sphere // Delanty G. (ed.) Handbook of Contemporary European Social Theory. London: Routledge, 2005.
5. Gorter, D. (ed.) Linguistic Landscape: A New Approach to Multilingualism. Clevedon: Multilingual Matters, 2006. p. 7-30.
6. Habermas, J. The Structural Transformation of the Public Sphere. Cambridge: Polity Press, 1989.
7. Kogler, H.H. Constructing a Cosmopolitan Sphere // European Journal of Social Theory 8, 2005. p. 207-220.
8. Landry, R. and Bourhis, R.Y. Linguistic landscape and ethnolinguistic vitality: An empirical study // Journal of Language and Social Psychology 16 (1). 1997. p. 23-49.
9. Scollon, R. and Wong Scollon, S. Discourse in Place: Language in the Material World. London: Routledge, 2003.
10. Shohamy, E. and Gorter, D. (eds) Linguistic Landscape: Expanding the Scenery. NY: Routledge, 2008.
11. Spolsky, B. and Cooper, R. The Languages of Jerusalem. Oxford: Clarendon Press, 1991.

Об авторе

Гришаева Елена Борисовна – доктор филол.н., профессор кафедры делового иностранного языка ИЭУиП СФУ. Область научных интересов: социолингвистика, межкультурная коммуникация, лингвистическое ландшафтоведение, методика преподавания профессионально-ориентированного иностранного языка в высшей школе. E-mail: e-grishaeva@mail.ru

LINGUISTIC LANDSCAPE AND CITY ENVIRONMENT

E.B. Grishaeva

Siberian Federal University, 79, Svobodniy Ave., Krasnoyarsk 660041, Russia.

Abstract: *The study attempts to accomplish a number of objectives. The paper examines a new field of sociology of language – linguistic landscape (LL), its key terms and concepts, and provides additional insight behind the core thesis on interrelationship, integrity and mutual interdependence of linguistic phenomena and social factors. Notably, we further clarify why the topical issue reveals and explains cooperative contribution of a number of re-*

searchers employing an interdisciplinary approach towards the linguistic scenery in multilingual settings under globalization. We also put an emphasis on opportunities for future research of the linguistic landscapes of urban spaces in Russia within the frame of the gestalt theory.

Key words: linguistic landscape, urban space, marked with linguistic tokens, public space, variety of language code, emblematic linguistic means, gestalt.

References

1. Backhaus, P. Linguistic Landscapes: A Comparative Study of Urban Multilingualism in Tokyo. Clevedon: Multilingual Matters, 2007.
2. Ben-Rafael, E., Shohamy, E. and Barni, M. Introduction: An Approach to an "Ordered Disorder" // Linguistic Landscape in the city. Multilingual Matters, 2010.
3. Breidbach, O. and Jost, J. "On the gestalt concept" // Theory in Boisciences 125 (1). 2006. p. 19-36.
4. Eder, K. Making Sense of the Public sphere // Delanty G. (ed.) Handbook of Contemporary European Social Theory. London: Routledge, 2005.
5. Gorter, D. (ed.) Linguistic Landscape: A New Approach to Multilingualism. Clevedon: Multilingual Matters, 2006. p. 7-30.
6. Habermas, J. The Structural Transformation of the Public Sphere. Cambridge: Polity Press, 1989.
7. Kogler, H.H. Constructing a Cosmopolitan Sphere // European Journal of Social Theory 8, 2005. p. 207-220.
8. Landry, R. and Bourhis, R.Y. Linguistic landscape and ethnolinguistic vitality: An empirical study // Journal of Language and Social Psychology 16 (1). 1997. p. 23-49.
9. Scollon, R. and Wong Scollon, S. Discourse in Place: Language in the Material World. London: Routledge, 2003.
10. Shohamy, E. and Gorter, D. (eds) Linguistic Landscape: Expanding the Scenery. NY: Routledge, 2000.
11. Spolsky, B. and Cooper, R. The Languages of Jerusalem. Oxford: Clarendon Press, 1991.

About the author

Elena B. Grishaeva – Doctor of Philological Sciences, Professor of Business English Department of the Institute of Economics, Management and Environmental Studies of the Siberian Federal University. Research interests: sociology of language, cross-cultural studies, linguistic landscape, ESP teaching and learning. E-mail: e-grishaeva@mail.ru

* * *

ГЕНДЕРНАЯ ПОЛИТИКА И ЯЗЫК

(о некоторых особенностях категории рода в русском и французском языках)

Н.В. Дубынина

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России. 119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76.

В русле политического дискурса автор предпринимает попытку проанализировать, каким образом взаимодействуют язык, общество, использующее этот язык, и гендерная политика государства (на примерах России и Франции).

Ключевые слова: политический дискурс, языковая и гендерная политика, политкорректность, гендерная ассиметрия в языке, образование женского рода существительных.

Традиционно лингвистика изучает проблему взаимодействия языка и политики на уровне политического дискурса. Однако, следуя классическому определению политики как искусства управлять обществом, данную проблему следует рассматривать значительно шире, а именно на уровне языка, исходя из его общественной сущности. Язык, как известно, – это семиотическая система, которая является основным средством для общения человеческого общества.

В рамках данного исследования рассматривается один из аспектов проблемы: каким образом взаимодействуют язык, общество, использующее этот язык и гендерная политика государства. Показательным материалом для сопоставительного исследования в этой области является номенклатура профессий и должностей, так как именно здесь гендерный аспект наиболее очевиден.

Для того, чтобы составить представление о государственной идеологии в сфере равенства полов в интересующих нас странах (Франции и России), следует прежде всего обратиться к правовым источникам, регулирующим языковой аспект гендерного паритета.

Во Франции такими источниками следует считать два циркуляра французского правительства об использовании женского рода существительных, обозначающих профессии, должности, степени и звания: циркуляры от 11.03.1986 [1] и от 6.03.1998 [2].

Оба документа предписывают представителям государственных структур строго следовать рекомендациям, разработанным Комиссией по терминологии и неологиии.

Комиссия составила алфавитный реестр [3], включающий около 4000 наименований профессий с указанием формы мужского и женского рода. В рекомендациях, которые предваряют этот реестр, все существительные данного типа разделены на несколько групп.

Первая группа – это существительные, подвергшиеся «частичной феминизации». Речь идет о существительных, не имеющих формальных признаков грамматического рода (*formes épicènes*): в качестве детерминанта используется артикль женского рода, например: *une commissaire* (*de police, européenne, régionale*), *docteur ès, en…, juge, ministre, professeur* (*de collège*…), *secrétaire générale* (*de la* …).

Вторая группа – это существительные полностью «феминизированные». Сюда включены существительные, уже имеющие форму женского рода, например: *une directrice* (*des ventes, financière*), *créatrice* (*de mode*), *pharmacienne, banquière, travailleuse sociale* и те существительные, женский род которых ранее не существовал: *une avocate, chauffeuse, écrivaine, pédégère, sculptrice, soldate, colonelle, chevalière* (*de la Légion d'honneur*), *conseillère* (*générale, municipale*), *magistrate, mairesse, présidente*.

Способы образования женского рода таких существительных соответствуют правилам нормативной грамматики:

– путем добавления «е» к форме мужского рода: une *attachée*, une *avouée*, une *chargée* (de cours, d'études, de mission), une *députée*; une *agente*, une *artisane*, une *commise*, une *consule*, une *substitute*…

– путем удвоения конечной согласной: une *doyenne*, une *industrielle*;

– путем изменения конечной согласной: une *sportive*, une *syndique*;

– путем изменения суффикса: une *chercheuse*, une *greffière*, une *huissière*.

Справедливости ради надо заметить, что отношение во французском обществе к таким нововведениям не всегда одно-

значно. Есть ряд критических замечаний в адрес этой языковой реформы как лингвистического, так и психологического характера. Кроме соображений узуального характера (новые слова воспринимаются как нечто непривычное и даже странное) с лингвистической точки зрения возникает опасность коллизии уже существующих и вновь образованных форм. Так, например, следуя этой логике, слово *balayeuse* следует понимать и как «подметальщица», и как «подметальная машина», так как суффикс «euse» традиционно используется в качестве словообразовательного элемента для обозначения машин и механизмов. А с точки зрения политкорректности, это может восприниматься как дискриминация: женщина уподобляется агрегату бытового назначения, чем принижается ее статус в обществе. Кроме того, некоторые новые слова звучат непривычно для уха и поэтому становятся объектом иронии, а это можно трактовать как дискриминацию и сексизм.

Более того, иногда сами женщины, ради которых, собственно, все это и делается, считают, что новые обозначения снижают значимость их профессиональной деятельности или занимаемых ими постов. Так, например, в ходе полемики в СМИ [4] один из участников отметил, что женщины, руководящие колледжем или лицеем скорее не хотят, чтобы их называли *Madame la proviseuse* вместо *Madame la proviseur*.

Примечательно, что процесс феминизации привел к частичной нейтрализации категории рода. Мужской род при обозначении профессии или должности воспринимается как знак общего, концептуального понятия, а женский – как обозначение конкретного лица. Комиссия по терминологии приводит следующий пример:

«***Le** ministre de la Culture a dans ses attributions…*» (ст. 1 должностной инструкции)

*Mme X est **la** ministre de la culture*.

Таким образом, можно утверждать, что в связи с этими новациями во французском языке, помимо существенного ослабления дихотомии мужской/женский род, возникло нечто вроде интерференции двух основных категорий имени: категории рода и категории определенности/неопределенности.

Какова же ситуация в России? В 2002 году Министерство труда и социального развития Российской Федерации приняло Гендерную стратегию развития Российской Федерации [5], где определены цели и задачи гендерной стратегии в экономической, социальной, информационной сфере, а также гендерные критерии развития культуры, науки и образования. Но, как отмечает И.И. Юкина [6], в России де факто вместо «гендерной политики» существует «государственная политика в отношении женщин», а это, согласитесь, далеко не одно и то же!

Языковой аспект гендерной проблематики в этом документе отсутствует как таковой. В основном, языковая политика России регулируется двумя нормативно-правовыми актами – Законом «О языках народов Российской Федерации» 1991 года [7] и Законом «О государственном языке Российской Федерации» [8], где определяются сферы использования и меры по защите и содействию развития русского языка как государственного. Поскольку гендерный аспект русского языка в этих документах не представлен, можно заключить, что он не имеет никакого правового регулирования.

В целях сопоставления номенклатуры профессий и должностей был изучен «Общероссийский классификатор профессий рабочих и должностей служащих» [9]. За основу этого документа был взят советский классификатор 1975 года, в который, как можно предположить, были в дальнейшем внесены соответствующие изменения. Общероссийский классификатор включает около 9000 наименований. Но из всех включенных в него наименований только четыре относятся к женскому роду: *вышивальщица*, *горничная*, *кастелянша*, *ковровщица*. Если не вызывает никаких вопросов наименования *горничная* (аналогичного слова мужского рода не существует) и *кастелянша* (*кастелян*, *устар*. смотритель укрепленного замка; словарь под ред. Кузнецова [10]), то в двух других случаях логика составителей этого классификатора не вполне понятна. Непосредственно перед *ковровщица* дается *ковровщик*: получается, что это разные профессии? Что касается *вышивальщицы*, то словарь Кузнецова дает в качестве заголовочного слова этой же статьи *вышивальщик* без каких-либо стилистических помет.

Другой документ, тоже советского периода, но продолжающий действовать и поныне – это Постановление Госкомтруда от 09.09.1967 «Об утверждении единой номенклатуры должностей служащих» [11], дает примерно такие же результаты. К профессиям женского рода здесь отнесены: *акушерка*, *медицинская сестра* и *машинистка*. Более современные перечни дополнены такими словами, как *швея*, *манекенщица*, *стюардесса*, *секретарь-стенографистка*.

Не может не вызывать удивления тот факт, что отсутствуют такие, казалось бы, чисто женские профессии как *доярка*, *ткачиха*, *дежурная*. У носителя русского языка слово *ткач* может вызвать только одну ассоциацию – восстание лионских ткачей, а вместо *дояр* скорее скажут *мастер машинного доения*.

Какая же из всего этого возникает языковая картина мира? Русский мир – это мир, где правят мужчины, так как женскими профессиями здесь считаются только те, что связаны с низкоквалифицированным или ручным трудом. Можно ли на этом основании утверждать, что сексизм, наблюдаемый в названиях профессий, является отражением ситуации в обществе?

Для ответа на этот вопрос полезно обратиться к результатам опроса общественного мнения. Фонд «Общественное мнение» проводил 12 Августа 2013 опрос на тему: «Ткач – сугубо мужская профессия, а ткачиха – сугубо женская». Справедливо ли делить профессии на мужские и женские?

Социальный статус респондентов (выбраны только высококвалифицированные специалисты)

профессия	население в целом	мужчины	женщины
Преподаватель	4%	2%	7%
Инженер	4%	4%	4%
Начальник, руководитель	3%	3%	3%
Менеджер	3%	3%	3%
Экономист	2%	1%	3%
Предприниматель	1%	2%	1%
Юрист	1%	1%	1%

В ходе опроса респондентам был задан ряд вопросов, но наиболее интересным для нас оказался следующий: *Скажите,*

пожалуйста, вашу профессию можно назвать скорее мужской или скорее женской? Или она и мужская, и женская в равной степени?

	население в целом	мужчины	женщины
Мужская	29%	60%	4%
Женская	18%	1%	32%
В равной степени и мужская, и женская	39%	29%	46%

Из результатов опроса следует, что в ряде таких престижных профессий, как руководитель, менеджер, юрист, мужчины и женщины в российском обществе занимают одинаковые позиции. Более трети опрошенных считают, что их профессия в равной степени является как мужской, так и женской. Это означает, во-первых, что в базовых структурах российского общества сексизм присутствует, но он не является глобальным (свою профессию готовы не дифференцировать по половому признаку 46% женщин и только 29% мужчин). В XXI веке российские женщины все активнее осваивают профессии, ранее считавшиеся чисто мужскими. И эта тенденция будет нарастать, судя по половому составу нынешних студентов. Если же мы обратимся к высшим эшелонам общества, то, отметим, напротив, весьма низкий уровень представительства женщин. А это означает, что структура современной российской власти не отражает социальные реалии. Очевидно, этим и следует объяснить отсутствие гендерного аспекта в языковой политике государства. Кроме того, наметившийся в последнее время крен в сторону политики консерватизма ставит под сомнение релевантность европейских ценностей в целом и социального паритета, в частности. Тем не менее, результаты опроса свидетельствуют о том, такой общественный запрос существует.

Возникает вопрос: не значит ли это, что проблема заключается в самом языке, в его словообразовательных особенностях? Многие исследователи, занимавшиеся данной проблемой, отмечали, что для некоторых языков характерна гендерная асимметрия.

Появление во второй половине XX веке феминизма, как международного общественно-политического движения, при-

вело к появлению феминистской лингвистики или же феминистской критики языка. Пионером в этом области стала Р. Лакофф, которая обосновала в работе «Язык и место женщины» [13] андроцентризм языка и ущербность образа женщины в картине мира, воспроизводимой в языке. Зародившись в США, наибольшее распространение в Европе феминистская критика языка получила в Германии с появлением работ С. Тремель-Плетц [14] и Л. Пуш [15; 16].

К специфике феминистской критики языка можно отнести ее ярко выраженный полемический характер, разработку собственной лингвистической методологии, а также стремление повлиять на языковую политику и реформировать язык в сторону устранения содержащегося в нем сексизма.

Термин «сексизм» обозначает структуры языка, отражающие дискриминацию по признаку пола: язык не только антропоцентричен (ориентирован на человека), но и андроцентричен (ориентирован на мужчину). По мнению Кирилиной [17], понятие «сексизм» в научном описании может быть заменено более нейтральным термином «гендерная ассиметрия», так как «сексизм» предполагает как бы намеренную дискриминацию, в то время как намерение у языка отсутствует.

Представители феминистской лингвистики утверждают, что язык не отражает адекватно присутствие женщин в обществе и полагают, что язык фиксирует мужское видение мира, «навязывая» мужские ценности и оценки. Из этого следует вывод, что практически все языки, функционирующие в нашем антропоцентрическом обществе, являются «мужскими». По их мнению, язык также фиксирует стремительно устаревающее в современном обществе гендерное распределение ролей, когда мужчины занимаются управлением, творчеством и новаторством, а удел женщины – это домашний очаг и воспитание детей.

Одной из основных проблем представители этого течения считают наличие гендерно-специфических названий профессий. А.П. Нильсен [18] пишет о том, что в словаре Вебстера она обнаружила 517 названий профессий с признаками двух родов, 385 с признаками только мужского рода и 132 с признаками женского рода. Объяснение этой диспропорции исследовательница видит

в исторически сложившихся особенностях разделения профессиональной деятельности, где мужчинам принадлежит неоспоримое первенство. Кроме того, мужчины дали названия многим профессиям, которые теперь используются в языке, именно поэтому на пять мужских профессий приходится одна женская.

Сексизм связан с понятием патриархальных языков, продуцирующих неравноправие полов. Основные характеристики патриархальных языков были описаны Хеллингер [19]:

- Неравные шансы идентификации мужчин и женщин в языке (обозначение женщин языковыми единицами мужского рода);
- Семантическая асимметрия при наличии парных единиц (слова женского рода имеют более низкий ранг, чем мужского);
- Интерпретация мужского рода, употреблённого в отношении женщины, как повышение её статуса, а женского рода в отношении мужчины – как понижение его статуса.

Существует также мнение, что люди, говорящие на языках с различением рода, чаще практикуют сексизм. Однако вокруг подобного рода тезисов существует масса спекуляций, свидетельствующих об отсутствии научного подхода к проблеме. Так например, Дженнифер Прюитт-Фрейлино из Род-Айлендской школы дизайна (США) [20] и её коллеги решили подойти к проблеме «более широко» и воспользовались данными Индекса гендерного неравенства Всемирного экономического форума, который учитывает неравенство между мужчинами и женщинами в экономике, образовании, политике и здравоохранении. Из 134 стран, включённых в индекс, 54,5% говорят преимущественно на языках с различением мужского и женского рода у существительных, 9% – на языках, где род имеют только местоимения, 19,4% – на «бесполых» языках (например, финском). У остальных в ходу смеси языков различного типа. Авторы исследования утверждают, что в среднем государства с различением рода у существительных находятся в самом низу шкалы равенства мужчин и женщин. Самые справедливые – Финляндия (финский язык не знает рода даже на уровне местоимений), Исландия и Норвегия (языки этих стран различают род на уровне местоимений).

Такого рода утверждения вызывают большие сомнения. Так, например, общеизвестно, что в тюркских языках категория рода отсутствует. Так можем ли мы на этом основании утверждать, что, например, узбекский или туркменский язык являются менее сексистскими, чем французский или немецкий и, следовательно, в этих странах больше соблюдается гендерный паритет?! И наконец, можно ли ставить знак равенства между социальной и лингвистической дискриминацией?

В чем же собственно заключается цель подобных классификаций? В создании реального паритета полов и соответствующих лингвистических инструментов, как мы это наблюдаем во Франции, или, скорее, в попытке унификации полов средствами языка путем создания безродовых существительных?

Французское общество движется в общем русле европейской политкорректности, но это отнюдь не значит, что политическая воля может полностью изменить основы языка. Категория рода, унаследованная романскими языками от латыни, является одним из основополагающих элементов их морфологической структуры. Более того, как мы уже видели, есть основания говорить о том, что благодаря рассмотренной выше неологии во французском языке произошла некая реинкарнация среднего рода. Развитая система артиклей, которые являются носителями родового признака, и богатство продуктивных словообразовательных суффиксов позволяют французскому языку легко приспособиться к новым социально-политическим реалиям, не извращая при этом своих основ.

Профессор языкознания Луизе Пуш, одна из основоположниц феминистской лингвистики ФРГ, констатирует, что немецкий является одним из ярко выраженных патриархальных языков[21]. Немецкий язык лишь для мужчин удобен, ясен и однозначен. Говорить на этом «мужском языке» о мужчинах не вызывает никаких проблем. Трудности, путаница и проблемы возникают лишь тогда, когда речь заходит о женщинах.

Является ли с этой точки зрения патриархальным русский язык? Очевидно, да.

В академической Грамматике русского языка отмечено, что характерной чертой словообразования имен существительных,

обозначающих лиц женского пола, является их вторичный, производный характер. Они образованы от названий лиц мужского пола и соотносительны с ними. Большинство суффиксов, используемых для образования женского рода профессиональной и должностной номенклатуры, являются непродуктивными или малопродуктивными. В качестве примера можно привести суффиксы -ица/-ница: *певица*, *переводчица*, *работница*, *воспитательница*, *учительница*; -щица/-чица: *гардеробщица*, *упаковщица*, *буфетчица*. Более продуктивным является суффикс -ка: *артистка*, *пианистка*, *солистка*, *акушерка*, *сиделка*. Наиболее продуктивными считаются суффиксы -иха и -ша. Однако, как полагает К.Г. Рошиян [22], лексемы, образованные с их помощью, наиболее показательны в проявлении языковой дискриминации, так как выражают модификационное значение лица женского пола и придают слову сниженный стилистический характер: *дворничиха*, *докторша*. Но вместе с тем в русском языке есть слова женского рода, образованные с помощью суффиксов -их(а), -ш(а), которые со временем утратили пренебрежительную оценку и вошли в стилистически нейтральную лексику: *ткачиха*, *пловчиха*, *кондукторша*.

Интересно, что названия профессий и должностей, образованные от прилагательных, в большей степени сохраняют способность к образованию женского рода, даже в официально-деловом стиле, например: *заведующая кафедрой*, *управляющая делами президента Беларуси*, *дежурная по этажу гостиницы*, *требуется вожатая в летний лагерь*.

Но когда в официальном стиле упоминаются статусные профессии и государственные должности, то это правило не работает. Так, например, не употребляется форма женского рода существительного *уполномоченный*:

*Маргарита Павлова, **уполномоченный** по правам ребенка в Челябинской области.*

*Павлова (Боровченко) Маргарита Николаевна единогласно **утверждена** депутатами Законодательного Собрания области **в должности Уполномоченного** по правам ребенка в Челябинской области 23 декабря 2010 года* [23].

Как следует из приведенных примеров, употребление слова *уполномоченный* по отношению к лицу женского пола нор-

мально воспринимается носителем языка в составе именной части сказуемого. Однако в сочетании с согласованным глагольным сказуемым автор текста явно ощущает некоторую неловкость, которая нивелируется употреблением именного словосочетания *в должности уполномоченного*, что вполне естественно для официального текста.

Анализируя на материале современной прессы названия людей по профессиональному признаку в русском языке, Рошиян отмечает, что в современном русском языке при отсутствии парных образований разграничение мужского и женского рода осуществляется при помощи согласования существительного с прилагательным, личным или притяжательным местоимением или причастием, употребления сказуемого в женском роде при существительном мужского рода. Но именно в вопросах согласования и возникают сложности. Одно дело, когда мы имеем дело с синтагмой в составе существительное мужского рода, обозначающее лицо женского пола, + глагол. Тогда согласование действительно легко осуществить путем присвоения глаголу формы женского рода, например: *Сегодня на заседании правительства области* ***министр*** *занятости Наталья Соколова* ***подвела*** *итоги реализации в 2013 году трехстороннего соглашения с профсоюзами*. А как следует поступить в случае словосочетания: прилагательное/причастие + существительное + глагол? Как мы должны говорить: *Новый министр заявила или заявил? Назначенный или назначенная вчера Министр занятости, сказала…* В силу отсутствия узуса эти вопросы явно требуют лингвистической интерпретации и регламентации.

Возвращаясь к вопросу о взаимодействии языка, общества и политики как инструмента управления обществом, надо отметить, что это взаимосвязанные, но совершенно разные по своей природе семиотические системы, каждая из которых живет по своим собственным законам. Их взаимодействие представляется как чрезвычайно сложный механизм. Проблема гендерной регламентации в языке, несомненно, существует и возможны два пути ее разрешения: либо это произойдет в результате естественной саморегуляции языка и лингвистам в этом случае останется только констатировать факт, либо лингвисты сами предложат

решение проблемы, как это произошло во Франции, но это возможно только при наличии политической воли в обществе.

Список литературы

1. Circulaire du 11 mars 1986 relative a la féminisation des noms de métiers, fonction, grade ou titre. Paris: Journal Officiel de la République Française, 18.03.1986, p. 4267.
2. Circulaire du 6 mars 1998 relative à la féminisation des noms de métier, fonction, grade ou titre. <www.culture.gouv.fr>.
3. Femme, j'écris ton nom. Guide d'aide à la féminisation des noms de métiers, titres, grades et fonctions. Centre National de la Recherche scientifique. Institut National de la langue française, 1999.
4. Est Républicain: 5.06.1998. <www.estrepublicain.fr>.
5. Гендерная стратегия Российской Федерации (под ред. профессор Карелова Г.Н.). Министерство труда и социального развития Российской Федерации. <www.owl.ru>.
6. Юкина И.И. Двуликий Янус гендерной политики в России. Гендерная политика в России: теория и практика. <www. womaninrussiansociety.ru>.
7. Закон «О языках народов Российской Федерации». <www.base.consultant.ru>.
8. Закон «О государственном языке Российской Федерции». <www. base.consultant.ru>.
9. Общероссийский классификатор профессий рабочих и должностей служащих. <www.doc.unicor.ru>.
10. Большой толковый словарь русского языка под ред. Кузнецова С.А. СПб.: Норинт, 2004.
11. Об утверждении единой номенклатуры должностей служащих. Постановление Госкомтруда от 09.09.1967.
12. <www.fom.ru>.
13. Lakoff Robin. Language and woman's place. Department of Linguistics, University of California, Berkeley, 1973.
14. Trömel-Plötz Senta. Vatersprache. Mutterland. Beobachtungen zu Frauen und Politik, München, 1992.
15. Pusch, Luise F. Alle Menschen werden Schwestern: feministische Sprachkritik, Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1990.
16. Pusch, Luise F. Ladies first: ein Gespräch über Feminismus, Sprache und Sexualität. Palette, Bamberg 1993.
17. Кирилина А.В. Гендер: лингвистические аспекты. М.: Институт социологии РАН, 1999.
18. Горошко Е.И. Гендерная проблематика в языкознании. <http://gendocs.ru>.
19. Marlis Hellinger and Hadumod BuBmann Gender Across Languages. The linguistic representation of women and men. John Benjamins Publishing Company Amsterdam/Philadelphia, 2001.
20. Целиков Дмитрий. <www.science.compulenta.ru>.
21. Pusch, Luise F. Das Deutsche als Männersprache: Aufsätze und Glossen zur feministischen Linguistik. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1984.
22. Рошиян К.Г. Сексизм и категория рода (на материале современной прессы). Ставропольский государственный университет. <http://tnu.podelise.ru>.
23. <http://chelnews.livejournal.com>.

Об авторе

Дубынина Нина Всеволодовна, к. филол.н., доцент кафедры французского языка № 1. Специалист в области лексикографии. E-mail: dubininan@mail.ru.

GENDER POLICY AND LANGUAGE

(concerning some features of gender category in Russian and French languages)

N.V. Dubynina

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *This article analyses the interaction between language, society, using the language, and gender state policy (in Russia and France).*

Key words: political discourse, gender state policy, feminization, partial feminization, political correctness.

References

1. Circulaire du 11 mars 1986 relative a la féminisation des noms de métiers, fonction, grade ou titre. Paris: Journal Officiel de la République Française, 18.03.1986, p. 4267.
2. Circulaire du 6 mars 1998 relative à la féminisation des noms de métier, fonction, grade ou titre. <www.culture.gouv.fr>.
3. Femme, j'écris ton nom. Guide d'aide à la féminisation des noms de métiers, titres, grades et fonctions. Centre National de la Recherche scientifique. Institut National de la langue française, 1999.
4. Est Républicain: 5.06.1998. <www.estrepublicain.fr>.
5. Gendernaia strategiia Rossiiskoi Federacii (pod red. professora Karelova G.N.). Ministerstvo truda i socialnogo razvitiia Rossiiskoi Federacii. <www.owl.ru>. [Gender policy of the Russian Federation (edited by professor Karelov G.N.). Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation].
6. Iukina I.I. Dvulikii Ianus gendernoi politiki v Rossii. Gendernaia politika v Rossii: teoriia i praktika. <www.womaninrussiansociety.ru>. [Two-faced Janus of Russian gender policy. Gender policy in Russia: theory and practice].
7. Zakon "O iazykah narodov Rossiiskoi Federacii". <www.base.consultant.ru>.
8. Zakon "O gosudarstvennom iazyke Rossiiskoi Federacii". <www. base.consultant.ru>.
9. Obscherossiiskii klassifikator professii rabochih i dolzhnostei sluzhaschih [An overall classifier of working and office worker positions]. <www.doc.unicor.ru>.
10. Bolshoi tolkovyi slovar russkogo iazyka pod red. Kuznecova S.A. SPb: Norint, 2004. [Big Russian language dictionary edited by Kuznecov S.A.].
11. Ob utverzhdenii edinoi nomenklatury dolzhnostei sluzhaschih [On the confirmation of the nomenclature of official postions]. Postanovlenie Goskomtruda ot 09.09.1967.
12. <www.fom.ru>.
13. Lakoff Robin. Language and woman's place. Department of Linguistics, University of California, Berkeley, 1973.
14. Trömel-Plötz Senta. Vatersprache. Mutterland. Beobachtungen zu Frauen und Politik, München, 1992.
15. Pusch, Luise F. Alle Menschen werden Schwestern: feministische Sprachkritik, Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1990.
16. Pusch, Luise F. Ladies first: ein Gespräch über Feminismus, Sprache und Sexualität. Palette, Bamberg 1993
17. Kirilina A.V. Gender: lingvisticheskie aspekty [Gender: linguistic aspects]. M.: Institut sociologii RAN, 1999. [Kirilina A.V. Gender: linguistic aspects].
18. Goroshko E.I. Gendernaia problematika v iazykoznanii [Gender problems in linguistics]. <http://gendocs.ru>.
19. Marlis Hellinger and Hadumod BuBmann. Gender Across Languages. The linguistic representation of women and men. John Benjamins Publishing Company Amsterdam/Philadelphia, 2001.

20. Celikov Dmitrii. <www.science.compulenta.ru>.
21. Pusch, Luise F. Das Deutsche als Männersprache: Aufsätze und Glossen zur feministischen Linguistik. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1984.
22. Roshiian, K.G. Seksizm i kategoriia roda (na material sovremennoi pressy). [Sexism and a gender category] Stavropolskii gosudarstvennyi universitet. <http://tnu.podelise.ru>.
23. <http://chelnews.livejournal.com>.

About the author

Dubynina Nina Vsevolodovna, Ph.D. in philology, Associate Professor of the French Department № 1 at MGIMO (U). Research interests: lexicography. E-mail: dubininan@mail.ru

* * *

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПТА «СЧАСТЬЕ» В ЯПОНСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Н.Н. Изотова

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России. 119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76.

В статье в русле лингвокультурологических исследований предпринимается попытка анализа лексико-семантического поля концепта «счастье». Ядерную зону концепта составляют его базовые вербализаторы – слова японского происхождения сиавасэ 幸せ, сайвай 幸い, а также японское слово из китайских корней ко:фуку 幸福.

Ключевые слова: концепт «счастье», вербализотор, сема, методы исследования семантики слова, *ко:фуку*, *сиавасэ*, *сайвай*.

Голландский ученый Рут Винховен в своей монографии «Счастье разных народов. Субъективная оценка жизни 56 национальностей» подчеркивал, что кросс-культурные опросы, посвященные проблеме счастья, страдают своей необъективностью в силу неоднозначного восприятия термина «счастье» различными языковыми личностями. «В двуязычных странах оценка счастья отличалась среди лингвистических групп. Ответы респондентов соответствовали аналогичным опросам, проведенным на том же языке за границей среди лиц той же диаспоры, и существенно отличались от ответов своих соотечественников, говорящих на другом языке» [2, с. 53].

Японский социолог Кадзуфуми Манабэ также указывал на проблемы, связанные с неточностями перевода и интерпретации ключевых концептов. Так, например, он отмечал, что в издании *Word Values Survey* 1989-1992 английское слово *happy* было переведено на китайский язык как *gaoxing* (наслаждение), хотя семантическое поле концепта «счастье» в китайском языке включает лексемы «веселье», «удовольствие», «благосостояние» и т.д. и существенно отличается от семантического поля английского *happy* в силу различия культурных традиций [5, с. 25].

Методика лингвокультурологического исследования предполагает анализ понятийной, образной, ценностной составляю-

щей концепта. Для исследования понятийной составляющей концепта нами будут использованы данные лексикографических источников японского языка: толковых, иероглифических, двуязычных, исторических, фразеологических словарей, в которых зафиксировано осмысление данного концепта в национальном сознании и представлены все лексические средства его вербализации.

Анализ этимологии лексем, репрезентирующих концепты «счастье», позволяет выявить семантические и национально-культурные особенности исследуемого концепта.

В русско-японском словаре С.Ф. Зарубина, А.М. Рожецкина предлагается пять дефиниций, обозначающих понятие «счастливец»: 幸せ者 *сиавасэмоно*, 果報者 *кахо:ся*, 肖り者 *аякаримоно*, 幸運児 *ко:ундзи*, что свидетельствует о значимости данного понятия для языковой личности. На прилагательное «счастливый» в данном словаре приводится следующий синонимический ряд: 幸福な *ко:фукуна*, 仕合せな *сиавасэна*, 幸いな *сайвайна*, 幸運な *ко:унна*, 幸ある *сатиару*, 運のよい *ун но ёй*; 目出たい *мэдэтай* – «благополучный, удачный»; うれしい *урэсий* – «радостный». Мы видим, что концепт «счастье» актуализируется в лексемах «радостный», «благополучный», «удачный». В качестве иллюстративного примера можно привести выражение 道中ご無事で *дотю: го будзи дэ* – «счастливого пути» (無事 *будзи* – «благополучный, мирный»). Пожелание «счастливо оставаться» на японском языке звучит 御機嫌よう *гокигэн ё:* букв. «будьте здоровы», 機嫌 *кигэн* – «состояние здоровья, самочувствие, настроение».

В значении вводного слова «к счастью», «на счастье» в японском языке используются следующие устойчивые словосочетания: 幸いに *сайвай ни*, 運よく *ун ёку*, 運のよいことに *ун но ёй кото ни*, よくしたもので *ёку сита моно дэ*, 間がよく *ма га ёку*.

В словаре синонимов「類語例解辞典」«счастье» определяется как «состояние удовлетворенности своим бытием» – 恵まれていて満足できる状態にあること *мэгумарэтэ итэ мандзоку дэкиру дзё:тай ни ару кото*. Лексемы *ко:фуку*, *сиавасэ*, *сайвай*, актуализирующие данный концепт, иллюстрируются следующими примерами:

幸福 ***ко:фуку***: 幸福な人生を送る *ко:фукуна дзинсэй о окуру* – «прожить счастливую жизнь»; 子供の幸福お願う *кодомо*

но ко:фуку о нэгау – «желать счастья ребенку»; 幸福に暮らす *ко:фуку ни курасу* – «жить счастливо, благоденствовать.

幸せ *сиавасэ*: 元気で働けるのは幸せの事だ *гэнки дэ харатакэру но ва сиавасэна кото да* – «здоровье и возможность работать – это счастье»; いつまでに幸せに *ицу мадэ ни о сиавасэ ни* – «будьте всегда счастливы»; 忍耐と動力の末に幸せおつかんだ *нинтай то до:рёку но мацу ни сиавасэ о цуканда* – «он (наконец) обрел счастье, приложив для этого много усилий и терпения».

幸い *сайвай*: ご意見を聞かせていただければ幸いです *го икэн о кикасэтэ итадакэрэба сайвай дэс* – «я буду счастлив услышать Ваше мнение».

Таким образом, согласно данному словарю, 幸福 *ко:фуку* означает длительное состояние счастья, обусловленное удовлетворенностью материальными или духовными ценностями»; 福 *фуку* в основном употребляется в пословицах и поговорках – «несчастье превратить в несчастье», «в остатках счастье»; 幸せ *сиавасэ* – это состояние удовлетворенности при благоприятном стечении обстоятельств, зачастую 幸せ *сиавасэ* носит субъективный характер для объекта его переживания; 幸い *сайвай* имеет объективный характер и выражает благоприятный характер сложившихся обстоятельств.

В картине мира японцев 幸福 *ко:фуку* коннотирует с буддизмом и имеет более формальное, чем 幸せ *сиавасэ* значение. 福 *фуку* может ассоциироваться с богатством, полученном в дар от божественных сил. Например, крупнейший храм в городе Нара называется 興福寺 *ко:фукудзи* – «храм счастья и процветания», китайский иероглиф 福 можно увидеть в его разных частях, а также на амулетах, которые там продаются. Похороны в Японии проводят по буддийскому обряду. Выражая соболезнования в связи со смертью близких или знакомых, японцы обычно говорят: つつしんでご冥福をお祈りも押し上げます *цуцусиндэ го мэйфуку о о инори мо:сиагэмас* – «искренне желаю мира душе покойного» (冥福 *мэйфуку* – «блаженство на том свете»).

Разница между 福 *фуку* и 幸せ *сиавасэ*, как представляется, в том, что 福 обозначает некоторое стабильное, долговременное счастье, счастье как благополучие, а 幸せ – более кратковременное счастье, скорее, как везение, удача, дар судьбы. В выражении

«жить долго и счастливо» используют иероглиф 福: 福寿 *фукудзю* – «счастье и долголетие», а «неожиданно свалившееся на голову счастье» – 幸.

Лексико-семантическое поле иероглифа 福 включает такие лексемы, как 福祉 *фукуси* – «благополучие»; 福利 *фукури* – «благосостояние»; 福田 *фукудэн* – «добрые дела», букв. «поля блага – добрые дела, обеспечивающие благо тому, кто их совершает»; 至福 *сифуку* – «высшее счастье, блаженство»; 福徳 *фукутоку* – «счастье и богатство», выражение 福徳円満 *фукутокуэмман* означает «счастливый и процветающий» (БЯРС).

В пожеланиях счастья чаще используется ключевое японское слово 幸せ *сиавасэ* и его дериваты. В качестве иллюстрации можно привести следующие примеры: ご多幸を祈ります *го тако: о иноримасу*. Желаю счастья! 末永くお幸せに *суэнагаку о сиавасэ ни* – «Будьте бесконечно счастливы!»; 生活のスタトを祝い、幸多かれと祈る *сэйкацу но сутато о иваи, сати о:карэ то инору* – «Поздравляю с началом новой жизни, желаю счастья!»; 皆様の幸せ多いご将来を祈ります *минасама но сиавасэ о:й го сё:рай о иноримас* – «Желаю всем много счастья в будущем!».

В историческом словаре「日常語の意味変化辞」仕合せ *сиавасэ* трактуется как «соединять воедино», имея в виду, что данное слово употреблялось для выражения «круговорота событий» со времен эпохи *Муромати* (1333-1573).

В этимологическим словаре「日本語語源大辞典」главное место отводится лексеме ***судьба***, при этом подчеркивается, что в старые времена *сиавасэ* могло иметь как положительное, так и отрицательное значение, в то время как в современном языке сохранилась лишь позитивная составляющая счастья.

В недавно вышедшем этимологическом словаре「日本語解読辞典」приводятся следующие дефиниции значения ***счастья***: 幸運 *ко:ун* – «удача»; めぐり合わせ *мэгуриавасэ* – «случайная встреча»; 仕打ち *сиути* – «обращение».

В японо-русском словаре иероглифов Н.И. Фельдман-Конрад 幸い *сайвай* переводится как счастье, благополучие: 幸 *сати* – «дары», *яма-но сати, уми-но сати* – «дары леса и дары моря». В словаре приводятся следующие словосочетания с иероглифом 幸: 欣幸 *кинко:* – «радость, наслаждение» (欣 – «радость,

удовольствие»); 射幸 *сяко:* – «случайная удача, авантюра, спекуляция» (射 – «стрелять»); 僥幸 *гёко:* – «случайная удача» (僥 – «счастье»); 薄幸の *хакко:но* – «несчастливый, злополучный» (薄 – «тонкий, слабый»).

В японо-английском иероглифическом словаре под редакцией А. Нэльсона в словарной статье, относящейся к иероглифу 幸, можно найти следующие слова японского происхождения, выражающие значение данного иероглифа 幸 *sachi, saiwai* – счастье, удача; *shiawase* – счастье, удача, благодарность; 幸す *kō(su)* – поездки императора, а также следующие словосочетания с китайскими чтениями иероглифов – *канго:* 幸不幸 *kōfukō* – «счастье и горе, добро и зло, свет и тень»; 幸先 *saisaki* – «хорошее начало, доброе предзнаменование»; 幸便 *kōbin* – «счастливый случай»; 幸甚 *kōjin* – «благосклонность, высшее счастье»; 幸運 *kōun* – «удача», 幸運児 *kōunji* – «счастливый ребенок»; 幸なし *sachinashi* – «отсутствие удачи, неудача»; 幸福 *kōfuku* – «счастье, благосостояние»; 幸慶 *kōkei* – «радость, благо».

Кроме того, концепт «счастье» актуализируется в иероглифах 祥 и 吉 – «счастье», «удача». Лексико-семантическое поле иероглифа 祥 включает лексемы 祥瑞 *сё:дзуй*, 吉祥 *киссё:* – «счастливое предзнаменование», «добрый знак»; с иероглифом 吉 записываются такие слова, как 吉兆 *киттё:* – «счастливый признак», 吉事 *китидзи* – «счастливое событие», 吉凶 *киккё:* – «счастье и несчастье», «судьба», 吉報 *киппо:* – «радостная весть», 吉慶 *киккэй* – «веселье», «радость».

Что касается значения 幸 *сати*, то согласно этимологическому словарю「日本語語源大辞典」, это слово уже употреблялось в канонических сводах древних сказаний *Кодзики* в 712 г. и обозначало богатый урожай в лексемах «дары земли, дары моря», что еще раз подтверждает тезис о том, что аксиологической составляющей концепта «счастье» у японцев является природа, без благожелательного отношения которой они не мыслят счастья ни отдельно взятой языковой личности, ни счастья социума в целом. 幸 *сати* – слово исконно японского происхождения, семантическую историю которого можно искать в истоках древней сельскохозяйственной культуры, занимавшейся возделыванием риса. 幸 *сати* также имеет значения «счастье»,

«удача». 幸あれと祈る *сати арэ то инору* – «желать счастья (благополучия)».

В словарной статье「デジタル大事泉」приводится десять дефиниций синонимического ряда лексемы 幸せ *сиавасэ:* 幸福 *ко:фуку* – «счастье»; 幸 (さち) *сати* – «дары»; 幸 さいわい *сайвай* – «счастье, благо»; 幸運 *ко:ун* – «удача, везение»; 福運 *фукуун* – «счастливый случай»; 果報 *кахо:* – «счастье, везение»; 冥加 *мё:га* – «неожиданное счастье, помощь богов, милость судьбы»; 多幸 *тако:*, 多祥 *тасё:* – «много счастья»; 万福 *манпуку* – «большое счастье», букв. «десять тысяч счастья».

Значение лексемы 幸せ *сиавасэ* толкуется следующим образом: 運がよいこと、幸福、幸運 *ун га ёй кото, ко:фуку, ко:ун* – «счастье как везение, удача»; めぐり合わせ、運命 *мэгуриавасэ, уммэй* – «случайная встреча, судьба»; 運がよくなること、うまい具合にいくこと *ун га ёку нару кото, умай гуай ни ику кото* – «счастливая участь, благоприятное стечение жизненных обстоятельств»; 物事のやり方、また事の次第 *монодзи но яриката, мата кото но сидай* – «ход вещей или событий».

Слово 幸福 *ко:фуку* – «счастье» записывается читающимися по китайскому чтению иероглифами 幸 *ко:* и 福 *фуку*. Одним из его лексических значений является «без жалоб и недовольства», «непритязательное счастье»「大事線」.

«Счастье» 幸福 *ко:фуку* может быть «неожиданным» – 思いがけない *омоигакэнай ко:фуку*; «слепым» – まぐれ当たり幸福 *магурэатари ко:фуку*; «прекрасным» – 幸いだ、結構だ *сайвай да, кэкко: да* – «Это счастье. Это прекрасно»; оно может «улыбаться» 彼は幸運に恵まれた *карэ ва ко: ун ни мэгумарэта* – «счастье улыбнулось ему», букв. «облагодетельствовало».

Счастье ассоциируется со светом, солнцем, оно может «светиться», «сверкать». ご出産おめでとう。赤ちゃんを胸に抱いたあなたは、今世界中の幸せを一身に集めて美しく輝いていることでしょう。*Го сюссан омэдэто:. Акатян о мунэ ни дайта аната ва, има, сэкай тю: но сиавасэ иссин ни ацумэтэ уцукусику кагаяйтэ иру кото дэсё:* «Поздравляю с рождением ребенка. Наверное, сейчас ты светишься всем ***счастьем*** мира, укачивая ребенка на руках» [6, с. 66].

Рассматриваемый концепт реализуется в лексеме 幸運 *ко:ун*. Слово 幸運 *ко:ун* состоит из иероглифов 幸 *ко* – «счастье»

и 運 *ун* – «участь», «судьба», «успех», «удача» и имеет значения «счастливая судьба», «счастье», «удача». В таком значении оно используется в выражениях: 幸運な *ко:унна* – «счастливый», «удачливый»; 幸運にも *ко:ун ни мо* – «к счастью»; 何という幸運の生まれであろう *нан то ю: ко:ун но умарэ дэ аро:* – «родился под счастливой звездой»; 私にもそのうち幸運が向いて来よう *ватакуси ни мо соно ути ко:ун га муйтэ коё:* – «скоро и мне улыбнется счастье», букв. «счастье повернется» (БЯРС). 幸運児 *ко:ундзи* – «счастливец», «баловень судьбы».

Мы видим, что словообразовательная подсистема, образованная на базе ключевого слова «счастье», очень обширна, что подтверждает актуальность и значимость для обыденного сознания данного концепта.

Проведенный анализ словарных дефиниций показывает, что понятийное содержание концепта «счастье» включает не только такие понятия, как «удача», «везение», «благосостояние», «благополучие», «здоровье», «гармония», «умиротворение», но и «неожиданное счастье» которое ассоциируется с «помощью богов», а этноспецифический компонент осмысления концепта заключается в его относительности (相対) возможности количественного измерения (多幸、万福) неразрывной связи «счастья» с «судьбой», со «случайной встречей», «ходом событий и явлений», «блаженством в будущей жизни».

Гэнъю Сокю в книге «Искусство быть счастливым» обращается к этимологии лексемы «счастье».

Сиавасэ – исконно японское слово. До начала XIV в. оно записывалось иероглифами 為 *и* и 合わせる *авасэру* – «соответствовать», и означало 為合わせる *сиавасэру* «соответствовать действиям другого». Первоначально под «действиями другого» подразумевались деяния богов, неба, поэтому 為合わせ *сиавасэ* в те времена означало «жить в соответствии с волей богов» 天の思惑次第 *тэн но сиваку сидай*, и выражало тот же смысл, что и слово 運命 *уммэй* «судьба», «участь». В XIV-XVI веках 為合わせ *сиавасэ* стали записывать с иероглифом 仕 *си* «служить», соответственно изменился смысл слова, *сиавасэ* стало означать тесное взаимодействие с другими людьми, то есть партнером служили уже не боги, а окружающие люди. «Исконно японское

восприятие «счастья» резко отличается от западного, – подчеркивает Гэнъю Сокю, – для японцев «счастье» всегда подразумевало наличие партнера» [5, с. 19].

Слово 幸い *сайвай* также является исконно японским, этимологически происходит от слова さきわう *сакиваy*, что означает «цвести», «процветать». Обращаясь к изменениям, которые происходят в языке с течением временем, Гэнъю Сокю приводит интересный пример «превращения несчастья в счастье». Изначально иероглиф 祥 *дзё:* «счастье», «счастливое событие», входящий в состав слова 吉祥 *китидзё:* «счастье», означал «несчастье». Но так как иероглиф 祥 *дзё:* состоит из двух компонентов, один из которых представляет собой иероглиф 羊 *хицудзи* «овца», а другой входит в состав иероглифа 神 *ками* «бог», он актуализировался в сознании японцев как «подношение, жертвование богам овцы», тем самым «боги сменили гнев на милость», и смысл иероглифа изменился – он стал означать не わざわい *вадзаваи* «несчастье», а 幸い *сайвай* «счастье» [5, с. 20-21].

В последнее время широкое распространение среди японцев, особенно среди молодежи, получило слово ハッピ *happī*. Будучи заимствованным из английского языка, ハッピ прочно заняло свое место в коммерции и повседневном языке, что отражает влияние американской культуры и стереотипов западного поведения на менталитет японцев. Заимствованное слово ассоциируется с успехом, легкостью, гламуром, олицетворяющих систему ценностей западного образца. «Заимствованные и исконно японские слова не являются абсолютными синонимами, они обозначают похожие явления и употребляются в разных контекстах: слово ハッピ (от англ. *happy*) подразумевает всплеск бурного восторженного состояния, тогда как японское слово «счастье» – 幸せ *сиавасэ* употребляется для обозначения светлого сокровенного состояния души человека» – отмечает Т.М. Гуревич [3, с. 46].

Приведенный анализ словарных дефиниций позволяет констатировать, что лексико-семантическое поле концепта «счастье» представлено разнообразными средствами. Ядерную зону концепта составляют его базовые вербализаторы – слова японского происхождения *сиавасэ* 幸せ, *сайвай* 幸い, а также япон-

ское слово из китайских корней *ко:фуку* 幸福. Данные слова не совпадают полностью в объеме своего содержания, однако все они включают сему «счастье», образуют обширную словообразовательную подсистему. Слова *сиавасэ* 幸せ включает такие семы, как «жизнь», «судьба», «дары», «случайная встреча», «удача», *ко:фуку* 幸福 содержит сему «благополучие», «благоденствие», «процветание», «богатство», *сайвай* 幸い «удобный случай», «благоприятное стечение обстоятельств».

Таким образом, можно заключить, что в рассматриваемом концепте ***счастье*** выделяются такие семантические компоненты, как «радость, удача, благосостояние, судьба, везение, случайная встреча, благополучие, дары, удобный случай, богатство, процветание», которые составляют его смысловое ядро и выполняют функцию концептуальных признаков, участвующих в процессе реализации данной лексемы. Эти признаки являются основой ценностной составляющей, которая определила лингвострановедческое содержание ключевого слова ***счастье*** как концептуальной универсалии.

Список литературы

1. Алпатов В.М. Япония: язык и общество. М.: Муравей, 2000.
2. Veenhoven, Ruut. Happiness in Nations. Subjective appreciation of life in 56 nations 1946-1992. Rotterdam, Erasmus University, RISBO, Center for Socio-Cultural Transformation, 1993.
3. Гуревич Т.М. Человек в японском лингвокультурном пространстве. Монография. М.: МГИМО-Университет, 2005.
4. 玄侑宗久 しあわせる力、東京、2010. Гэнъю Сокю. Сиавасэру тикара. (Искусство быть счастливым). Токио, 2010.
5. Manabe, Kazufumi. 2006. The culture of happiness and satisfaction in Asia. In: Takashi Inoguchi et al. Human Beliefs and Values in Striding Asia. East Asia in Focus: Country Profiles, Thematic Analyses, and Sourcebook, Based on the Asia Barometer Survey of 2004. Tokyo: Akashi Shoten.
6. Фролова Е.Л. Эпистолярный стиль. М.: Моногатари, 2010.

Словари

7. Большой японо-русский словарь / Под. ред. Конрада Н.И. В 2 т. М.: Живой язык, 2007. (БЯРС).
8. Зарубин С.Ф., Рожецкин А.М. Русско-японский словарь. М.: Русский язык, 1988.
9. Японо-русский учебный словарь иероглифов / Под. ред. Фельдман-Конрад Н.И. М.: Русский язык, 1977.
10. The Modern Readers Japanese - English Character Dictionary by Andrew N. Nelson, second revised edition. Tokyo: Rutland Vermont, 1979.
11. 日本語解読辞典 - 東京: 東洋出, 2006.
12. デジタル大事線-小学館 (Casio Electronic Dictionary XD-A7700).
13. コンサイス和露和辞典「第3版」- 東京: 三省堂, 2005-2007.
14. 例解学習国語辞典 - 東京: 小学館, 1996.

Об авторе

Изотова Надежда Николаевна – кандидат культурологии, доцент кафедры японского, корейского, индонезийского и монгольского языков МГИМО (У). Сфера научных интересов: лингвокультурология, аксиология, межкультурная коммуникация. E-mail: izotova@list.ru

THE LEXICAL-SEMANTIC ANALYSIS OF "HAPPINESS" CONCEPT IN JAPANESE LINGUISTIC WORLD PICTURE

N.N. Izotova

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *The article in the framework of lingvocultural research is aimed to explore the lexical-semantic field of Happiness concept. Nuclear zone of concept consists of its basic verbalizators – Japanese words siavase* 幸せ, *saivai* 幸い, *as well as the Chinese word: fuku* 幸福.

Key words: *happiness* concept, verbalizator, seme, methods of semantic analysis of a word, ko:fuku, shiawase, saiwai.

References

1. Alpatov V.M. Iaponiia: iazyk i obshchestvo [Language and Society]. M.: Muravei, 2000.
2. Veenhoven, Ruut. Happiness in Nations. Subjective appreciation of life in 56 nations 1946-1992. Rotterdam, Erasmus University, RISBO, Center for SocioCultural Transformation, 1993
3. Gurevich T.M. Chelovek v iaponskom lingvokul'turnom prostranstve. [HUMAN in Japanese Lingvocultural space]. Monografiia. M.: MGIMO-University, 2005.
4. 玄侑宗久 しあわせる力、東京、2010. Gen"iu Sokiu. Siavaseru tikara. (Iskusstvo byt' schastlivym). [The art of being happy]. Tokio, 2010.
5. Manabe, Kazufumi. 2006. The culture of happiness and satisfaction in Asia. In: Takashi Inoguchi et al. Human Beliefs and Values in Striding Asia. East Asia in Focus: Country Profiles, Thematic Analyses, and Sourcebook, Based on the Asia Barometer Survey of 2004. Tokyo: Akashi Shoten.
6. Frolova E.L. Epistoliarnyi stil' [Epistolary style]. M.: Monogatari, 2010.

Dictionaries

7. Bol'shoi iapono-russkii slovar' [Large Japanese-Russian Dictionary] / Pod. red. Konrada N.I. V 2 t. M.: Zhivoi iazyk, 2007. (BIaRS).
8. Zarubin S.F., Rozhetskin A.M. Russko-iaponskii slovar' [Russian-Japanese Dictionary]. M.: Russkii iazyk, 1988.
9. Iapono-russkii uchebnyi slovar' ieroglifov [Japanese-Russian Character Dictionary] / Pod. red. Fel'dman-Konrad N.I. M.: Russkii iazyk, 1977.
10. The Modern Readers Japanese - English Character Dictionary by Andrew N. Nelson, second revised edition. Tokyo: Rutland Vermont, 1979.
11. 日本語解読辞典 - 東京: 東洋出, 2006.
12. デジタル大事線-小学館 (Casio Electronic Dictionary XD-A7700).
13. コンサイス和露和辞典「第3版」- 東京: 三省堂, 2005-2007.
14. 例解学習国語辞典 - 東京: 小学館, 1996.

About the author

Nadezda N. Izotova – PhD in Cultural Studies, Associate Professor of the Department of the Japanese, Korean, Indonesian and Mongolian languages at MGIMO (U). Research interests: lingvoculturology, axiology, intercultural communication.

* * *

КОГНИТИВНАЯ И ЛИНГВОСЕМИОТИЧЕСКАЯ СИСТЕМЫ ГЛЮТТОНИИ: К РАЗРАБОТКЕ ТИПОЛОГИИ ЗНАКОВ ГАСТРОНОМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

А.В. Олянич

Волгоградский государственный аграрный университет. 400002, Россия, Волгоград, пр. Университетский, 26.

Статья посвящена разработке когнитивной классификации и лингвосемиотической типологии знаков глюттонии, т.е. сферы добычи, обработки, потребления и подачи пищи, отраженной в разных языках и культурах. Изучаются знаки пищевых продуктов, инструментов добычи пищи и приготовления, знаки обстоятельств, сопутствующих потреблению пищи; исследуются функции, характерные для разнообразных типов знаков, выделяемых в ходе построения классификации и типологии.

Ключевые слова: глюттоним, дискурс, знак, инструментатив, квалификатив, лимитатор, локатив, потребность, семиотика, эстетив

Весь материальный мир с точки зрения Человека потребляющего так или иначе расценивается как объект потребления и утилизации; главной целью рода человеческого по отношению к материальному миру является поиск и изъятие из него вещества, годного к продолжению жизни человеческого организма. Иными словами, весь мир в глазах голодного человеческого существа делится на мир съедобный и мир несъедобный. Этот глобальный когнитивный посыл связан с базовым стремлением человека к всеобщей утилизации материального мира: потребление съедобного влечет за собой использование несъедобного в процессе добычи съестного, его переработки/превращения в пригодную форму потребления и собственно потребления.

Таким образом, материальный несъедобный мир в когнитивной системе глюттонии представлен: 1) средствами добычи пищи (орудия добычи – напр., рыболовные сети, удочка, ружье, лассо, капкан); 2) средствами выращивания (огородные и садовые инструменты, удобрения и т.п.); 3) средствами и инструментами обработки добытого или выращенного пищевого продукта для полноценного потребления (средства тепловой обработки –

огонь и вода, заостренные инструменты – ножи, и т.п.); 4) собственно орудиями для приготовления пищи (ножи, доски для резки продуктов, инструменты отделения пригодных для еды частей продукта и превращения продукта в полуфабрикат, посуда для тепловой обработки – кастрюли, миски, горшки, и т.д.); 5) средствами превращения естественного (сырого) продукта в продукт, готовый к потреблению (очаг, газовая и электрическая плита, микроволновая печь, гриль); наконец, 6) средствами и инструментами, обеспечивающими собственно потребление (столовые приборы) и эстетизацию потребления (украшения блюд из самих продуктов, салфетки, украшения стола, свечи и пр.). Поскольку приготовление пищи и ее потребление составляет один из приоритетов существования Человека потребляющего, центральное место в среде его обитания занимает само место приготовления пищи – кухня. Именно кухня превращается в культурную доминанту существования *Homo consummatus* и становится одной из его приоритетных ценностных доминант. Символическим ценностным стержнем существования в современном мире оказывается место хранения пищи – холодильник: именно вокруг него происходит коммуникация современного общества. Интересно, что этот сугубо утилитарный объект бытия впервые был использован самой коммуникабельной нацией– американцами – как средство коммуникации. Нет такой американской семьи, в которой стенки холодильника не были бы увешаны посланиями членов семьи друг другу. Это коммуникативное превращение используется сегодня всем современным миром. Кухня как коммуникативный центр в истории культур претерпела массу трансформаций, сохранив при этом свою двоякую предназначенность – как место, где «поддерживается жизнь» (готовится пища), и место, «где узнают новости» (ср., например, кухни в советских коммуналках – прообразы информационных агентств). До сих пор на кухне делаются уроки, ведутся задушевные разговоры в процессе приготовления пищи и ее потребления, на кухне пишутся научные статьи. В современных условиях индивидуализации человеческого обитания (россияне в большинстве своем переехали в отдельные квартиры и собственные дома) потребность в получении информации и ее осмыслении

осталась: не случайно, поэтому в кухне на равных правах с холодильником воцарились радиоприемники и телевизоры, а завтрак главы семьи весьма часто сопровождается чтением газеты.

В широко социализированной среде потребления пищи – среде за пределами узко локальной среды домашнего потребления значительным образом расширяется система когнитивной компетенции Человека потребляющего и, соответственно, трансформируется система культурных и иных ценностей потребления пищи. Во-первых, в коммуникацию вовлекаются новые, качественно иные представления о добыче, обработке и приготовлении пищи в гораздо больших объемах, нежели в узко локальной домашней среде, что связано с массовостью потребления. Во-вторых, массовость требует когнитивной компетенции продолжения жизни не индивидуума, а сообщества (вспомним в этой связи Христа, накормившего семью хлебами толпу страждущих!). В-третьих, в глюттонической коммуникации возникает необходимость новых субъектных ролей.

В социализированной глюттонической системе важное место занимают субъекты-добытчики съедобного (производители мяса, рыбы, огородники и т.д.) и субъекты-обработчики, когнитивно-компетентные в области обработки и приготовления пищи, т.е. владеющие технологиями процесса приготовления еды (шеф-повар, повар, подсобные работники кухни). Ролевая структура глюттонии значительно расширяется в связи с ценностной ориентацией цивилизации на эстетизацию самой глюттонической среды. Субъекты глюттонии оказываются носителями выработанных человечеством культурных ценностей в области потребления еды, связанных с формированием образа потребляемой пищи, способов ее потребления и формированием категории вкуса. Формирование ценностей происходит в социализированной среде (кафе, ресторан, бар, паб, закусочная) и вовлекает в коммуникативную глюттоническую среду повара как дизайнера блюда, повара как конструктора и изобретателя нового кушанья, сомелье как знатока вин и их сочетания с видами еды, бармена как конструктора смешанных напитков (коктейлей) и как профессионального актера, виртуозно жонглирующего бутылками, бокалами и шейкером для смешивания напитков.

Эстетизация социализированной среды потребления выдвигает на передний план также такие субъектные роли, которые способствуют ритуализации приема пищи. Так, в ресторане роль хозяина/хозяйки заведения играет метрдотель, управляющий процессом подачи блюд и поддержанием порядка приема пищи. Исполнителями ритуала подачи еды являются официанты, в задачи которых входит не только исполнение очередности подачи, но и формирование когнитивной компетенции посетителя заведения (совет, что попробовать, с чем попробовать, какой гарнир лучше к определенному блюду, и т.д.). Отметим, что в процессе потребления пищи не прекращается коммуникация, которая протекает в рамках массово-информационного дискурса, представленного знаками дискурса гастрономического, достаточно жестко структурированными и иерархизованными в лингвосемиотическую систему.

В самом общем виде лингвистические знаки гастрономического дискурса исполняют четыре важнейших коммуникативных функции: 1) *иконическую или собственно денотативную*, связанную с закреплением в сознании коммуникантов образа еды, ее качества, места и способа ее приготовления, а также субъектов действий, связанных с приготовлением еды; 2) *директивную или инструктивную*, описывающую структуру процесса приготовления пищи и регулирующую его качественные, количественные, разрешительные и запретительные характеристики; 3) *квалификативно-оценочную*, характеризующую социальное отношение к процессу приготовления и потребления пищи, а также формирующую культурные приоритеты в самом этом процессе; 4) *презентационную*, связанную с ритуализацией и драматизацией процесса глюттонической коммуникации. *Иконической или денотативной семиотической нагрузкой* наделены четыре типа языковых знаков – *знаки-глюттонимы, знаки-локативы и инструментативы, знаки-персоналии и знаки-квалификаторы* [4, с. 28].

Глюттонимами предлагается именовать собственно знаки пищи и ее компонентов. Система глюттонимии может быть подвергнута классификации по ряду признаков: а) вещество :: носитель вещества :: продукт («мясо» :: «говядина» :: «ростбиф»; «рыба» :: «осетр» :: «осетрина в тесте»; «пшеница» :: «мука» ::

«хлеб»); б) состояние: жидкое :: твердое («суп» :: «сухари»); в) доминантность :: дополнительность («котлета» :: «гарнир», «судак» :: «в кляре», «селедка» :: «под шубой», «килька» :: «в томатном соусе»); г) монокомпонентность :: олиго(мало) компонентность :: поликомпонентность («мука» + «вода» = «маца» – ритуальный еврейский хлеб [дву-, то есть малокомпонентность]; «перец» :: «карри» – смесь из множества специй); д) класс – элемент класса (“seafood” :: “shrimps” – «морепродукты» :: «креветки»; «колбасные изделия» :: «сосиски»).

К ***знакам-локативам*** и ***знакам-инструментативам*** в глюттонической системе могут быть отнесены: 1) знаки, номинирующие место происхождения продукта или способ его приготовления как прямо («соус чили», «цыпленок по-кентуккийски», «свинина на вертеле», «овощи на шпажках», «баранина в горшочке»), так и косвенно («чахохбили» – грузинское блюдо, «карри» – индийские пряности, «строганина» – мясо, наструганное при помощи ножа, «солонина» – обработанное солью мясо, причем соль играет роль инструмента обработки для хранения; “carved turkey” – североамериканское блюдо, состоящее из мяса индейки, срезанного с костей птицы особым ножом, “minced meat” – мясо, прокрученное через мясорубку, “ground coffee” – кофе, смолотый в кофемолке; “coffee a la Turkey” – кофе по-турецки, приготовляемый в особой кастрюльке-джезве); 2) знаки, номинирующие как собственно место, где приготовляется продукт («кухня», «костер», «очаг», «плита», «мангал», «микроволновая печь», «печь», «гриль»), так и инструменты, используемые в процессе приготовления и потребления (“cutlery”, “kitchen utensils”, «нож», «вилка», «ложка», «половник», «лопатка», «ситечко», «тарелка», «миска», «кастрюля», «супница», «чашка»).

Классификация таких знаков также подчиняется ряду признаков-параметров: а) локативность (ареальность) :: пан-территориальность («кофе» как продукт, произрастающий только в странах с теплым климатом, но не произрастающий в странах с континентальным климатом :: кофе как напиток, потребляемый повсеместно); б) функциональная универсальность :: функциональная связанность (из мяса можно приготовить бульон, из шоколада – нет; хлеб совместим с любым блюдом; солью можно ис-

портить сладкое блюдо); в) градация количества/качества :: категория меры (солью можно пересолить, перцем – переперчить, мясо – недоварить, хлеб – недомесить, рыбу – пережарить, специи – недосыпать, макароны – переварить, напиток – пересластить, блюдо передержать в печи, на мангале, в микроволновой печи, и т.д.); г) инструментальная универсальность :: инструментальная связанность (кофе можно молоть только при помощи кофемолки, но нельзя резать ножом; суп можно пить и есть ложкой, но нельзя есть ножом, рукой или вилкой; чай можно размешивать любым предметом; бутылкой можно раскатывать тесто, отбивать мясо, использовать в качестве опоры для обжарки курицы в духовой печи, использовать в качестве контейнера для сыпучих и жидких продуктов; кофейная джезва может использоваться просто как кастрюлька для подогрева воды); д) функциональная специфика знака инструмента (сито существует только для просеивания муки, морозильная камера – только для заморозки продуктов, микроволновая печь – только для тепловой обработки продуктов, различные виды ножей для нарезки или очистки продукта).

Знаки – квалификаторы в глюттонической системе функционируют в когнитивной категории рецепции и формируют весьма обширное семантическое поле рецепции. Ключевыми квалификационными понятиями денотации здесь являются доминанты-оппозиции «съедобный/съедобно» → «несъедобный/несъедобно» → и «вкусный/вкусно» → «невкусный/невкусно». Основным свойством этой знаковой подсистемы является ее семантическая градуированность. Знаки распределяются по достаточно четко градуированным оппозициям и шкалам: а) шкала вкусовых качеств продукта (оценка « - »: несъедобно → безвкусно → невкусно → оценка « 0 »: съедобно → нормально → оценка « + »: вкусно → очень вкусно → изысканный вкус → деликатес); б) шкала потребительских качеств продукта (блюдо готово [в самый раз, прямо на стол, как раз, доведено до кондиции] → блюдо не готово [недоварено, недожарено, недопарено, недосолено, недоперчено, недомешано, недодержано, недошинковано, не доведено до нужной кондиции/готовности, непротушено] → блюдо переварено, пережарено, перепарено, пересолено, переперчено, передержано, перестояло, переварилось → испорчено в результате

нарушения технологии и меры); в) градация вкусовой (перцептивной) сочетаемости продуктов: 1) бинарная сбалансированная («хлеб – соль», «котлеты – гарнир», «мясо – соус», «щи да каша», «каша с маслом», «пиво с воблой», «пиво – раки», «кофе с молоком», «чай с лимоном»; «водка под огурчик»); 2) многокомпонентная сбалансированная («кулебяка = рыба + капуста + тесто», «пироги с мясом и рисом», «гамбургер = бифштекс + булочка + лист салата», «чизбургер = сыр + булочка + лист салата», «фишбургер = рыба + булочка + лист салата», «хотдог = сосиска + булочка + кетчуп + лист салата»); 3) несбалансированная с положительной вкусовой оценкой («куриные пупки на меду», «курица с ананасом», «ананасы в шампанском»); 4) несбалансированная с отрицательной вкусовой оценкой (*«борщ с шоколадом», *«сладкий бульон»; *«соленая дыня»); 5) квалификация сочетаемости продуктов («сервируется с….», «идет к ….», «подходит к ….», «поливается…», «заправляется ….», «употребляется вместе с…»); 6) квалификация несочетаемости продуктов («не идет с …», «не подойдет к …», «не употребляется с …», «испортит вкус…»).

Директивная или инструктивная функция закреплена за знаками глюттонической системы, которые названы нами *директивными знаками-процессивами* и призваны, во-первых, описать процесс подготовки пищи к потреблению, во-вторых, прокомментировать ход процесса и исполнить функцию регуляции процесса, в-третьих, определить возможные варианты, не влияющие на ход процесса в сторону его ухудшения, и, наоборот, наложить ограничения на ход процесса, поскольку некие факторы могут его изменить в сторону ухудшения. В глюттоническую систему вовлечены четыре типа таких лингвистических знаков. Это *знаки-дескрипторы, знаки-комментативы и регулятивы, знаки-пермиссивы и знаки-лимитаторы*.

Знаки-дескрипторы описывают глюттонические процессы и формируют дескриптивную подсистему глюттонии. К ним относятся: а) номинации процесса подготовки пищи к приготовлению – создание полуфабриката («замораживание – размораживание», «очистка», «засолка», «мытье», «нарезка», «разделывание», «замешивание», «просеивание»); б) номинации процесса приготовления («варка», «обжарка», «пассерование», «тушение», «ки-

пение», «соление», «перчение», «шинковка», «раскатывание»); в) номинации презентации пищи к потреблению («гарнирование», «подача», «сервирование», «украшение», «раскладка»); г) предикаты подготовки к приготовлению пищи («чистить», «замораживать – размораживать», «очистить», «резать», «засолить», «мыть», «разделывать» и т.п.); д) предикаты приготовления пищи («жарить», «варить», «кипятить», «тушить», «пассеровать», «солить», «перчить», «добавлять», «наливать», «переливать», «нашинковать», «обдавать [кипятком]», «сушить», «раскатывать», «перевернуть»); е) предикаты презентации пищи к потреблению («гарнировать», «подавать», «сервировать», «украшать», «раскладывать», «наливать», «разливать», «накладывать», «обносить»). Особую группу дескрипторов образуют лингвистические знаки потребления пищи. Это, во-первых, номинации процесса потребления – как нейтральные («еда», «питание», завтрак», «обед», «ланч», «ужин», «банкет», «трапеза»), так и эмотивные («пир», «оргия», «пьянка», «пирушка», «вечеринка», «попойка», о которых подробнее речь пойдет ниже – при описании знаков-квалификативов и эмотивов). Во-вторых, это предикаты действий и состояний процесса потребления, также градуированные по шкале эмотивной нагруженности от нейтральных («есть», «поесть», «наесться», «напиться») до эмотивных («обожраться», «нажраться», «нализаться»).

К ***знакам-комментативам*** и ***знакам-регулятивам*** в нашей классификации относятся такие знаки, задача которых – номинировать условия успешного или неуспешного хода и завершения процесса приготовления пищи, а также процесса потребления пищи. Их основной особенностью является конвенциональная способность наложения условий на сам процесс: «кипятить в течение пяти минут», «лучше тушить в сметане», «рекомендуется заправить уксусом», «мясо будет мягким, если бульон посолить в конце варки», «если нет майонеза, можно заправить сметаной», «выключить, как только подрумянится». Знаки-регулятивы предупреждают либо о повышении качества приготовленной еды в результате изменения хода процесса приготовления, либо о последствиях нарушения технологии процесса логическим силлогизмом «*если...то*»: «если добавить в макароны

сыра, то они будут вкуснее», или «если насыпать много соли, то кушанье можно испортить». Это же относится и к процессу потребления, только в этом случае речь идет о регуляции и комментировании успешности/неуспешности приема пищи и его комфортности/некомфортности: «ешь не спеша – так пища лучше усваивается», «тщательно пережевывай еду – тогда не будет проблем с желудком», «это блюдо следует есть только горячим, остывшим оно невкусно».

Функционально комментативы и регулятивы смыкаются с другими знаками – ***пермиссивами*** и ***знаками-лимитаторами***. Первые обеспечивают вариативность процесса приготовления пищи и процесса ее потребления, вторые налагают ограничения на эти процессы. Так, к пермиссивам можно отнести знаки – функциональные замены типа «можно», «подойдет», «рекомендуется», «годится», «за неимением», «будет вкуснее, если», «советуем…»: «если нет кинзы, используйте петрушку», «за неимением сельдерея, подойдет и корень петрушки», «рекомендуется не солить». В процессе потребления его вариативность обеспечивается знаками типа «курицу можно есть руками», «никто вас не осудит, если вы соус доедите, промокая его корочкой хлеба», «рыба вкусна и в холодном виде».

Знаки-лимитаторы напрямую запрещают отклонения от директив и инструкций, регламентирующих процессы приготовления и потребления пищи. Они совмещают в себе предупредительную и лимитирующую функции: в качестве операторов используются знаки «не [предикат], иначе (в противном случае) (а то; не то)» – «после закладки в кастрюлю пельмени помешать, иначе они слипнутся», «крышкой кастрюлю не накрывать, а то бульон выкипит». Запретительная директива может быть, как комментированной («посолить в конце варки, в противном случае мясо станет жестким»), так и сугубо запретительной без комментариев («Не кипятить!»). В процессе потребления знаки-лимитаторы исполняют запретительную функцию регулирования этикетных инструкций («Хлеб нельзя брать вилкой», «О скатерть руки не вытирать», «Не пей из тарелки», «Икать за столом неприлично», «Не строй горы из костей на столе», «Не пей из бутылки» и т.д.).

Квалификативно-оценочную функцию, характеризующую социальное отношение к процессу приготовления и потребления пищи, а также формирующую культурные приоритеты, исполняет семиотическая подсистема, состоящая из *знаков-квалификативов* и *знаков-эмотивов* с разной фунционально-коммуникативной нагрузкой.

Знаки-перцептивы следует отнести к знакам вторичной номинации, отражающими отношение субъектов гастрономического дискурса к процессам приготовления и потребления пищи. Они, так же как знаки-квалификаторы, градуированы по соответствующим шкалам, однако главное основание их градуировки связано с отношением к количеству/качеству пищи и процессам, с ней сопряженным. В номинацию вовлечены знаки из разных социальных регистров употребления – от возвышенного дискурса до дискурса сниженного. Особую группу среди знаков-квалификативов и знаков-эмотивов составляют знаки, связанные с номинацией сферы власти и соответствующей ей идеологии. В нашей глюттонической классификации они получили наименование ***знаков-идеологем***.

Связь власти и глюттонии представляется очевидной прежде всего потому, что вся история человечества свидетельствует о прямой зависимости власти от глюттонического процесса. Существование того или иного режима власти предполагает, как обладание пищевыми ресурсами, так и их распределение. Смена режимов власти не в последнюю очередь происходит прежде всего из-за стремления обладать именно пищевым ресурсом. Манипуляция инстинктами выживания толпы – главный инструмент власти во все времена. Среди предвыборных обещаний любого политика (в том числе и демократической принадлежности) одно из основных – обещание сытно накормить: недаром поэтому власть в дискурсе любого народа ассоциирована с «кормушкой» – близостью к пищевому ресурсу. Иерархия властной структуры в народном сознании россиян определяется именно такой близостью.

Общеизвестным свойством тоталитарных режимов власти является их стремление 1) завуалировать роль пищевого ресурса и 2) использовать ресурс в функции поддержания и удержания

власти. Так, всем бывшим гражданам СССР хорошо помнятся тезисы «Книги о вкусной и здоровой пище» сталинской эпохи, в той или иной интерпретации кочевавшие в хрущевские и брежневские переиздания, смысл которых был, во-первых, навязать гражданам так называемый «здоровый образ жизни», «здоровое питание» (позднее лицемерное содержание этого тезиса было мастерски развенчано известным теоретиком кулинарии Вильямом Похлебкиным в серии его книг о еде [5]), предполагавший убедить массы в высоком качестве продуктов советской пищевой индустрии, тогда как каждый ребенок воспитывался в искреннем убеждении, что в докторскую колбасу кладут туалетную бумагу; во-вторых, навязать массам мысль о пищевом изобилии, которого на самом деле не было и в помине. Качественная пища использовалась как средство шантажа и подкупа масс – вспомним так называемые «кремлевские пайки» для чиновников и работников госаппарата или близких к власти управленческих структур.

Отголоски этого культурного феномена слышны и сегодня, во времена демократические (например, Микояновский мясокомбинат сегодня рекламирует колбасные изделия как поставщик Кремля с ностальгическим подтекстом прежней его близости к власти; или прайм-таймовская презентация «Масла кремлевского» со всеми атрибутами власти – изображение Московского Кремля и рекламный манипулятивный message о том, что все «кремлевское» – качественное). Тоталитарные режимы власти наделяли многие пищевые продукты чужеродным символизмом («пища капиталистов и империалистов») и всячески стремились их дезавуировать. Главным инструментом такого дезавуирования выступали «замены». Так, книга „Guten Appetit“ Гюнтера Линде и Хайнца Кноблоха – журналистов из ГДР, переведенная на русский язык в 1972 г. и описывающая разные национальные кухни мира, пестрит такими заменами: советскому читателю 70-х годов просто были незнакомы такие продукты, как каперсы, анчоусы, рыбка коринка и пр. Многие продукты заменялись в рецептах другими просто потому, что в СССР их можно было достать только в кремлевских распределителях «по блату» (ананасы, горбуша, салями) [3].

Другой вектор тоталитарного манипулирования направлен в прошлое с целью его дискредитации. При этом используются разные манипулятивные приемы – от подмены понятий до замалчивания. В журнале «Сельская молодежь» №3 за 1975 г. появляется серия статей о «Книге для молодых хозяек» Елены Молоховец (1912 г.), высмеивающих ее рецепты, в которых присутствовали черная и красная икра, осетрина или медвежатина, как рецепты, «издевающиеся над простым народом, не имевшим доступа к подобным продуктам» (можно подумать, что не облеченные властью советские граждане имели такой доступ в 70-е годы!). На самом деле послеперестроечное открытие архивов сделало общедоступной информацию о том, что, например, осетрину можно было купить до октябрьской революции 1917 г. за копейки в любой продовольственной лавке.

Таким образом, лингвистические знаки-глюттонимы получили некое новое – идеологическое – содержание и стали использоваться в иной – классовой – среде, став знаками-идеологемами или презентемами идеологии. Идеологией как компонентом семантическим наделены многие глюттонимы. Презентемы-идеологемы распределяются по шкале «экономическая доступность – недоступность» или «богатство – бедность». Так, осетрина – это презентема богатства, рис – в ряде стран, особенно восточных, – презентема бедности, как и сочетания «хлеб да вода», «корочка хлеба». Польским символом бедного стола XIX века считался рацион крестьянина, состоявший из соленой сельди, политой льняным маслом. Здесь, разумеется, очень важны национальная принадлежность или происхождение продукта и трансформация доступности продукта с течением времени: для сегодняшних россиян рис не есть знак бедности; бананы и ананасы, когда-то считавшиеся символом богатства для того же россиянина, сегодня таковыми не считаются.

Важным свойством презентем-идеологем следует признать их семантическую и диахроническую нестабильность: приведем ту же осетрину в качестве примера такой нестабильности. Для дореволюционной России осетр был просто вкусной и доступной рыбой. В сталинскую эпоху он стал деликатесом, в брежневскую же, характеризующуюся халатным отношением к пищевым ре-

сурсам страны, осетрина снова стала вполне доступной, по крайней мере, в Поволжье, где доступ обеспечивался деятельностью браконьеров, пользующихся тем, что власти смотрели на браконьерский отлов сквозь пальцы. Сегодня, после того как указом правительства Российской Федерации от 2000 г. вновь запрещен грабительский отлов осетра, осетрина снова стала экономически труднодоступным для потребителя продуктом. Так знак «кочует» по шкале семантической ценности от доступного до недоступного. Идеологией в качестве семантического свойства, наделяющего знак, пропитаны также презентемы – обобщенные наименования еды как продукта и как процесса потребления. В сообществе, обладающем высокой культурой потребления, невозможны обозначения еды как «жратва», «хавчик», «хавало», свойственные сообществу деклассированному. Точно так же обозначение типа «трапеза» может вызвать презрительное отношение социально деклассированной среды к человеку, употребляющему в ней такое обозначение.

Процесс принятия пищи и локативные обозначения места, где он протекает, столь же разнополярны как с точки зрения социального регистра применения лингвистических знаков, так и эмотивно. Наименования типа «пир», «пиршество», «банкет», «прием», «стол», «столование» (социальные презентемы) свойственны социуму, приобщенному к высокой культуре потребления пищи. В то же время для среды с низким культурным потенциалом вполне приемлемы социальные презентемы – обозначения типа «попойка», «пьянка», «поляна», «сборище» и т.п. Характеризация результата процесса приема пищи столь же ценностно и социально разнополярна, ср.: «пообедали», «наелись», «насытились» и: «нажрались», «нахавались», «упились», «ужрались», «обожрались», «набили пузо».

Эмотивная оярлыченность локации приема пищи так же разнополярна – от достаточно нейтральных смысловых ярлыков типа «(питейное) заведение», «ресторан», «кафе», «столовая», «закусочная» до презрительных «забегаловка», «шинок», «пивнушка», «алкофорум», «хавалка». Среди глюттонических знаков, относящихся к данному классу квалификативов и эмотивов можно выделить также ***презентемы самоидентификации и национальной***

идентификации, в полной мере описываемых пословицей «О нас можно судить по тому, что мы едим» (*англ*. “we are what we eat”). Пища очень часто представляет собой свидетельство национальной самоидентификации и идентификации: англичане ассоциируют себя с ростбифом, бифштексом и пудингом; французы во всем мире именуются «лягушатниками», поскольку лягушки – изысканная, но вполне доступная всем слоям французского общества еда; итальянцы – «макаронниками», ибо макароны – широко известный стереотип всеобщего национального потребления, приписываемый итальянцам. Не случайно Ролан Барт в своей работе о риторике образа вводит понятие «итальянскость» («французскость» и т.п.) еды: глюттонические ассоциации во многом определяют семантико-семиотическую сферу межнациональной коммуникации[1]. Почему русские получили репутацию пьяниц? Прежде всего потому, что за ними закрепился образ потребителя водки. Почему латиноамериканские народы прозваны «самыми горячими ребятами» (“most hot guys”)? Потому, что их типической пищей является острая еда (“hot spiced food”). Отсюда такие эмотивные (презрительные) номинации, как «банановая республика», «страна сыроедов» (Чукотка, Аляска), «свиноеды» (мусульманское отношение к евреям: мусульмане, в отличие от иудеев, считают свинину скоромной едой). Национальная самоидентификация чрезвычайно тесно связана с религиозными стереотипами: «кошерность», т.е. угодность определенной пищи богу, предопределяет как национальное самосознание, так и глюттонический семантический ряд. Важным компонентом самоидентификации, замешанной на религиозных стереотипах, является воздержание от определенных видов пищи в определенный период, религиозно означенный (ср.: важность поста в христианской религии, означающего воздержание от неугодных богу продуктов, что лингвистически представлено лексемами типа «пост», «скоромное»).

К лингвистическим знакам самоидентификации следует также отнести такие религиозные презентемы, которые номинируют религиозные представления о благополучной жизни и празднеств, связанных с обретением этой жизни: у христиан это «яйца» и «пасха» как символы воскрешения Иисуса Христа и продолжения жизни («яйцо» как символ живого и самовоспро-

изводящегося, символ самой жизни; «пасха» как яство, дающее продолжение жизни и одновременно являющееся «телом Христовым», т.е. дарующим вечное спасение); у иудеев – «маца» как символ пропитания, дарованный Моисеем – спасителем евреев; у мусульман – «баранина» как символ процветания и благополучия, одобренный Аллахом; у исповедующих индуизм – «рис» как источник жизни, благословленный самим Буддой.

Среди знаков глюттонической системы важной семантико-семиотической составляющей обладают ***презентемы-эстетивы***. К ним мы относим знаки, определяющие ритуальность принятия пищи; знаки, определяющие образность процесса приема пищи; знаки-бехабитивы, регулирующие (запрещающие / разрешающие) типы поведения во время приема пищи или посещение мест, варьирующихся в зависимости от классовой принадлежности потребителя пищи и прочих социально-фиксированных параметров. К ритуальным презентемам-эстетивам прежде всего должны быть отнесены знаки периодичности приема пищи. Это всем известные квалификаторные номинации типа «завтрак», «ланч», «обед», «ужин». Однако их квалификативно-эмотивная характеризация существенно отличается от обыденной квалификации, как только они переносятся в ритуально обусловленную область коммуникации.

Инструментами квалификативно-эмотивной характеризации выступают, как правило, адъективные или адвербиальные модификаторы/квалификаторы: «легкий завтрак», «праздничный завтрак», «завтрак в честь…», «бизнес-ланч», «торжественный обед», «интимный ужин», «ужин на двоих». Сюда же должны быть отнесены номинации из дипломатического дискурса («прием», «коктейль») или ритуальные собрания интеллектуальной элиты и интеллигенции («среды у Волконских», «декабрьские вечера»). Несколько особняком в этом ряду располагаются такие ритуальные эстетивы, как 1) five o’clock tea (традиционное английское чаепитие, всегда происходящее в одно и то же время – 5 часов вечера) – знак вторичной эмотивности, характеризующий англичан как «пунктуальных зануд», «консервативных» и «чопорных»; 2) «тайная вечеря», религиозный ужин-обряд, эстетически опоэтизированный христианами как последняя трапеза Христа с учениками

перед смертью. Надо сказать, что пища как ритуал (обряд) в глюттонических системах разных народов широко представлена в функции инициации, которая требует особой эстетики.

Презентемы-эстетивы очень плотно смыкаются друг с другом и зачастую выступают в роли особых знаков, обобщенно номинирующих культурные ценности, – ***знаков-культурных доминант***. Клод Леви-Строс использовал понятия еды и процесса ее приготовления в качестве метафоры для обозначения того, как «сырые» образы природы «приготовляются» в культуре так, чтобы их можно было бы использовать в роли символической системы [2]. Пища в состоянии функционировать а) как коммерческая стратегия (бизнес-ланч), б) как социальное событие (пир, праздник), в) как дар (бутылка коньяка и конфеты), и наконец, как г) способ предсказания судьбы (сливовые косточки, китайское печенье с запиской-предсказанием). Рассуждая о культурной принадлежности пищи, можно с уверенностью заявить, что она представляет собой весьма важную сторону культуры потребления. Вкус как метафора играет чрезвычайно активную роль в формировании культурных ценностей – манеры поведения за столом, мода на томаты, высушенные под солнцем, знание того, какое вино следует употреблять в сочетании с определенным блюдом. Произвести неотразимое впечатление изысканной едой гораздо легче, чем сделать это при помощи дорогой одежды, автомобиля или богатого убранства дома (ср. русскую поговорку «Не красна изба углами, а красна пирогами»). Кстати говоря, разнообразные паремии занимают значительное место в метафорическом арсенале глюттонии как аксиологическом феномене: нет такой лингвокультуры в мире, которая не зафиксировала бы пословицы и поговорки, связанные с едой. Только в русском паремиологическом фонде мы насчитали 80!

Типичное потребление пищи американцами привязано к национальному лозунгу «Время – деньги», соответственно культурными параметрами американского питания оказывается быстрота приготовления, минимизация компонентного состава еды, мобильность едока: «хот-дог», гамбургер или багель (крендель) можно купить на любом углу и есть на ходу; утро среднестатистического американца начинается с кружки вчерашнего кофе,

оставленного на ночь и с утра разогретого в микроволновой печи (причем он может быть выпит уже в машине на ходу, по пути на работу). Типичные заведения питания – сетевые закусочные “drive-in” – к ним можно подъехать на машине и, не выходя из нее, получить пищу. Не случайно сами американцы именуют стиль своей жизни как “life on the go” («жизнь на ходу»).

Индустрия американского производства еды инвестирует огромные суммы в изменение образов пищи: самый хрестоматийный пример – изменение образа говядины в глазах ее потребителей. Мясо обрабатывается так, чтобы свести к минимуму напоминание о плоти убитых животных. Так, натуралистически заряженные смыслы англосаксонских слов для номинации прекращения жизни животных (*knackers, slaughterers, shambles* – убойщики) заменены эвфемизмами *abattoir, butcher* – обвальщик мяса, мясник).

Китайская кухня и кухня японцев характеризуются ритуальностью, неторопливостью и сугубой коммуникативностью: здесь угощают не только едой, но и разговорами, подача еды ритуализована до максимума. Важны не только очередность потребления блюд, но и посуда, в которой пища подается, и инструменты питания, которыми пользуются едоки (палочки). Процесс потребления пищи эстетизирован (ср.: «чайная церемония»). Образ дальневосточной пищи трансформирован до неузнаваемости (креветки в японской кухне, нарезанные в форме хризантемы, вьетнамские пирожные «тюнь», в которых нет сахара и делаются они из рыбы).

Сам процесс приготовления чрезвычайно сложен, причем языковые знаки, номинирующие этот процесс, разнообразны и полисемичны. Так, один процесс обжаривания в китайской кухне настолько сложен, что для его номинации существуют целых пять глаголов, обозначающих пять способов обжаривания («цзянь», «чао», «лю», «чжа», «као»). Точно так же для обозначения процесса варки существуют глаголы «чжоу», «чуань», «хоэй», «лу» и «чжан». В то же время в китайском языке отсутствует глагол «томить, поскольку такой способ тепловой обработки совершенно не свойствен китайской кухне, и чтобы выразить такое понятие по-китайски, требуется по крайней мере какая-то объяснительная фраза [5, с. 195].

Как только определенный вид пищи перестает ассоциироваться с бедностью, он может быть опоэтизирован и получить новую – изысканную – ассоциацию, теперь уже с едой модной и для богатых. Он может даже быть объявлен национальным достоянием («обед пахаря» во французском глюттоническом дискурсе или «деревенский хлеб» в русском). В процессе такого переассоциирования название может быть заменено: словечко шотландской деревенщины ‘flan’ для обозначения открытого пирога с сыром вытеснено сегодня изысканным французским ‘quiche’ (пирог). Заурядное кафе становится ‘Ye Olde Tea Shoppe’ («Чайной добрых старых времен»), а дешевый ресторанчик превращается в «carvery» (французское *carverie* – закусочная с живой музыкой в зале).

Массово-информационный дискурс оказывается регулятором взаимодействия национальных культур, распространяя информацию о способах приготовления и манере потребления пищи разными нациями и народностями, формируя при этом предпочтения потребителя и напоминая ему о его национальной принадлежности, тем самым способствуя его национальной самоидентификации. Здесь необходимо сказать о транснациональной тенденции в массовой коммуникации разворачивать вектор внимания к той или иной культуре – в том числе и в области потребления пищи – в связи с социально и политически важными событиями: так, по данным экономического телеагентства “Bloomberg TV”, вступление Китая в ВТО (Всемирную Торговую Организацию) и широкое освещение этого факта в средствах массовой информации резко увеличили посещаемость китайских ресторанов по всему миру; вскользь произнесенное признание Владимира Путина о его приверженности японскому блюду из рыбы «суши» сделало это блюдо самым модным в ресторанах Москвы.

Подведем итоги.

Пища (еда) – есть не что иное, как 1) когнитивная система, представляющая собой конгломерат ценностных и культурных доминант, связанных между собой общей идеей глюттонии, т.е. потребления и поддержания жизни *Homo consummatus* – Человека потребляющего; 2) особая знаковая система, состоящая из достаточно четко иерархизованных знаков, имеющих свою осо-

бую лингвистическую интерпретацию. Лингвистические знаки пищи, ее характеристик и действий / состояний, связанных с ее добычей, приготовлением и потреблением, формируют особую когнитивную и информативно-коммуникативную среду, в которой общение подчинено законам дискурса, точнее – его особой разновидности, которая именуется нами как массово-информационный дискурс.

В рамках массово-информационного дискурса существует особый тип дискурса – гастрономический, цель которого – особый вид коммуникации, именуемой нами глюттонической. Как всякий дискурс, дискурс гастрономический подвержен социальной стратификации, а следовательно, представлен разными речевыми жанрами. Еда (пища) и связанный с ней дискурс представляют собой знаковую систему, в которой сконцентрированы «культурный капитал», национальная самоидентификация, персональная идентификация и субъективное отношение (вкус). Иными словами, исследуемые нами сущности в совокупности представляют собой особый культурный концепт. Лингвистические знаки гастрономического дискурса формируют значимости (значения), складывающиеся в особую семантическую систему, структурируемую в кластеры значимостей, именуемые нами сценариями или фреймами, которые в свою очередь в коммуникативных целях презентации расчленяются человеческим сознанием и хранятся в нем в виде директивных сообщений (рецепты, меню, эстетические образы блюд, правила поведения за столом, ритуалы потребления пищи и т.д.).

Список литературы

1. Барт Р. Риторика образа // В кн.: Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. Пер. с фр. М.: Прогресс, 1989. 560 с.
2. Леви-Стросс Клод. Структурная антропология. М., 1983. 450 с.
3. Линде Г., Кноблох Х. Приятного аппетита. М.: Пищевая промышленность, 1972. 350 с.
4. Олянич А.В. Потребности – дискурс – коммуникация: монография. Волгоград: Волгоградский ГАУ, 2014. 260 с.
5. Похлебкин В.В. Поваренное искусство. М.: Центрполиграф, 2000. 490 с.

Об авторе

Олянич Андрей Владимирович – заведующий кафедрой иностранных языков факультета сервиса и туризма Волгоградского государственного аграрного университета, доктор филологических наук, профессор. Сфера интересов: лингвосе-

миотика, лингвокультурология, дискурсология, концептология, лингвострановедение, лингводидактика. E-mail: aolyanitch@mail.ru

COGNITIVE AND LINGUA-SEMIOTIC SYSTEM OF GLUTTONY: TOWARDS THE DEVELOPMENT OF SIGNS TYPOLOGY IN GASTRONOMY DISCOURSE

A.V. Olyanich

Volgograd State Agricultural University. 400002, Russia, Volgograd, University Avenue 26.

Abstract: *The paper is devoted to the development of cognitive classification and typology of signs in lingua-semiotic gluttony, i.e. the production, processing, consumption and serving food reflected in the different languages and cultures. We study the signs of food, tools, production of food and cooking, signs of circumstances surrounding the consumption of food; investigated are the functions specific to different types of marks allocated in the course of constructing the classification and typology.*

Key words: glyuttonim, discourse, sign instrumentativ, kvalifikativ, limitator, locative, need, semiotics, esthetician

References

1. Bart, R. Ritorika obraza [Rhetoric of Image] // V kn.: Bart R. Izbrannye raboty. Semiotika. Pojetika. Per. s fr. M.: Progress, 1989. 560 s.
2. Levi-Stross, Klod. Strukturnaja antropologija [Structural Anthropology]. M., 1983. 450 s.
3. Linde, G., Knobloh, H. Prijatnogo appetita [Bon Appetit!]. M.: Pishhevaja promyshlennost', 1972. 350 s.
4. Oljanich, A.V. Potrebnosti – diskurs – kommunikacija [Needs – Discourse – Communication]: monografija. Volgograd: Volgogradskij GAU, 2014. 260 s.
5. Pohlebkin, V.V. Povarennoe iskusstvo [The Art of Cooking]. M.: Centrpoligraf, 2000. 490 s.

About the Author

Andrey Vladimirovich Olyanich – Head of the Department of Foreign Languages at the Faculty of service and tourism (Volgograd State Agrarian University), Doctor of Philology, Professor. Interests: lingua-semiotics, cultural linguistics, diskoursology, conceptology, linguistics and area studies, Lingua-didactics. E-mail: aolyanitch@mail.ru

* * *

К ВОПРОСУ ОБ ОТБОРЕ ОНОМАСТИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ ДЛЯ ВКЛЮЧЕНИЯ В УЧЕБНЫЙ СЛОВАРЬ

А.А. Тычинский

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России. 119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76.

В данной статье на примерах англоязычных онимов и, в частности, антропонимов, демонстрируется необходимость более тщательного изучения имен собственных. Доказывается необходимость включения данных единиц в учебные словари в качестве заглавных статей.

Привлекаемый материал показывает, что личные имена обладают свойством фоновых знаний носителей языка и культуры (т.е. являются реалиями языка).

Ключевые слова: ономастика, антропонимы, учебный словарь, фоновые знания, активный словарь учащегося.

При обучении иностранным языкам (в частности английскому языку) большое значение имеет изучение личных имён людей стран, в которых английский язык является родным. Почему? Потому, что ни общие, ни абстрактные, ни собирательные имена, ни нарицательные имена вообще не связаны с особой отраслью лингвистической науки, которая занималась бы изучением лишь одного из данных классов.

Собственные же имена соотносятся с отдельным, достаточно четко отграниченным от других разделом лингвистики – ***ономастикой***. Лишенные самостоятельного значения, имена – призванные называть, но не значить, – могут быть, тем не менее, чрезвычайно значимы. Для окружающих они оказываются значимыми постольку, поскольку отражают определенную традицию наименования, принятую в той или иной социальной среде. Соответственно, имя может выступать и как социальный знак, как социальная характеристика человека [1].

В свое время Л.В. Щерба писал о том, что следует различать грамматику говорящего и грамматику слушающего. Развивая эту мысль, можно сказать, что необходимо различать лексику слушающего/читающего и лексику говорящего/пишущего.

Совершенно ясно, что когда речь идет о чтении английского аутентического текста, который может объединять в себе большое разнообразие функциональных стилей, то его адекватное понимание невозможно без овладения всей спецификой лексики (в том числе и имён собственных) этого языка. Более того, очень часто недостаточно просто понять значение слов и содержание всего предложения. При чтении художественной литературы к этому «горизонтальному контексту» добавляется контекст «вертикальный», т.е. историко-филологический контекст данного произведения и его частей [2].

В понятие вертикального контекста, таким образом, включаются цитаты и аллюзии, деформация цитатной речи, смешение регистров и т.д. Естественно, что в этом случае для понимания текста читатель должен не только обладать известным запасом слов и знанием основ грамматики английского языка, но и владеть определенным историко-филологическим минимумом, необходимым для правильного и полного восприятия текста с его культурно-историческим содержанием, ассоциациями и апперцепциями, которые он вызывает у иностранцев.

В качестве доказательства того, что перевод английских текстов не только на слух, но и визуально, при недостаточно хорошем знании имен собственных, может представлять определенные трудности, рассмотрим следующий пример из классики:

...Farewell, Old Gaunt.
Thou goest to Coventry, there to behold
Our cousin Hereford and fell Mowbray fight.
0, sit my husband's wrongs on Hereford's spear,
That it may enter butcher Mowbray's breast!
(Shakespeare, Richard II. Act 1, Sc. 2)

...Прощай! Увидишь скоро
Ты в Ковентри, как там на поединке
Сойдутся Херифорд и гнусный Маубрей.
О! Пусть несчастье мужа моего
С копьем кузена Херифорда вместе
Убийце Маубрею вонзится в грудь!
(Шекспир, Ричард II. Акт 1, сц. 2. Перев. М. Донского) [3].

Как видим, особенно при восприятии на слух, при переводе данного текста возникают определенные трудности и связаны они как раз с использованием в нем большого количества ономастических единиц, в данном случае (за исключением топонима *Coventry*) антропонимов.

Говоря об антропонимах, необходимо отметить, что они чаще, чем какой-либо другой пласт ономастики используются в сравнениях, метафорах и метонимиях, потому что личные имена обладают свойством фоновых знаний носителей языка и культуры (т.е. являются реалиями языка), обладают особыми типами информации.

Различаются три типа информации имени собственного в целом и антропонима в частности: ***речевая***, ***языковая*** и ***энциклопедическая***. Они лежат в разных планах и существуют независимо друг от друга.

Речевая информация осуществляет связь имени с объектом и выявляет отношение говорящего к объекту. Это – наиболее массовое и наиболее «поверхностное» восприятие информации имени, присутствующее всегда и для всех. Именно в силу своей массовости она весьма неконкретна, объём её может меняться от одного говорящего к другому в зависимости от черт их характера и от экстралингвистических условий речевой ситуации.

Энциклопедическая информация – это комплекс знаний об объекте, доступный каждому члену языкового коллектива, пользующемуся данным антропонимом. Не имея имени, объект не может получить и энциклопедической информации, поскольку она связывается с объектом через посредство имени. В ряде случаев (объекты со всемирной известностью) антропонимы могут выступать даже своеобразными «заместителями» объекта. Энциклопедическая информация антропонима во многом субъективна и индивидуальна, так как не может быть объективной из-за индивидуальности восприятия. Для антропонимов и объектов со всемирной известностью энциклопедическая информация будет значительно однороднее и больше по объёму, чем для антропонимов и объектов с локально ограниченной известностью. Но и в наши дни может встретиться человек, не знающий, кто такие были Napoleon или Washington.

Языковая информация антропонима – наиболее постоянная и неизменяющаяся часть его информации, но чтобы её получить, необходимо детально проанализировать антропоним, что само по себе очень трудно. Ю.А. Карпенко [1] выделяет пять аспектов языковой информации для имен собственных в целом: 1) языковая принадлежность имени или слова, от которого оно образовано; 2) словообразовательная модель имени; 3) этимологический смысл; 4) выбор именно данной (а не другой) производящей основы; 5) локальная обстановка, ситуация в момент создания имени. Последнюю бывает особенно трудно выявить, поскольку ситуация именования быстро забывается.

Приведем примеры из англоязычной литературы: He had a super – brilliant brain and he was funny like *Lenny Bruce*. (Он был необычайно умным и умел рассмешить как Ленни Брюс). I can read the stock – market pages better than *Bernard Baruch*. (*Я* разбираюсь в новостях с биржи лучше, чем Бернард Барух) [4].

В этих примерах антропонимы используются как эталоны каких-то качеств – Б. Барух был известным американским финансистом в XX веке и, несомненно, хорошо разбирался в биржевых делах. Ленни Брюс был одним из выдающихся американских комиков в 1940-1950-х годах. Большинству носителей английского языка эти имена весьма известны, однако для носителей русского языка они не очень хорошо знакомы, что может представлять существенные сложности в понимании вышеуказанных примеров, особенно в том случае, если данные онимы отсутствуют в учебных словарях.

В качестве еще одного примера – всем ли изучающим английский язык студентам понятно выражение *Honest Abe*? Далеко не всем. А между тем это «Одно из наиболее известных и уважительных прозвищ президента А. Линкольна [*Lincoln, Abraham*]. Он также был известен как *Старина Эйб* [*Old Abe*] или *Honest Abe Lincoln*» [6].

При переводе англоязычных текстов не нужно забывать о том, что метафоры с антропонимами часто нарушают логические законы и открывают возможности, невероятные с точки зрения здравого смысла. Например, человек может быть отождествлен сразу с несколькими разными людьми:

From now on, you'll be Florence Nightingale, Sigmund Freud and the best friend he ever had (J. Salinger). – *Отныне вы будете ему Флоренс Найтингейл, Зигмундом Фрейдом и самым близким другом* [4]. Несомненно, для того чтобы понять смысл данного предложения, необходимо знать, кто такие Флоренс Найтингейл и Зигмунд Фрейд. И если с именем основателя теории психоанализа у образованного человека проблем обычно не возникает, то с первым антропонимом (медсестра, ставшая в англоязычных странах символом преданности своему делу) могут возникнуть сложности, что потребует обращения к лексикографическим источникам.

В настоящее время, когда мы все больше обращаем внимание на изучение живого, подлинного человеческого языка в его устной форме в связи с расширяющимися международными контактами, необходимо детально исследовать и определять ***продуктивный*** (или ***активный***) словарь учащегося, то есть тот словарь, которым он пользуется для продуцирования речи. Иначе говоря, наряду с пассивной лексикой он должен иметь активную лексику, которой он мог бы пользоваться для выражения своих мыслей.

По существующей же по сей день традиции большинство двуязычных учебных словарей содержит лишь списки современных географических названий. Собственные имена включаются в словари значительно реже и менее последовательно [5]. На наш взгляд, для перевода иноязычных текстов этого совершенно недостаточно.

Граница между ***активной и пассивной системами лексики*** может проходить даже по таким казалось бы простым словам, как имена собственные, причем, часть имен собственных из различных их подразделов может входить в пассивную лексику, а часть в активную: например, из антропонимов имена, с которыми встречаются поговорки и пословицы, синтагмы, фразеологические выражения, крылатые выражения, апеллятивы, похожие по написанию и звучанию на имена личные и т. п. должны войти в активную лексику и поэтому должны осваиваться обучающими в первую очередь, вследствие чего необходимо их включение в ***заглавные*** статьи учебного словаря.

Список литературы

1. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973.
2. Щерба Л.В. Опыт общей теории лексикографии. В кн.: Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.
3. Шекспир У. Ричард II. Перевод М. Донского. М.: Polio, 2011.
4. Ермолович Д.И. Имена собственные на стыке языков и культур. М.: Р.Валент, 2001.
5. Берков В.П. Двуязычная лексикография. СПб.: Изд-во С.-Петербургского Университета, 1996.
6. <http://slovar-vocab.com/english-russian/american-linguistic-cultural-vocab/honest-abe-1497156.html>.

Об авторе

Тычинский Алексей Анатольевич – к.филол.н., доцент кафедры английского языка № 3 МГИМО (У). Сферы научных интересов: ономастика, учебная лексикография, лингвострановедение. E-mail: tichinsky@yandex.ru

ON THE PROBLEM OF CHOOSING ONOMASTIC UNITS TO INCLUDE IN A LEARNER'S DICTIONARY

A.A. Tichinsky

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *This paper elaborates on the problem of English onyms, and, in particular, anthroponyms. The analysis is focused on the necessity of including proper names having background knowledge in a learner's dictionary.*

The analyzed material demonstrates that clear understanding of such lexical units as onyms is vital in correct translation of English texts into Russian. Therefore, these units deserve being included in learner's dictionaries.

Key words: onomastics, anthroponyms, learner's dictionary, background knowledge, active vocabulary of a student.

References

1. Superanskaya, A.V. Obschaya teorya imeni sobstvennogo. [General theory of proper names]. Moscow: Nauka, 1973.
2. Scherba, L.V. Opyt obschey teorii leksikografii. [On general theory of lexicography]. In the book: Scherba L.V. Yazykovaya sistema i rechevaya deyatelnost [Language system and speech activity]. Leningrad, 1974.
3. Shakespeare, W. Richard II. Translation by M. Donskoy. Moscow: Polio, 2011.
4. Yermolovich, D.I. Imena sobstvennye na styke yazykov i kultur [Proper names at the juncture of languages and cultures]. Moscow: R.Valent, 2001.
5. Berkov, V.P. Dvuyazychnaya leksikografiya [Bilingual lexicography]. SPb., 1996.
6. <http://slovar-vocab.com/english-russian/american-linguistic-cultural-vocab/honest-abe-1497156.html>.

About the author

Alexey A. Tichinsky – PhD, Associate Professor at English Department № 3 MGIMO (U). Research interests: onomastics, educational lexicography, culture – oriented linguistic. E-mail: tichinsky@yandex.ru

АНАЛИЗ СЛОЖНОСТИ ТЕКСТОВ, ПРЕДСТАВЛЕННЫХ В СОЦСЕТИ[1]

М.В. Хитина

Московский государственный лингвистический университет. 119034, Россия, Москва, ул. Остоженка, 38.

В статье рассматривается вопрос о сложности и специфике текстов социальной сети «ВКонтакте». Материалом послужили посты четырех групп с числом участников от 72000 до 240000 человек по выбранным темам (олимпиада, мода, новости, официальное сообщество). После специального преобразования материала были вычислены индексы, позволяющие оценить сложность анализируемых текстов, их удобочитаемость (индексы аналитичности, глагольности, субстантивности, адъективности, местоименности, а также сложности предложений, явлений парцелляции и контаминации). Исследование показало, что проанализированные тексты в соответствии с вычисленными значениями индексов можно отнести к вариантам либо устной, либо письменной речи, что подтверждает двойственный характер текстов социальных сетей (так называемой письменной разговорной речи).

Ключевые слова: социальная сеть, посты, читабельность, формулы читабельности, индексы, письменная разговорная речь

В связи с активным развитием социальных сетей и их значимости в современном обществе, языку, используемому в них, в последнее время уделяется большое внимание. Нас заинтересовала проблема читабельности по отношению к материалу, представленному в русском сегменте Интернета. Понятие читабельности исследовалось давно, и, как отмечает Р.К. Миньяр-Белоручев [5], является «некоторым показателем успешности взаимодействия между читателем» и печатным материалом. Отмечается три аспекта читабельности:

1. разборчивость и четкость печатного текста;
2. степень интереса у читателя по отношению к читаемому тексту;
3. степень трудности понимания данного текста читателем [7, с. 126-128].

[1] В работе были использованы материалы бакалаврской работы Скакуна Д., выполненной под руководством автора статьи.

Среди подходов к изучению читабельности выделяют качественный и количественный [7, с. 127] подходы. Последний связан с разработкой формул читабельности. При этом исследователи подчеркивают, что такие формулы дают только приблизительные результаты, которые, тем не менее, оказываются важными с точки зрения практических разработок.

Изучение сложности текстов, представленных в социальных сетях, представляет интерес и для решения теоретических вопросов, и для практических целей преподавания русского языка.

Проведенный эксперимент предполагал подбор материала (комментариев пользователей социальной сети «ВКонтакте», оставленных в четырех сообществах с большим (N > 50000) числом участников). Причиной выбора конкретных сообществ послужила их популярность и возможность оставлять комментарии к постам, публикуемым администратором группы (так называемым «Интернет-СМИ»). Материалом послужили посты следующих групп:

- «Русский Репортер» (более 72000 человек, 401 пост за рассматриваемый период с 01.02.14 по 10.02.14, тема: «Олимпиада»);
- «Ведомости» (более 110000 человек, 129 постов, тема: «Новости»);
- «Euronews» (более 240000 человек, 116 постов, официальное сообщество для посетителей сайта);
- «Мода и одежда в городе» (более 156000 человек, 318 постов, тема: «Мода»).

Далее, на основе предварительно обработанного материала, были вычислены значения индексов, среди которых: индексы аналитичности, глагольности, субстантивности, адъективности, местоименности, лексического разнообразия. Также были рассмотрены средняя длина сообщения, количество простых и сложных предложений, индекс ошибки. Поскольку в Интернете формируется новый тип общения, который определяется как *легкая социальность* (особая форма отношений между людьми, которая ни к чему не обязывает и не имеет никаких последствий) [8, с. 35], под воздействием разных факторов структура текстов претерпевает изменения, отражающиеся на различных языковых уровнях.

Для проведения эксперимента было взято 964 комментария, содержащих только текст. Посты, содержащие «смайлы», а также изображения, анимацию, видео- и аудиозаписи не рассматрива-

лись. Предварительная обработка текстов, представленных в виде базы данных (БД), предполагала удаление из предложений для облегчения подсчета значений индексов знаков препинания, приведение слов к нижнему регистру, удаление автоматически вставляемых сервисом «ВКонтакте» обращений к собеседнику.

Затем были вычислены соответствующие индексы.

«Индексы, с помощью которых оцениваются выбранные тексты, представляют собой … отношение наблюденного в данном тексте числа каких-либо единиц либо к его объему (длине текста в словоупотреблениях, считая служебные лексические элементы), либо к числу языковых единиц более высокой иерархической ступени» [4, с. 96].

Помимо этого, одним из важных показателей является средняя длина сообщения, так как она, вкупе с соотношением числа простых/сложных предложений, позволяет установить предполагаемую «сложность» сообщения.

Первый индекс вычислялся по формуле:

$$I_{e} = \frac{\Sigma words}{\Sigma errors}$$

Данный индекс орфографических ошибок часто используется для характеристики так называемой «письменной разговорной речи», к которой можно отнести язык социальных сетей. Так как в дискуссии на заданную тему в «открывающем» сообщении принимает большое число пользователей, для текстов с высоким индексом орфографических ошибок можно предположить возможность коммуникативного сбоя. На приведенной ниже диаграмме представлено отношение индексов ошибки соответствующих массивов комментариев.

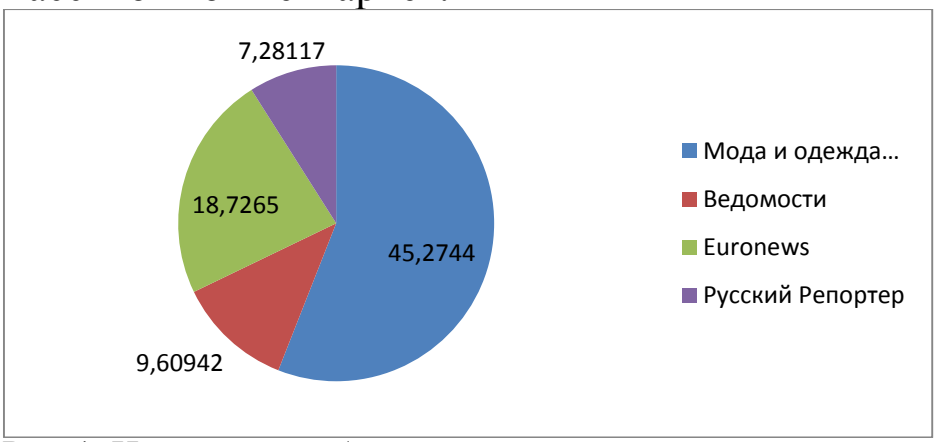

Рис. 1. Индексы ошибок в комментариях различных групп социальной сети «ВКонтакте».

В то же время необходимо отметить, что уже на основе анализа «ошибок», а также подсчета числа англоязычных слов и новых заимствованных слов, можно утверждать следующее:

а) ненормативный вариант языка влияет на его использование;

б) проникновение в речь английского языка осуществляется крайне быстрыми темпами.

Далее была вычислена средняя длина комментария для каждого из выбранных сообществ. Предполагалось, что она напрямую связана с индексом удобочитаемости, который является мерой определения сложности восприятия текста читателем. Индекс удобочитаемости может вычисляться на основе нескольких параметров: длины предложений, слов, удельного количества наиболее частотных (или редких) слов и т.д. В данной работе, учитывая специфику компьютерной коммуникации, рассчитывается средняя длина комментария по следующей формуле:

$$L_m = \frac{\sum messages}{\sum words}$$

В таблице представлены данные для каждого сообщества:

Название	Количество комментариев	Средняя длина комментария
Русский Репортер	431	20.037267
Мода и одежда…	366	4.827869
Ведомости	161	14.976798
Euronews	115	6.965217

Таблица 1. Данные по средней длине комментария и числу комментариев в выбранных сообществах

В ходе дальнейшего эксперимента из общей базы комментариев были случайным образом отобраны 20 (по 5 из каждого сообщества) и для них в совокупности рассчитаны индексы аналитичности, глагольности, субстантивности, адъективности, местоименности и лексического разнообразия. Данное решение было продиктовано тем, что на рынке программного обеспечения отсутствуют приложения, способные осуществлять необходимый морфологический разбор и статистические расчеты.

Ниже приведены индексы и способ их вычисления:

1. *Индекс аналитичности* (*analyticity index*) – отношение числа служебных слов к общему числу слов в тексте;

2. *Индекс глагольности* (*verb index*) – отношение числа глаголов к числу слов в тексте;

3. *Индекс субстантивности* (*substantive index*) – отношение числа существительных к числу слов в тексте;

4. *Индекс адъективности* (*adjective index*) – отношение числа прилагательных к числу слов в тексте;

5. *Индекс местоименности* (*pronoun index*) – отношение числа местоименных слов к числу слов в тексте [6].

Всего слов	Служебные части речи	Глаголы	Существительные	Прилагательные	Местоимения
523	103	78	123	51	37

Таблица 2. Данные представленности различных частей речи в текстах, взятых для исследования

Следует отметить, что 147 слов относились к другим частям речи.

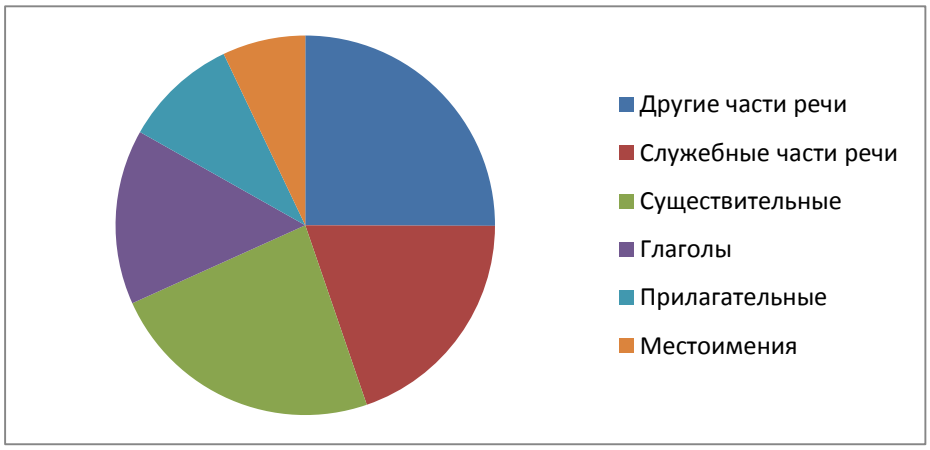

Рис. 2. Распределение слов в отобранных постах с учетом их принадлежности к различным частям речи

Индекс	ИАн	ИГл	ИСуб	ИАд	ИМ
Значение	0,196940	0,149139	0,235181	0,097514	0,070745
в %	19,6	14,9	23,5	9,7	7

Таблица 3. Значения вычисленных индексов

Также в качестве отдельного индекса было выделено отношение простых и сложных предложений, которое составляет 38/12 или 3.16 [6]. Очевидно, что большое число сложных предложений в тексте свидетельствует о его высокой организованности.

Последними данными, полученными в ходе эксперимента, являлся индекс лексического разнообразия. Существует большое количество способов оценки лексического богатства текста: индексы лексического разнообразия (*Type Token Ratio*), индекс Симпсона (D), показатель Юла (K), показатель величины энтропии текста [2] и т.д. Для расчета был выбран индекс Симпсона:

$$I = \sum_{i=1}^{n} \frac{N_i(N_i - 1)}{N(N-1)}$$

Основываясь на полученных в ходе эксперимента данных, можно сделать следующие предварительные выводы:

1. Нельзя дать точный ответ о принадлежности проанализированных текстов к конкретному стилю речи, опираясь только на значение индекса аналитичности, поскольку его значение 0,19 незначительно превышает нижний порог (0,18). «Индивидуальные значения индекса аналитичности для отдельных текстов в русском языке колеблются от 0,18 в официально-деловой речи (жанр устава) до 0,51 в разговорной речи (диалог). В устной речи «абсолютный» показатель индекса аналитичности не опускается ниже 0,29 (монологическая разговорная речь)» [4, с. 109].

2. Значение индекса глагольности позволяет отнести тексты комментариев социальной сети «ВКонтакте» к официально-деловому стилю. На низкое значение данного индекса повлиял тот факт, что к категории глаголов не были отнесены адъективированные и субстантивированные причастия, явно отделившиеся от глагольных парадигм, а также имеющие признаки глаголов предикативы, такие как «важно», «необходимо». А.Ф. Журавлев отмечает, что данные по разговорной речи, полученные им в ходе эксперимента, отличаются от данных, представленных другими исследователями. В них для обиходно-разговорного диалога дается значение индекса 0,13, что дает основание отнести тексты к данному жанру.

3. Высокий индекс субстантивности (0,29) подтверждает тот факт, что тексты представляют собой отрывки диалогической речи.

4. Также в пользу отнесения текстов к устной подготовленной речи говорит значение индекса адъективности (0,09).

5. Как и в случае с индексом аналитичности, индекс местоименности (0,07) выше минимального порога (0,03), но при этом все же целесообразно оценить тексты как варианты письменной речи, официально-делового стиля.

Подобное распределение значений индексов (три для отнесения к устной речи, диалогу и два к письменной, официально-деловому стилю) не свидетельствует об их ошибочности. Подобная двойственность характерна для компьютерной коммуника-

ции и, в частности, для языка социальных сетей. Эта двойственность характерна для письменной разговорной речи – «особой функциональной подсистеме, которая формируется в сфере виртуальной коммуникации» [1]. Помимо этого, значения выбранных индексов подтверждают факт спорности, но разрешимости вопроса о жанровом отнесении подобных текстов, поскольку в совокупности с другими результатами исследования можно выделить особенности их организации.

В области синтаксиса необходимо отметить явление парцелляции, которая в текстах социальных сетей имеет некоторые характерные черты (парцелляция – намеренное расчленение связанного интонационно и на письме текста на несколько пунктуационно самостоятельных).

Стоит отметить, что в формате социальных сетей, показателем синтаксического разрыва являются не только знаки конца предложения, но и «эмотиконы», а также отдельные буквы и цифры. В основном (произвольно или непроизвольно) так выделяют свои сообщения авторы, желая выразить, за неимением других средств, свое эмоциональное состояние.

Более того, если принять во внимание, что в письменной речи парцелляция как литературный прием характерна для экспрессивных стилей и редко встречается в официально-деловом языке [3], не характерным для письменной речи окажется явление, которое часто встречается в текстах социальных сетей – контаминация (использование предложения в качестве члена предложения). Отметим, что большая часть сообщений, в которых оно встречается, содержат обсценную лексику. Оба отмеченных явления свидетельствуют о субъективной направленности рассмотренных текстов.

Таким образом, полученные формальными методами данные подтверждают мнение современных исследователей в области Интернет-лингвистики о том, что язык Интернет-общения обладает специфическими чертами, характерными для «письменной разговорной речи». Результаты исследования будут полезны, в частности, для преподавания русского языка как иностранного, для обучения работе со специфическими разновидностями текстов, которые представлены, в частности, в социальных сетях.

Список литературы

1. Голев Н.Д. Русская письменная разговорная речь и ее отражение в обыденном метаязыковом сознании участников виртуальной коммуникации // Вестник Томского гос. ун-та. – Филология, 2013, №5 (25). с. 12-30.
2. Горошко Е.И. Изучение электронного дискурса в судебном речеведении. <www.textology.ru/article.aspx?aId=44>.
3. Данилевская Н.В., Трошева Т.Б. Стилистические ресурсы синтаксиса, или синтаксическая стилистика // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. Кожиной М.Н. М.: Флинта, Наука, 2003. 340 с.
4. Журавлев А.Ф. Опыт квантитативно-типологического исследования разновидностей устной речи // Разновидности городской устной речи: Сб. науч. трудов. М.: Наука, 1988. с. 84-150.
5. Миньяр-Белоручев Р.К. Теория и методы перевода. М.: Московский Лицей, 1976. 55 с.
6. Рыбанов А.А. Автоматизированное определение квантитативных характеристик текста // Современные научные исследования и инновации, 2014, №2. <http://web.snauka.ru/issues/2014/02/30988>.
7. Смысловое восприятие речевого сообщения. М.: Наука, 1976. 264 с.
8. Wallace P. The psychology of the Internet. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 264 p.

Об авторе

Хитина Марина Викторовна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры прикладной и экспериментальной лингвистики Московского государственного лингвистического университета (МГЛУ). Сфера научных интересов: экспериментальная фонетика, дискурсивный анализ. E-mail: khitina49@mail.ru

COMPLEXITY ANALYSIS FOR TEXTS IN SOCIAL NETWORKS

M.V. Khitina

Moscow State Linguistic University (MGLU), 38 Ostozhenka street, Moscow, 119034, Russia

Abstract: *The paper deals with the complexity and specificity of texts presented in social network "VKontakte". The material studied was posts of four groups with the number of participants from 72,000 to 240,000 persons dedicated to selected topics (the Olympic Games, fashion, news, official community). After a special adaptation of the material indices were calculated to assess the complexity of the analyzed texts, their readability (indices of analyticity, verbality, substantivity, adjectivity, pronominality, as well as the complexity of the sentences and the phenomena of parceling and contamination). The study showed that the texts analyzed in accordance with the calculated values of indices can be attributed to variations of either spoken or written speech, which confirms the dual nature of texts of social networks (the so-called written colloquial speech).*

Key words: social network, posts, readability, readability formulas, indices, written colloquial speech

References

1. Golev N.D. Russkaja pis'mennaja razgovornaja rech' i ee otrazhenie v obydennom metajazykovom soznanii uchastnikov virtual'noj kommunikacii [Russian written informal speech and its reflection in the everyday

metalinguistic consciousness of the virtual communication participants // Vestnik Tomskogo gos. un-ta. – Filologija, 2013, №5 (25). c. 12-30.
2. Goroshko E.I. Izuchenie jelektronnogo diskursa v sudebnom rechevedenii [The study of electronic discourse in legal speechology] <http://www.textology.ru/article.aspx?aId=44>.
3. Danilevskaja N.V., Trosheva T.B. Stilisticheskie resursy sintaksisa, ili sintaksicheskaja stilistika [Stylistic resources of syntax or syntactic stylistics] // Stilisticheskij jenciklopedicheskij slovar' russkogo jazyka / Pod red. Kozhinoj M.N. M.: Flinta, Nauka, 2003. 340 s.
4. Zhuravlev A.F. Opyt kvantitativno-tipologicheskogo issledovanija raznovidnostej ustnoj rechi [The experiment of typological quantitative study of the oral speech variety] // Raznovidnosti gorodskoj ustnoj rechi: Sb. nauch. trudov. M.: Nauka, 1988. s. 84-150.
5. Min'jar-Beloruchev R.K. Teorija i metody perevoda [Theory and methods of translation]. M.: Moskovskij Licej, 1976. 55 s.
6. Rybanov A.A. Avtomatizirovannoe opredelenie kvantitativnyh harakteristik teksta [Automated estimation of quantitative text characteristics] // Sovremennye nauchnye issledovanija i innovacii. 2014, №2. <http://web.snauka.ru/issues/2014/02/30988>.
7. Smyslovoe vosprijatie rechevogo soobshhenija [Semantic perception of a spoken message]. M.: Nauka, 1976. 264 s.
8. Wallace P. The psychology of the Internet. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 264 p.

About the author

Khitina Marina Viktorovna, Doctor of Science (Philology), Associate Professor, Professor of the Applied and Experimental Linguistics Chair, Moscow State Linguistic University. E-mail: khitina49@mail.ru

* * *

Раздел II

ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

МАШИННЫЙ ПЕРЕВОД С РУССКОГО ЯЗЫКА НА ФИНСКИЙ
(на материале технического текста)

О.И. Максименко, Д.С. Чинина

Московский государственный областной университет. 105005, Россия, Москва, ул. Радио 10а.

В статье рассматривается классификация современных систем машинного перевода, возможность и качество перевода технического текста с русского языка на финский средствами системы статистического машинного перевода Google с последующим сравнением машинного и официального ручного перевода одного и того же текста технической инструкции. Анализируются ошибки, возникающие при переводе такого типа. В результате можно сделать вывод, что, несмотря на допущенные ошибки, Google-переводчик неплохо справляется с переводом технических текстов. Некоторые предложения переведены системой машинного перевода близко к тексту ручного перевода, что стало показателем качества работы данной СМП. Стоит отметить системное использование английского языка в качестве языка-посредника, что отражается на генерации финского текста. Также была обнаружена тенденция к копированию синтаксических конструкций языка исходного текста, что говорит о слабой синтаксической базе Google-переводчика и необходимости ее доработки. Тем не менее, система Google-переводчик вполне может использоваться для перевода текстов бытовой техники, не травмоопасной для человека, так как из примеров видно, что система не способна распознать и передать некоторые особенности использования техники, в частности смартфона Nokia Lumia 920.

Тем самым, проведенный анализ подтверждает тезис о том, что главное преимущество машинного перевода состоит в скорости автоматической обработки больших текстовых массивов, и поэтому он оказывается экономически выгоднее перевода вручную.

Ключевые слова: машинный перевод, финский язык, статистические системы, типология ошибок

После Джорджтаунского эксперимента – первого опыта перевода текста с одного естественного языка на другой с помощью ЭВМ – прошло уже шестьдесят лет. За это время отношение к самой идее машинного перевода и к результатам работы систем машинного перевода неоднократно менялось от весьма

оптимистического до практически негативного. Тем не менее, за эти годы выработалось понимание, что машинный перевод неплохо подходит для решения многих задач, важно только понимать, в каких случаях стоит использовать системы машинного перевода (СМП), понимать их возможности и ограничения, принципы работы СМП [6].

Единой общепринятой классификации систем машинного перевода не существует, однако, есть несколько современных типов СМП, признанных большинством специалистов, занимающихся вопросами компьютерной лингвистики. Среди этих типов выделяют несколько наиболее значимых: поскольку все существующие системы используют принцип переводных соответствий, внутри этой группы наиболее существенным является противопоставление трансферных и статистических СМП [Koehnn 2009]. В более широком смысле – это системы, управляемые теорией, часто называемые системами, основанными на правилах (к которым в определенной степени относятся и интерлингвальные системы, т.е. системы, использующие язык-посредник, будь это язык естественный или искусственный), и системы, управляемые данными (представленные статистическими системами и системами, основанными на примерах). Что касается противопоставления двух основных подходов, часто оно выражается именно в сравнении интерлингвальных систем с наиболее популярными коммерческими системами – системами с выраженной фазой трансфера. В последнее время появился термин «гибридный машинный перевод» или «комбинированный машинный перевод» (multi-engine machine translation) для современных СМП, совмещающих различные технологии машинного перевода. В зарубежной лингвистике этот термин означает тип систем МП, в которых наблюдается определенное взаимопроникновение лингвистических описаний в статистическую модель или, наоборот, статистических закономерностей в лингвистическую модель. Системы, основанные на правилах, анализируют текст и строят его перевод на базе встроенных словарей и набора правил для данной языковой пары. В статистических системах применяется принцип статистического анализа: в программу загружаются большие (в миллионы слов) объемы текстов на исходном языке и их переводы,

выполненные человеком. Программа анализирует статистику межъязыковых соответствий, словоупотребления, синтаксических конструкций и т.д., и позже опирается на нее при выборе вариантов перевода – такой процесс называется самообучением. Систему может обучать и человек, проводя постредактирование полученного перевода. Именно так работает широко известный сервис Google-переводчик. Благодаря способности статистических и гибридных систем МП обучаться, накапливая языковые данные, качество перевода у них повышается с каждым переведенным текстом.

До сих пор нередко используют предварительную подготовку текста к переводу – ранее этот процесс назывался предредактированием. Как правило, к текстам, не требующим предредактирования, относятся технические тексты, которые по своей структуре неплохо структурированы, а сам текст избавлен от сложных синтаксических конструкций, стилистически нейтрален, в нем крайне редко встречаются метафорические переносы, лексика по преимуществу терминологическая и не полисемичная и т.п.

Тем не менее, известны три правила, использование которых заметно повышает качество перевода, в частности, с английского языка:

1. Использование глаголов в действительном залоге вместо герундия;
2. Использование активного залога вместо пассивного;
3. Отказ от использования составных предложений и однородных членов.

В идеале каждое предложение должно содержать одну законченную мысль. Именно это правило, в равной степени применимое для всех языков, является самым эффективным из трех.

Как уже упоминалось, одним из популярных переводных сервисов, построенных на статистическом принципе, является Google-переводчик. Этот сервис находится в прямом смысле «под рукой», поскольку доступен любому пользователю Интернета, использующего систему поиска информации Google. Эта СМП интересна еще и тем, что, будучи по сути статистической, она использует язык посредник (английский) в качестве интер-

лингвы или метаязыка, поэтому интересно посмотреть, как данная СМП будет работать при переводе текстов двух типологически разных языков: русского и финского.

В качестве материала для эксперимента были взяты тексты официальных инструкций по эксплуатации смартфона *Nokia Lumia 920* на русском [3] и финском [5] языках, а именно, инструкция по технике безопасности.

Сначала на финский язык была переведена с помощью Google-переводчика официальная инструкция по технике безопасности на русском языке. Полученный перевод сравнивался с имеющимся официальным руководством по эксплуатации (ТОИпЭ) этого смартфона на финском языке.

Русский текст ТОИпЭ:

Техника безопасности

Ознакомьтесь с перечисленными ниже правилами техники безопасности. Нарушение этих правил может быть опасным или незаконным.

ВЫКЛЮЧАЙТЕ В МЕСТАХ, ГДЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЗАПРЕЩЕНО

Выключайте устройство в местах, где его использование запрещено, опасно либо может вызвать помехи, например в самолете, в больницах или рядом с медицинским оборудованием, в местах хранения топлива, химических веществ или взрывоопасных материалов. Следуйте всем инструкциям в местах с ограничениями на использование.

БЕЗОПАСНОСТЬ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ – ПРЕЖДЕ ВСЕГО

Строго соблюдайте местное законодательство. Не держите в руке мобильное устройство за рулем движущегося автомобиля. Помните о том, что безопасность дорожного движения имеет первостепенное значение.

РАДИОПОМЕХИ

Любые беспроводные устройства подвержены воздействию радиопомех, которые могут ухудшить качество связи.

ОБРАЩАЙТЕСЬ ТОЛЬКО К КВАЛИФИЦИРОВАННЫМ СПЕЦИАЛИСТАМ

Работы по настройке и ремонту изделия должны проводить только квалифицированные специалисты.

АККУМУЛЯТОРЫ, ЗАРЯДНЫЕ УСТРОЙСТВА И ДРУГИЕ АКСЕССУАРЫ

Используйте только совместимые аккумуляторы, зарядные устройства и аксессуары, рекомендованные корпорацией Nokia для данного устройства. Зарядные устройства сторонних производителей, которые отвечают требованиям стандарта IEC/EN 62684 и которые можно подсоединить к разъему Micro USB устройства, могут быть совместимы. Не подключайте несовместимые устройства.

ЗАЩИТА УСТРОЙСТВА ОТ ВЛАГИ

Данное устройство не является водонепроницаемым. Оберегайте его от попадания влаги.

СТЕКЛЯННЫЕ ЧАСТИ

Экран устройства изготовлен из стекла. Это стекло может разбиться в случае падения устройства на жесткую поверхность или в результате значительного удара. Если стекло разбилось, не прикасайтесь к стеклянным частям устройства и не пытайтесь извлечь разбитое стекло из устройства. Не пользуйтесь устройством до замены стекла квалифицированным специалистом.

ЗАЩИТА СЛУХА

Длительное прослушивание при максимальной громкости может привести к повреждению слуха. Старайтесь не подносить устройство близко к уху при включенном громкоговорителе.

Перевод с русского на финский язык:

Onnettomuuksien ehkäisy

Lue nämä turvallisuusmääräykset. Ohjeiden vastainen käyttö saattaa olla vaarallista tai lainvastaista.

SULJE WHERE kiellettiin

Sammuta laitteesi kun sen käyttö on kielletty, vaarallista tai voi aiheuttaa häiriöitä, kuten lentokoneissa, sairaaloissa tai lääketieteellisten laitteiden, polttoaineiden varastointi alueilla, kemiallisia tai räjähtäviä aineita. Noudata kaikkia ohjeita rajoitetuilla alueilla käyttää.

LIIKENNETURVALLISUUDEN – ENSIMMÄINEN

Noudata kaikkia paikallisia lakeja. Älä pidä kädessäsi Mobile ajon aikana. Muista, että liikenneturvallisuus on ensiarvoisen tärkeää.

HÄIRIÖT

Langattomat laitteet ovat alttiita häiriöille, jotka voivat vaikuttaa niiden toimintaan.

Koulutetun henkilöstön

Asentaa tai korjata tuotteen saa suorittaa vain ammattitaitoinen henkilökunta.

Akku, laturi ja muut tarvikkeet

Käytä vain yhteensopivia akkuja, latureita ja lisälaitteita, jotka Nokia on hyväksynyt käytettäväksi tämän laitteen kanssa. Laturit ulkopuolisten valmistajien jotka täyttävät standardin IEC/EN 62684 ja jotka voidaan liittää liittimen Micro USB-laitteet voivat olla yhteensopivia. Älä liitä yhteensopimattomia tuotteita.

PIDÄ laite kuivana

Tämä laite ei ole vedenpitävä. Pidä se kuivana.

LASIOSAT

Laitteen näyttö on valmistettu lasista. Lasi voi särkyä, jos laite pudotetaan kovalle pinnalle tai siihen kohdistuu voimakas isku. Jos lasi särkyy, älä koske lasiin laitteen osien tai yritä irrottaa rikkoutunutta lasia laitteesta. Älä käytä laitteen korvata lasin pätevä asentaja.

KUULONSUOJAIMET

Pitkäaikainen kuuntelu suurella äänenvoimakkuudella voi vahingoittaa kuuloa. Yritä olla pidä laitetta korvallasi kaiuttimen.

Финский текст:

Turvallisuus

Lue nämä perusohjeet. Ohjeiden noudattamatta jättäminen saattaa olla vaarallista tai lainvastaista.

SULJE LAITE RAJOITETUILLA ALUEILLA

Katkaise laitteesta virta, kun matkapuhelimen käyttö on kielletty tai se voi aiheuttaa häiriöitä tai vaaratilanteen, esimerkiksi ilmaaluksissa, sairaaloissa sekä lääketieteellisten laitteiden, polttoaineiden, kemikaalien tai räjäytystyömaiden lähellä. Noudata kaikkia ohjeita rajoitetuilla alueilla.

LIIKENNETURVALLISUUS

Noudata kaikkia paikallisia lakeja. Älä koskaan käytä käsiäsi muuhun kuin ajoneuvon hallintaan sitä ajaessasi. Aseta ajaessasi ajoturvallisuus etusijalle.

HÄIRIÖT

Kaikki langattomat laitteet ovat alttiita häiriöille, jotka voivat vaikuttaa laitteiden toimintaan.

VALTUUTETTU HUOLTO

Vain valtuutettu huoltoliike saa asentaa tai korjata tuotteen.

AKUT, LATURIT JA MUUT LISÄLAITTEET

Käytä vain sellaisia akkuja, latureita ja muita lisälaitteita, jotka Nokia on hyväksynyt käytettäväksi tämän laitteen kanssa. Kolmansien osapuolten valmistamat IEC/EN 62684 – standardin mukaiset laturit, joissa on laitteen mikro-USB-porttiin sopiva liitin, voivat olla yhteensopivia. Älä yhdistä yhteensopimattomia tuotteita toisiinsa.

PIDÄ LAITE KUIVANA

Laitteesi ei ole vedenkestävä. Pidä se kuivana.

LASIOSAT

Laitteen näyttö on valmistettu lasista. Lasi voi särkyä, jos laite pudotetaan kovalle pinnalle tai siihen kohdistuu voimakas isku. Jos lasi särkyy, älä kosketa laitteen lasiosia tai yritä irrottaa rikkoutunutta lasia laitteesta. Älä käytä laitetta, ennen kuin valtuutettu huoltoliike on vaihtanut lasin.

KUULON SUOJAAMINEN

Älä kuuntele pitkiä aikoja suurella äänenvoimakkuudella. Näin voit estää mahdolliset kuulovauriot. Noudata varovaisuutta pitäessäsi laitetta lähellä korvaasi kaiuttimen käytön aikana.

Интересно было проследить ошибки, полученные при переводе с помощью СМП в обе стороны, и предложить их вариант анализа. Например:

1 – *Onnettomuuksien ehkäisy*. В отличие от нейтрально окрашенного слова *turvallisuus*, что переводится как «безопасность», предложенный перевод Google-переводчиком выглядит странно. Фраза из официального русского перевода инструкции по эксплуатации смартфона *Lumia 920* компании *Nokia* «Техника безопасности» системой была переведена как «Предохранение от несчастных случаев». Открытым остается выбор столь непрактичной, с точки зрения финского языка, и громоздкой конструкции.

2 – *Ohjeiden vastainen käyttö saattaa olla vaarallista tai lainvastaista. Ohjeiden noudattamatta jättäminen saattaa olla vaarallista tai lainvastaista*. Финский язык – это синтетический язык с явно выраженной агглютинацией. В тексте фраза *noudattamatta jättäminen,* что на русский язык буквально переводится как «без соблюдения оставленное», выражается при помощи глагола *noudatta*, стоящим в III инфинитиве, также известном как *-ma* инфинитив. Показателем III инфинитива является суффикс *-ma*/*-mä*, который прибавляется к сильной основе глагола. После суф-

фикса следует еще падежное окончание. Инфинитив выступает в 5 падежных формах. В вышеприведенном примере после показателя инфинитива идет абессивная форма *-tta*/*-ttä*. Данная форма употребляется для выражения отрицания действия (лишительный падеж, соответствует английскому предлогу ‘without’) и выражает действие, без которого совершается то, что выражено основным глаголом. Соответственно, в русском языке для этого используется аналитический способ при помощи предлога без. Далее с помощью особой продуктивности глагольного суффикса *-minen* образуется отглагольное существительное *jättäminen* со значением оставленное. Буквальный перевод на русский язык в данной ситуации невозможен. По отношению к данной фразе была использована техника адаптивного перевода. Система машинного перевода Google-переводчик не сумела сохранить структуру предложения, свойственную финскому языку [2], и предложила следующий вариант перевода – *vastainen käyttö*, что является не только морфологически неточным, но и семантически неверным, так как слово *vastainen* (*фин*. противоположный, являющийся противоположностью для чего-то) не подходит для данного контекста.

3 – *WHERE*. Система не справилась с одним из заголовков выбранной для перевода инструкции. Очевидно системное описание финского текста с помощью английского языка как метаязыка (языка-посредника). Также, немотивированно использование имперфекта пассива глагола *kieltää* (*фин*. запрещать, запретить, отказывать).

4 – *räjäytystyömaiden* (ТОИпЭ), *räjähtäviä aineita* (МП). Присутствует небольшое расхождение в семантике данных слов, которое вполне может повлечь за собой серьезные последствия. *Räjäytystyömaiden*, в отличие от предложенного системой *räjähtäviä aineita* (*фин*. взрывчатое вещество), переводится как *место хранения взрывчатых веществ*, что увеличивает радиус местности, в которой владелец смартфона *Nokia Lumia 920* обязан держать данное устройство в выключенном состоянии.

5 – не мотивировано использование глагола *käyttää* (*фин*. использовать, применять). Использование в данном случае этого глагола синтаксически не обосновано.

6 – *LIIKENNETURVALLISUUDEN – ENSIMMÄINEN*. Калька из русского ТОИпЭ. Предложенная для перевода фраза *БЕЗОПАСНОСТЬ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ – ПРЕЖДЕ ВСЕГО* была неверно истолкована системой машинного перевода. Очевидно системное описание финского текста с помощью английского языка как языка-посредника. Вероятно, фраза *БЕЗОПАСНОСТЬ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ – ПРЕЖДЕ ВСЕГО* была переведена на английский язык как *ROAD SAFETY – FIRST*, что было подтверждено эмпирически. Соответственно, выявлена природа слова *ENSIMMÄINEN* (*фин*. первый), которое является порядковым числительным, не имеющим схожих семантических свойств с английским словом *FIRST*. Также неочевидно использование формы генетива слова *liikenneturvallisuus – liikenneturvallisuuden* (*фин*. безопасность дорожного движения).

7 – *Mobile*. Очередное подтверждение системного описания финского текста с помощью английского языка как языка-посредника. В финском языке существуют слова для номинации телефона, что не мотивирует использование заимствований из других языков.

8 – *Asentaa tai korjata tuotteen saa suorittaa vain ammattitaitoinen henkilökunta*. Стоит отметить, что структура и длина данного предложения крайне необычны для финского языка. Предложение в финском языке имеет фиксированный порядок слов. Отметим, что по правилам синтаксиса в финском языке прямое дополнение находится после предиката, но не перед ним [2]. В предложении, переведенном Google-переводчиком, наблюдается следующее: прямое дополнение, составное глагольное сказуемое, наречие, определение, подлежащее. Данное предложение было бы грамматически верным, имея следующий вид: наречие, определение, подлежащее, составное глагольное сказуемое, прямое дополнение в форме элатива. Налицо неверный порядок слов и отсутствие падежных окончаний у слов *asentaa* и *korjata*.

9 – *laturi*. СМП не присвоила данному существительному окончание множественного числа, хотя в русском ТОИпЭ словосочетание *ЗАРЯДНЫЕ УСТРОЙСТВА* стоит во множественном числе.

10 – *tarvikkeet*. СМП верно перевела данное слово согласно русскому ТОИпЭ. Однако *tarvikkeet*, что переводится как аксес-

суар, не обладает такой же семантикой, как *laitteet* (*фин*. оборудование). Слову *аксессуар* в Толковом словаре русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой [4] дается такая дефиниция: «*Аксессуар* -а,м. 1. Мелкий предмет, деталь сценической обстановки (спец.). 2. Принадлежность чего-н.; сопутствующий чему-н. предмет. Аксессуары одежды. 3. перен. Частность, подробность, сопровождающая что-н. главное (книжн.). Я прил. аксессуарный, *-ая, -ое*» (2). Слово *оборудование* имеет следующую дефиницию в словаре Ожегова и Шведовой: «*Оборудование* -я, ср. 1. см. оборудовать. 2. собир. Совокупность механизмов, машин, устройств, приборов, необходимых для работы, производства. Новое о. Лабораторное, заводское о» [4]. Соответственно, можно сделать вывод о некачественном русском переводе ТОИпЭ, который не передает смысла, вложенного в финский ТОИпЭ.

11 – *Laturit ulkopuolisten valmistajien jotka täyttävät standardin IEC/EN 62684 ja jotka voidaan liittää liittimen Micro USB-laitteet voivat olla yhteensopivia*. СМП продемонстрировала свое статистическое устройство – словосочетание *laturit ulkopuolisten* (*фин*. неоригинальные зарядные устройства, устройства не фирмы-производителя) используется чаще, нежели чем предложенное *kolmansien osapuolten laturit* (*фин*. зарядное устройство от третьих лиц, стороннее зарядное устройство). В слове *liittimen* используется неверный падеж: вместо иллатива должен стоять генетив – *liittimeen*. Далее СМП не распознало придаточное предложение в русском ТОИпЭ, что привело к грамматически неверному переводу.

12 – *Älä käytä laitteen korvata lasin pätevä asentaja*. Наряду с неправильным порядком слов допущена серьезная грамматическая ошибка – неверный падеж после отрицательного императива.

13 – *Yritä olla pidä laitetta korvallasi kaiuttimen*. Члены данного предложения по всем грамматическим критериям не согласованы между собой, что является большим упущением Google-переводчика.

Таким образом, можно сделать вывод, что, несмотря на допущенные ошибки, СМП Google-переводчик вполне неплохо справляется с переводом технических текстов. Некоторые предложения переведены СМП сообразно ТОИпЭ на языке оригинала, что стало показателем качества работы данной СМП. Стоит отметить системное использование английского языка в

качестве языка-посредника, что отражается на генерации финского текста. Также была обнаружена тенденция к копированию синтаксических конструкций языка исходного текста, что говорит о слабой синтаксической базе Google-переводчика и необходимости ее доработки. Тем не менее, система Google-переводчик вполне может использоваться для перевода текстов бытовой техники, не травмоопасной для человека, так как из приведенных выше примеров видно, что система не способна распознать и передать некоторые особенности использования техники, в частности смартфона *Nokia Lumia 920*.

Тем самым проведенный анализ подтверждает тезис о том, что главное преимущество машинного перевода состоит в скорости автоматической обработки больших текстовых массивов, и поэтому он оказывается экономически выгоднее перевода вручную. Очевидно, что качество машинного перевода еще долго будет уступать человеческому. Однако при помощи компьютерных программ могут переводиться, во-первых, материалы для внутреннего пользования, когда требуется в общих чертах понять содержание сайта, статей или писем на иностранном языке или найти сообщения на ту или иную тему в прессе на нескольких языках мира. Во-вторых, технические и узкоспециальные тексты, которые затем будут редактироваться специалистами по данной тематике – в этом случае машинный перевод используется в качестве подстрочника, на основе которого технический специалист будет создавать итоговый текст, опираясь на свои знания в предметной области.

Существуют материалы, которые не предназначены для машинного перевода в принципе. К ним относятся тексты, где ошибки перевода могут поставить под угрозу здоровье человека, работу сложного прибора или крупный контракт. Любые документы, предполагающие юридическую ответственность (договоры, гарантийные обязательства), требуют участия профессионального переводчика, специализирующегося в данной области. Кроме того, машинный перевод неприменим для лингвокреативных текстов любого характера – рекламы, маркетинговых материалов и, конечно, художественных текстов. Впрочем, идеологи машинного перевода шестьдесят лет назад и не ставили подобную задачу, не стоит она и сейчас. В целом, приемлемого каче-

ства можно ожидать при переводе формализованных технических текстов или текстов с большим числом клише. Как показал эксперимент, следование этим правилам в сочетании с адаптацией системы МП к тематике переводимого текста (подключение соответствующих терминологических словарей) заметно повышает качество получаемого перевода, скорость доработки полученного на выходе текста. Тем не менее, постредактирование – правка машинного перевода редактором, обычно имеющим специальную подготовку и опыт работы с машинными текстами, также улучшает итоговый текст. Отказ от постредактирования оправдан в том случае, когда основной задачей перевода с помощью СМП было получение общего представления о содержании переводимого текста. Как уже указывалось выше, постредактирование неоправданно для любого лингвокреативного текста – по сути, редактор должен будет переосмысливать и создавать полученный текст заново.

Таким образом, работа статистической системы машинного перевода Google-переводчик, подтверждает гипотезу о неплохом качестве перевода внутри пары неблизкородственных языков через язык посредник, в данном случае английский, хорошо структурированных технических текстов.

Список литературы

1. Максименко О.И. Формализованная лингвистика. М.: Изд-во МГОУ, 2013.
2. Порядок слов в простом предложении в эрзянском и финском языках // Мухина Е.Г. <www.dissercat.com/content/poryadok-slov-v-prostom-predlozhenii-v-erzyanskom-i-finskom-yazykakh>.
3. Руководство по эксплуатации Nokia Lumia 920. <www.download.support.nokia.com>.
4. Толковый словарь русского языка // Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. <www.ozhegov.info/slovar>.
5. Käyttöohje Nokia Lumia 920. <www.nds1.nokia.com/phones/files/pdf_guides/devices/Lumia920/Nokia_Lumia_920_UG_fi.pdf>.
6. Koehn Ph., Birch A., Steinberger R. Machine Translation Systems for Europe, Machine Translation Summit XII, 2009. p. 65-72.

Об авторах

Максименко Ольга Ивановна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики Московского государственного областного университета (МГОУ). Сфера научных интересов: компьютерная лингвистика, семиотика, перевод. E-mail: maxbel7@yandex.ru

Чинина Дарья Сергеевна – бакалавр, выпускник кафедры теоретической и прикладной лингвистики МГОУ. E-mail: dariaexplosion@gmail.com

MACHINE TRANSLATION FROM RUSSIAN INTO FINNISH
(on technical text material)

O.I. Maksimenko, D.S. Chinina

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *The article focuses on the classification of modern machine translation systems, opportunity and translation quality of the technical text from Russian to Finnish by means of Google statistical machine translation system with the subsequent comparison of machine translation text and official manual papers. It analyzes errors common to the transfer. As a result, it is concluded that despite errors Google Translate copes well with the translation of technical texts. Some sentences are translated closely to the text of official papers by means of machine translation system, which is a qualitative indicator of SMP's work. It is to be noted that the system uses the English language as an intermediate language that affects the generation of Finnish text. The tendency to copy syntactic constructions of a source language text shows weak syntactic base of Google Translate and puts on a perspective a need of its completion. Thus, Google Translate system can be used for the manual translation of not injury-causing household appliances, due to the system's incapability of marking and transferring usage features of devices, in particular Nokia Lumia 920 smartphone.*

Consequently, the analysis confirms the thesis that the main advantage of machine translation is the speed of automatic processing of big text massifs and therefore it is more economic than hand transferring.

Key words: machine translation, Finnish language, statistical systems, typology of error

References

1. Maksimenko, O.I. Formalizovannaja lingvistika [Formalized linguistics]. M.: Izd-vo MGOU, 2013.
2. Porjadok slov v prostom predlozhenii v jerzjanskom i finskom jazykah [The Word order in a simple sentence in the Erzya and Finnish languages] // Muhina E.G. <www.dissercat.com/content/poryadok-slov-v-prosto m-predlozhenii-v-erzyanskom-i-finskom-yazykakh>.
3. Rukovodstvo po jekspluatacii Nokia Lumia 920 [Operating instructions]. <www.download.support.nokia. com>.
4. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka [The Explanatory Dictionary of the Russian language] // Ozhegov S.I., Shvedova N.Ju. <www.ozhegov.info/slovar>.
5. Käyttöohje Nokia Lumia 920. <www.nds1.nokia.com/phones/files/pdf_guides/devices/Lumia920/Nokia_ Lumia_920_UG_fi.pdf>.
6. Koehn Ph., Birch A., Steinberger R. Machine Translation Systems for Europe, Machine Translation Summit XII, 2009. p. 65-72.

About the authors

Olga Ivanovna Maksimenko, Doctor of Science (Philology), Professor, Professor of the Theoretical and Applied Linguistics Chair, Moscow State Regional University; mathematical and computer linguistics, maxbel7@yandex.ru

Dar'ya Sergeevna Chinina Bachelor, graduate of the Theoretical and Applied Linguistics Chair, Moscow State Regional University, dariaexplosion@gmail.com

* * *

«ПОПРАВЛЯЯ» КЛАССИКА

(о переводе на русский язык рассказа Г. Гарсиа Маркеса «Третье смирение»)

Ю.П. Мурзин

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России. 119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76.

В статье приведен анализ перевода на русский язык рассказа Г. Гарсиа Маркеса «Третье смирение». Автор акцентирует внимание читателя и подробно разбирает неточности и искажения в переводе, аргументируя свою позицию и предлагая правильный вариант прочтения и понимания текста оригинала.

Ключевые слова: колумбийская литература, Г. Гарсиа Маркес, «Третье смирение», рассказ, перевод, искажения в переводе.

Свой дебютный рассказ под названием “La tercera resignación” (в русском переводе «Третье смирение») Габриэль Гарсиа Маркес опубликовал в 1947 году, опровергнув тем самым мнение критики о том, что «молодое поколение колумбийцев не способно выдвинуть собственных писателей» [4, с. 335]. Этот рассказ, как и вся серия первых рассказов, был написан под влиянием Франца Кафки. Г. Гарсиа Маркес соотнес новеллу австрийского писателя «Превращение», в котором главный герой, «проснувшись однажды утром после беспокойного сна, обнаружил, что у себя в постели он превратился в страшное насекомое» [3, с. 104], с теми страшными фольклорными «фантастическими» рассказами, которые приходилось слышать в детстве от своих тетушек и бабушки о том, что в их доме в своих прежних комнатах живут умершие тетя и дядя, которые придут к нему, если он не будет смирно сидеть. И мальчик сидел часами, не шелохнувшись, размышляя о мертвых родственниках, способных являться живым людям [5, с. 418].

Герой рассказа «Третье смирение», напоминающий самого писателя в семи-восьмилетнем возрасте, когда он слушал эти предания, заболел тифом, и врач сказал матери, что просто-напросто наступила «смерть заживо», и о том, что он жив, можно догадаться только по росту, который будет идти обычным порядком.

Поведение действующих лиц в рассказе прозаично, буднично и предельно достоверно, а внимание сосредоточено на мелочах: мать беспокоилась о поддержании чистоты в гробу и в комнате, часто меняла цветы в вазах, открывала форточки, чтобы проветрить комнату, испытывала материнскую гордость, увидев, что сын подрастает, собравшиеся на похоронах повторяют за священником слова молитвы…

Но в сознании героя одновременно происходит и слияние действительного и ирреального: герой «перестал различать, какие события случились на самом деле, а какие ему пригрезились» [2, с. 9]. Таким образом, в художественном мире Г. Гарсиа Маркеса нет ничего невозможного: «жизнь в смерти» и «смерть в смерти» воспринимаются как вполне естественные взаимообратимые метаморфозы – согласно фольклорному жанру сна, изображающему некую внепространственно-временную реальность.

Следует сказать, что события и ощущения, как реальные, так и пригрезившиеся нашему персонажу, переданы так, как будто они происходят на самом деле: шум, звон посуды, слова, которые слышит герой, грусть, страх и боль, которые он испытывает, – это ощущения и эмоции живого, абсолютно «реального» человека.

Однако шум – слуховое ощущение – материализуется, уподобляясь живому существу, в сознании героя: у него возникает желание «схватить, сжать его, швырнуть на пол и яростно топтать до тех пор, пока он уже действительно не сможет пошевелиться; и тогда скажет, что он убил шум, … который теперь валяется на полу, как самая обычная вещь, превратившись в остывшего покойника» [2, с. 7].

Г. Гарсиа Маркес, как и Ф. Кафка, творит мир своего героя из материала, данного ему в его ощущениях, – на основе достоверных, внешне объяснимых и очевидных, но и вместе с тем загадочных и многозначных событий и фактов.

Несмотря на свою необычность, повествование логично и в полной мере раскрывает замысел автора, допускающий глубокое и многоплановое прочтение. Однако некоторые места в русском переводе приходится перечитывать, но не из-за их сложности, а потому, что неясен их смысл, или они порождают ожидания, ко-

торым не находишь подтверждения в тексте. Тогда возникает сомнение относительно адекватности перевода, которое можно развеять или подтвердить, лишь сравнив перевод с оригиналом. Например, в следующем случае: *Когда – **перед тем, как** увидеть труп – понял: это труп – его собственный* [там же, 7].

Если верить переводу, то речь идет о бесспорном наличии способностей медиума у нашего героя, который, прежде чем увидеть что-то, способен понять, чтó это. Обратимся же к оригиналу, в котором читаем: *Cuando – **ante** la vista de un cadáver – se dio cuenta de que era su propio cadáver* [1, с. 9]. Теперь смотрим в толковый словарь.

В толковом словаре испанского языка [6, с. 333] одно из значений предлога *ante* раскрывается через предложное сочетание *a causa de* – вследствие чего-либо; по причине чего-либо. Оно-то нам и нужно. Более того, в словаре [7, с. 190] дается толкование предлога *ante*: *se emplea para expresar la situación que motiva una decisión – употребляется для указания на ситуацию, мотивирующую принятие какого-либо решения*. Подсказку находим и в примерах в «Новом испанско-русском словаре современного употребления» (Lingvo): *ввиду чего; перед лицом чего: me rindo ante esas razones – я уступаю силе этих доводов, ante las dificultades – столкнувшись с трудностями*.

В результате таких «вычислений» нельзя не прийти к заключению, что наш персонаж «понял», «увидев» нечто. Стало быть, обособленное придаточное предложение времени ***перед тем, как увидеть труп*** следует начать так: «увидев труп…» или «при виде трупа…». Переводчик слишком доверился своим знаниям и опыту, забыв обратиться за помощью к словарям, чтобы уточнить значения предлога *ante*: 1) *перед*; *перед лицом, в присутствии* (*кого-либо*); 2) *перед, до, прежде*. Очевидно, что в первом случае данный предлог имеет пространственное значение, а во втором – временнóе. Однако один из словарей Lingvo дает уточнение второго значения, знание которого позволило бы избежать ошибки: (предпочтение) *кому*; *чему*; *прежде кого*; *чего – ante todo; ante todas las cosas – прежде всего*.

Видимо, помня сочетание *tres días antes – тремя днями ранее, три дня тому назад*, переводчик воспринял слово *ante* во

временнóм значении, тем более что в толковом словаре [7] к нему дается ссылка на слово *antes*, но с пометами (*ant.*) *adv.*, указывающими на то, что это значение «устарелое», и слово употребляется как наречие. Таким образом, неверный выбор слова переводчиком привел в данном случае к нарушению семантической эквивалентности между переводом и оригиналом.

По прочтении фразы ***В его воображении, не прикасаясь к нему, прошли, одно за другим, воспоминания*** [2, с. 14] естественно ожидать описание каких-то воспоминаний нашего персонажа. Но ни в переводе, ни в оригинале о воспоминаниях – ни слова, а говорится лишь следующее: *Там, на жесткой подушке, покоилась его голова, слегка повернутая влево. Он представил себе, что его полуоткрытый рот – это узкий берег прохлады, которая заполняла его гортань множеством мелких градин* [Там же].

Судя по переводу, в сознании героя происходит материализация не только слуховых ощущений, но и воспоминаний: по предлагаемой версии воспоминания «не прикасаются» к тому, в чьем сознании они «проходят одно за другим». Стоит сравнить перевод с оригиналом, в котором читаем: ***Imaginariamente, sin tocarse, recorrió uno a uno cada uno de sus miembros***. *Allí, sobre una almohada dura, estaba su cabeza levemente vuelta hacia la izquierda. Imaginó su boca entreabierta por la delgada orilla de frío que le llenaba la garganta de granizo* [1, с. 14]. – ***Не касаясь рукой собственного тела, он мысленно представил себе каждый из своих членов***. *Вот тут, на жесткой подушке, покоилась его голова, чуть повернутая влево. Он представил свой рот, приоткрытый из-за сковавшего его холода, исходящего от кусочков льда, что заполняли его гортань* (Перевод Ю.М.).

Ожидания читателя насчет «воспоминаний» оказываются обманутыми.

Касательно пассажа *…полуоткрытый рот – это узкий берег* ***прохлады, которая заполняла его гортань множеством мелких градин*** стоит сказать, что все в нем связно, согласовано, но нарушен смысл: холоду «дóлжно» исходить от градин, а не наоборот. Что-то помешало переводчику воспользоваться своими фоновыми знаниями.

Характерно, что автор передает восприятие нашим героем самого себя с разных точек зрения – то «изнутри» (*удары сердца, которые мог ощутить только он сам…*), то «извне» (*увидев труп…*), создавая эффект стереоскопичности, о чем свидетельствует следующий пример: *Едва уловимые* ***удары сердца****, которые мог ощутить только он сам, исчезли совсем,* ***заглушаемые ударами пульса. Удары были тяжелые, будто их влекла*** *призывная могучая сила первородной субстанции – земли* [2, с. 13]. Эффект стереоскопичности в переводе сохранен, но как представит себе читатель-материалист, имеющий какие-то знания о функционировании человеческого организма, «удары сердца, заглушаемые ударами пульса»? Ведь кровь от «ударов» сердца протекает по сосудам не равномерным, а пульсирующим потоком, при этом человек, в зависимости от своего состояния, может ощущать пульсации в тех или иных частях своего тела («стучит в висках»). Однако в приведенном примере перевода происходит нечто иное – удары пульса настолько сильны, что заглушают сердцебиение нашего героя – столь мощно их «влечет к себе призывная сила» … Теперь посмотрим в «ответ» нашей задачи-загадки, где, как говорится, черным по белому все изложено предельно ясно: *Los latidos imperceptibles, que sólo él podía percibir, se habían* ***desvanecido ahora de su pulso. Se sentía pesado, atraído*** *por una fuerza reclamadora y potente hacia la primitiva sustancia de la tierra* [1, с. 14] – *Едва уловимые удары сердца, которые мог ощутить только он сам, исчезли совсем.* ***Он чувствовал тяжесть во всем теле****, будто его влекла могучая первородная субстанция самой земли* (Перевод Ю.М.).

Вряд ли можно говорить в этом случае о недостаточном когнитивном опыте переводчика, не воспользовавшегося знаниями об описываемой автором ситуации. Тогда о чем же? Скорее можно говорить о некоем неоправданном «переводческом произволе», вследствие которого появилось нечто, что невозможно соотнести с привычными представлениями. Ведь элементарное сочетание “se sentía pesado” в пословном переводе означает «он чувствовал себя тяжелым». Из этого инвариантного значения и следовало бы исходить при переводе.

Отступления от общепринятых представлений находим в описании не только скрытых от постороннего взгляда явлений,

но и предметов, воспринимаемых зрительно. Так, бросается в глаза «несогласие» между двумя следующими предложениями: *... она с грустью смотрела на* ***сантиметр****. Ее ребенок перестал расти. За последние месяцы его рост не увеличился ни на один* ***дюйм*** [2, с. 13].

Очевидно, что в переводе произошло смешение «французского» с «нижегородским», то бишь десятичной и английской мер длины. Если мы называем мерную ленту «сантиметром», то должны знать, что ею можно измерить только в сантиметрах, но никак не в дюймах. В оригинале, как видим, такого смешения нет: *... la vio mirar con tristeza la* ***cinta métrica****. Su niño no crecía ya más. En los meses pasados no progresó el crecimiento un* ***milímetro*** *siquiera* [1, с. 14]. Оказывается, что ребенок не подрос «ни на миллиметр».

Другой случай расхождения с оригиналом. *Он услышал шум в соседней комнате. Он что, спал? Вся эта жизнь мертвеца была кошмарным сном? Однако звон посуды* ***продолжал слышаться****. Ему сделалось грустно, может быть, даже* ***неприятно от этого шума****. Захотелось, чтобы вся посуда в мире взяла и разбилась там, рядом с ним, чтобы какая-то внешняя причина пробудила то, что его воля была* ***уже бессильна пробудить*** [2, с. 19].

По воле переводчика возникает что-то, что «воля бессильна пробудить». Так что же? Снова нам поможет оригинал: *Pero el ruido de la vajilla* ***no continuó****.* ***Se puso triste y quizá tuvo disgusto por ello****. Hubiera querido que todas las vajillas de la tierra se quebraran de un solo golpe, allí a su lado,* ***para despertar*** *por una causa exterior, ya* ***que su voluntad había fracasado*** [1, с. 19].

Перед нами экстралингвистическая ошибка – недостаток внимания переводчика, в результате чего отрицательная частица *no* почему-то не попала в поле его зрения, подобно тому, как происходит в случае «ошибки наборщика». На самом же деле *звон посуды* ***прекратился****. Ему сделалось грустно и, может быть, даже неприятно от этого* (оттого, что звон посуды прекратился – Ю.М.). Поэтому, логично, что герою *захотелось, чтобы вся посуда в мире разбилась разом там, рядом с ним, чтобы* ***пробудиться*** (ему самому! – Ю.М.) *от какой-то внешней причины – сделать это усилием воли он уже не мог.*

Кроме того, в переводе видим противоречие: с одной стороны, «шум продолжает слышаться» и герою «неприятно от этого шума», а с другой – ему захотелось, чтобы «вся посуда в мире разбилась» … Но тогда шума было бы еще больше, и герою всего лишь было бы еще неприятнее, и только.

Помимо случаев неверного перевода, в русской версии находим и стилистическую погрешность: *Он был уверен: если бы это был сон, его* ***последняя попытка*** *вернуться к реальности* ***не потерпела бы поражения*** [2, с. 20]. Что может «делать» попытка? – попытка может «удаться»/«не удаться», «потерпеть неудачу», «провалиться»/«не провалиться», «оказаться бесплодной, тщетной, успешной/безуспешной, удачной/неудачной». Существительное «поражение» предполагает исполнителя действия и объект, на который оно направлено, и употребляется с глаголами *нанести*, *понести*, *потерпеть* (*поражение*). Соединение двух частей разных сочетаний нисколько не оправдано. Ведь при этом не возникает нового значения, как происходит, когда говорящий пользуется таким приемом для создания комического или иного эффекта.

Подобное нарушение стилистической нормы и узуса русского языка, явление контаминации, нередки в публикациях, не прошедших квалифицированной редакторской или корректорской правки. Так, в интернет-публикациях читаем: «…***потерпела поражение*** *предыдущая* ***попытка*** *создания союза (шести государств – суннитских монархий) Персидского залива, предпринятая в мае 2012 года…*» [10]; *…после избрания Мазепы гетманом Москва сделала первую попытку легально – путем международно-правовой сделки – оспорить государственный суверенитет Украины. Эта* ***попытка потерпела поражение*** *во многом благодаря политике Мазепы в отношении Москвы…* [11].

В оригинале рассказа Маркесом употреблен общеизвестный и совершенно корректный оборот речи: *Estaba seguro de que de haber sido un sueño* ***no habría fallado el último intento*** *de volver a la realidad* [1, с. 19].

Вызывает недоумение следующее предложение: ***Ветер кладбищенских костей, наполненный*** *прахом, проникнет в его кости…* [2, с. 20].

Широко известные допустимые сочетания с существительным «ветер»: «ветер перемен» – о том, что вызывает благоприятные изменения в жизни, деятельности и т.п., «ветер странствий» (тянет, манит, зовет и т.п.) – о том, что влечет в путешествия [9, с. 156], «ветер свободы», «ветер злобы», наконец, показывают, что имя «ветер» употребляется в устойчивых выражениях с существительными в родительном падеже, обозначающими «действие» (перемены, странствия), «состояние» (свобода) или «чувство» (злоба). Сочетание же «ветер» + существительное предметной семантики – «ветер костей» – представляется необычным, противоречащим этой норме.

Восстановить логику снова поможет испытанный «проверочный метод» – обращение к оригиналу, в котором читаем: *El* ***frío*** *lleno de polvo y de huesos del cementerio penetrará hasta sus huesos*... [1, с. 20].

Во-первых, в оригинале находим *frío* – «холод», а не «ветер». Во вторых, эту фразу следует разобрать так: *el frío del cementerio* (дословно: «кладбищенский холод») – группа подлежащего, и *lleno de polvo y de huesos* («полный праха и костей») – группа определения, относящаяся к имени *frío*.

Очевидно, что попытка переводчика выйти из положения при неверном актуальном членении фразы привела к образованию такого языкового «новообразования», как «ветер кладбищенских костей», да еще «наполненного прахом».

Но и при таком подходе подстрочный перевод «кладбищенский холод, полный праха и костей» представляется слабым вариантом.

Возможен следующий ход рассуждений: «холод» исходит «от» или «из» чего-то – от некоего объекта или из пространства или же заполняет пространство («холодная комната»). Исходя из представления о пространстве, подбираем наименование тому месту, где оказывается персонаж: «обитель», «приют», «пристанище». Добавление одного из этих слов представляется вполне обоснованным.

Подобная экспликация позволяет преодолеть различия в ситуативной номинации, поэтому данную фразу оригинала можно перевести следующим образом: «Холод кладбищенской

обители, полной праха и костей, проникнет в его собственные кости и, быть может, приглушит этот запах».

Подводя итоги сказанному, следует отметить, что в рассмотренных случаях неточности и искажения в переводе происходят вовсе не из различий в языковых картинах мира – испанской и русской, а из ошибочного понимания переводчиком отдельных мест текста оригинала. Эти ошибки имеют следующий характер:

а) ошибки, не ведущие к смысловым искажениям или неточностям, но ухудшающие качество перевода, как-то:

– не учёт переводчиком собственных фоновых знаний и когнитивного опыта;

– нарушение стилистической нормы и узуса переводящего языка;

– невнимательность;

б) ошибки, ведущие к нарушению семантической эквивалентности, значительно ухудшающие качество перевода:

– нарушение актуального членения фразы;

– выбор неверного значения слова;

– неверное понимание отрезков текста на уровне синтагмы.

Один из известных афоризмов А.К. Толстого и братьев А. и В. Жемчужниковых (Козьмы Пруткова) гласит: «Зри в корень!». Было бы неплохо, если бы этот же афоризм стал заповедью переводчика, правда, с обязательным добавлением: «…и поглядывай в словарь!».

Список литературы

1. García Márquez G. La tercera resignación. En: Ojos del perro azul. Barcelona: Plaza&Janés, 1978.
2. Гарсиа Маркес Г. Третье смирение / Глаза голубой собаки [сборник; пер. с исп.]. М.: АСТ Астрель: Полиграфиздат, 2012.
3. Кафка Ф. Превращение: Рассказы, афоризмы / Пер. с нем. Апта С. СПб., Азбука-Аттикус, 2012.
4. Кутейщикова В.Н., Осповат Л.С. Новый латиноамериканский роман: 50-70 годы. М.: Советский писатель, 1983.
5. Диалог о романе в Латинской Америке // Гарсиа Маркес Г. Полковнику никто не пишет: Повести, рассказы, эссе / Пер. с исп. М.: Изд-во Эксмо, 2003.
6. Diccionario del español actual. Volumen 1. Madrid: Aguilar, 1999.
7. Diccionario de uso del español. Tomo 1. Madrid: Gredos, 1989.
8. Словари Lingvo. [Электронный ресурс].
9. Словарь современного русского литературного языка. Том 2. М.: Русский язык, 1991.
10. <www.newsru.co.il/mideast/06aug2012/union_a204.html>.
11. <www.welcometomars.ru/chast_1_popytka_getmana_mazepy.html>.

Об авторе

Мурзин Юрий Петрович, к.филол.н., доцент кафедры испанского языка. Специалист в области перевода, когнитивной лингвистики, семантики, лексикологии, фразеологии.

"CORRECTING" THE CLASSIC

(About the Russian Translation of G. Garcia Marquez's novel "The Third Resignation")

Y.P. Murzin

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

The article presents Russian translation analysis of G. Garcia Marquez's novel "The Third Resignation". The author draws the reader's attention on and investigates in detail inaccuracy and distortions in the translation; he gives reasoning for his position and offers the right variant for perusal and understanding the original text.

Key words: Colombian literature; G. Garcia Marquez; "The Third Resignation"; novel; translation; distortions in translation.

About the author

Murzin Yuriy Petrovich, Ph.D. in philology, Associate Professor of the Department of the Spanish language. Fields of research interest: translation, cognitive linguistics, semantics, lexicology and phraseology.

* * *

Раздел III

ИННОВАЦИОННЫЕ МЕТОДИКИ И КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД В ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

РОЛЬ ПРЕДТЕКСТОВЫХ СТРАТЕГИЙ ПРИ ОБУЧЕНИИ АКАДЕМИЧЕСКОМУ ПИСЬМУ

И.Н. Кошелева

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России. 119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76.

В последнее время в преподавании английского языка наблюдается смена отношения к письму, подразумевающая, что оно может выступать целью обучения. Это объясняется тем, что в условиях глобализации английский язык становится lingua franca, посредством которого осуществляется деловая и научная коммуникация. В связи с этим актуальным представляется разработка эффективных методов обучения академическому письму. Более того, письмо занимает промежуточное положение между академическим чтением и выступлениями. Следовательно, написание текстов опирается на уже выработанные умения академического чтения по поиску главной идеи, предоставлению аргументов в ее защиту, разграничению мнения и факта, определению предвзятости автора в том или ином вопросе. Поскольку созданию эссе отводится немалое место в программах по английскому языку на факультете МБДА МГИМО (У), в статье рассматривается письмо как многоэтапный процесс, куда входят предтекстовые стратегии, написание первоначального варианта (черновика), проверка и редактирование. В работе основное внимание уделяется предтекстовым стратегиям (мозговому штурму, объединению идей в группы, составлению ментальных карт, свободному письму, наброску плана по теме, «журналистским вопросам») и описывается попытка апробировать эти приемы со студентами первого курса при написании эссе. В ходе работы было выявлено, что внедрение предтекстовой деятельности улучшает качество студенческих работ. Вне всякого сомнения, вышеперечисленные техники помогают пишущим генерировать идеи, устанавливать связи между ними, находить выразительные языковые средства, наиболее полно освещать тот или иной вопрос с последующим логическим и четким изложением на письме. Таким образом, это предполагает возможность использования предтекстовых стратегий с целью написания грамотного, структурированного и ясного текста.

Ключевые слова: английский для академических целей, академическое письмо, письменный процесс, эссе, предтекстовый этап (стратегии подготовки к письму), мозговой штурм, объединение слов в группы, ментальная карта, свободное письмо, план, «журналистские» вопросы.

Письмо представляет собой один из видов речевой деятельности. Оно многогранно, поскольку требует использования и координации многих когнитивных процессов. При этом задействованы различные анализаторы, такие как двигательный (основной), зрительный, речемоторный, слуховой (второстепенный). По праву *письмо считается сложным речевым умением, позволяющим при помощи системы графических знаков обеспечивать общение людей* [3, с. 162]. Это продуктивный вид деятельности, при котором человек записывает речь для передачи другим. Результатом этой деятельности является речевое произведение или текст, предназначенный для прочтения.

Вследствие того, что письмо является многокомпонентной деятельностью, многие студенты считают задания по написанию текстов или эссе требующими от них достаточных умений и напряжения. Обучить этому – задача преподавателей, которые должны стараться найти наиболее эффективные методы.

В рамках программы по изучению английского языка (в качестве первого или второго иностранного языка) факультета МБДА МГИМО(У) аспект “Writing” преподается, начиная с первого и второго курса соответственно. Это оправдано тем, что письменная форма общения в современном обществе выполняет важную коммуникативную функцию. Поэтому в настоящее время отношение к письму и обучению учащихся умениям выражать свои мысли в письменной форме резко изменилось.

Особенно важен аспект “Writing” для тех студентов МГИМО(У), которые собираются продолжить свою учебу в зарубежных университетах и связать свою карьеру с научными исследованиями. Более того, в современных условиях глобализации английский язык стал *lingua franca* в академических сообществах, посредством которого и передаются научные знания. В связи с этим одним из требований, предъявляемых к будущему специалисту, выступает умение читать специализированную литературу по его (или смежной с ней) специальности и писать эссе, аннотации, рефераты, обзор литературы и другие виды академических текстов на английском языке. Немаловажным моментом в учебной программе по английскому языку факультета МБДА является подготовка к сдаче экзамена IELTS. Наряду с другими ас-

пектами в нем проверяется умение писать эссе. Эссе – это общее название для сочинений различного объема и, как правило, состоящее из пяти абзацев. В отличие от школьного сочинения оно пишется в академическом модуле, что подразумевает использование научного стиля. Излагаемые мысли должны быть сбалансированы, структурированы и логически правильно оформлены.

Академическое письмо составляет неотъемлемую часть английского языка для академических целей. Такой курс «учит генерировать собственные идеи, логически организовывать их, структурировать текст, обосновывать каждую составляющую гипотезы (или аспект) и выстраивать текст связно, ясно и адресно» [1, с. 138]. Именно развитие грамотной письменной речи является залогом успеха в повседневном общении на английском языке, посредством которого осуществляется и деловая, и научная коммуникация всего мира.

Таким образом, для успешного обучения в вузе и дальнейшей научной деятельности студентам необходимы академические навыки и умения, к которым помимо письма относят академическое чтение и академические выступления (речь). Письмо занимает промежуточное положение среди них, то есть обучающимся легче излагать свои мысли, если у них заложена основа работы с текстами, в которых, например, нужно выделить главную идею абзаца, отличить мнение от факта, выявить предвзятость автора и так далее.

Данная статья ставит несколько целей: рассмотреть академический текст (на примерах написания эссе) как процесс, который состоит из нескольких стадий (этапов) и сделать акцент на предтекстовых стратегиях письма, а также описать опыт их использования со студентами первого курса (английский язык как основной) при обсуждении и подготовке к написанию эссе.

Чтобы получить высокую оценку за эссе надо рассматривать его не как одно целостное действие, а как процесс, требующий множества умений. Обучаемые должны понимать тему и быть в состоянии донести до читателя свое восприятие затронутой темы или вопроса в ясной, логичной манере.

Таким образом, в данном процессе можно выделить четыре этапа.

I. ***Предтекстовые стратегии*** представляют собой приемы генерации и структурирования содержательной составляющей письма. Они позволяют оформить свои мысли до написания работы.

II. ***Написание первоначального варианта*** (черновика) включает в себя попытку написания текста с использованием приемов, при помощи которых автор обращается к читателю, а также поддерживающие детали и организацию своих мыслей и идей в логичной форме.

III. ***Проверка*** заключается в прочтении написанного текста и понимании, что он изложен четко, ясно, лаконично и логично. На данном этапе нужно подумать о введении и заключении, дополнить поддерживающие детали по необходимости.

IV. ***Редактирование*** состоит из многих умений по вычитке текста. Здесь нужно проверить правописание, пунктуацию, грамматику, структуру предложений, использование заглавных букв. Также будет полезным, если к процессу редактирования будет подключен рецензент [5].

Многие студенты и некоторые преподаватели сознательно пропускают предтекстовую деятельность при написании эссе, поскольку считают ее обременительной и отнимающей много времени. Однако педагоги, которые так делают, оказывают студентам плохую услугу. Стратегии по подготовке к письму занимают существенную часть в целостном процессе, так как они дают автору возможность начать излагать свои мысли, поставить коммуникативную цель будущего письменного высказывания, сформулировать основные постулаты (идеи), подобрать аргументы в их поддержку [2, с. 195].

Письменная работа – ответственное и требующее немалого времени задание, поскольку на пути к его завершению нужно предпринять много шагов. Последние предполагают поиск источников информации по теме, формулирование целей, планирование письменного процесса, генерирование содержательной стороны текста (эссе), выражение идей на письме и проверку целой работы. Письмо выражается в умении планировать и организовывать четко и последовательно работу своего воображения. Это непростая задача для опытного автора, не говоря уже о тех,

кто мало этим занимался. Соответственно все нуждаются в поддержке со стороны преподавателя, который поможет им стать успешными и более уверенными. Предтекстовые стратегии широко используются в англо-американской традиции преподавания академического письма в качестве средств, облегчающих воспроизводство идей для содержательной части эссе, что позволяет писать более развернутые и структурированные работы.

Чтобы мотивировать студентов на то, чтобы они уделяли должное внимание этому этапу, можно сравнить пропуск предтекстовых стратегий с отправлением в отпуск, но без знания четкого место назначения. Если человек не знает, куда он едет, как он сможет туда добраться?

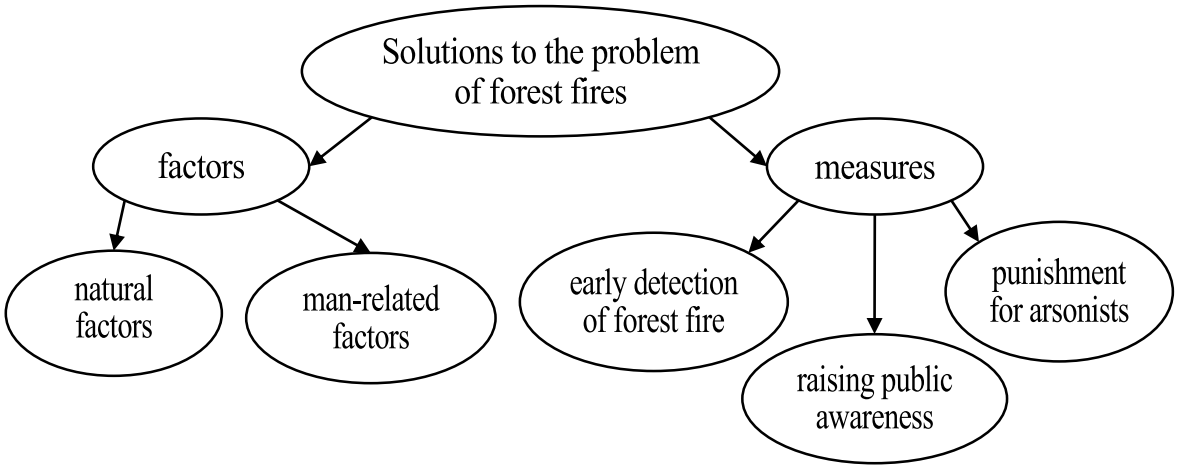
Итак, предтекстовая деятельность выражается во многих формах, поэтому велика вероятность того, что подобные стратегии подойдут любому автору. Так прием ***мозгового штурма*** (brainstorming or listing) – процесс генерирования информации в течение короткого времени, когда все слова, относящиеся к теме, выписываются на листе бумаги. Такая тактика наиболее эффективна, если студенты работают в группе, поскольку это позволяет сгенерировать как можно больше идей по выбранной теме. Поэтому есть смысл выделить время на занятии для такой работы. Очень важно сориентировать обучающихся на то, чтобы они записывали все, что они знают по теме, не беспокоясь о сортировке плохих и хороших идей. Также вопросы правописания и грамматики не имеют значения при мозговом штурме. Так, например, на занятиях со студентами I курса по аспекту “Writing” на материале учебника [4, с. 157] по теме “Solutions to the problem of forest fires” студентами было высказано много идей, оформленных следующим образом: natural factors, man-related factors, being more responsible, smoking, extinguish, safe campfire, lightning, volcano eruptions, carelessness, raise public awareness, forest fire prevention, increase punishment for arsonists, deliberately setting fire to trees, arsons, heavy fines, signs warning of the danger of smoking, special personnel, fire lookouts.

Следующий этап, к которому можно переходить после мозгового штурма – *объединение мыслей* (идей) *в некоторые кла-*

стеры (группы) – *clustering*. Так для вышеупомянутых слов и фраз можно создать следующие группы:

factors	early detection of forest fire	raising public awareness	punishment for arsonists
natural factors	extinguish	being more responsible	increase punishment for arsonists
man-related factors	special personnel	safe campfire	deliberately setting fire to trees
smoking	fire lookouts	forest fire prevention	arsons
lightning		signs warning of the danger of smoking	heavy fines
volcano eruptions			
carelessness			

После объединения слов в группы можно перейти к *выстраиванию логических связей между идеями, то есть построению ментальных карт* (*mapping*). Можно создать радиальную ментальную карту по принципу дерева с ветвями. Ключевые слова помещаются на ветвях, расходящихся от центральной темы. Связи должны быть скорее ассоциативные, нежели иерархические. Ментальная карта может быть и в виде паутины, где в центре будет находиться главная идея, а все остальное – аргументы и логические связи между ними. Таким образом, соединенные между собой идеи по теме “Solutions to the problem of forest fires” выглядят так:

Мозговой штурм, объединение идей в группы и выстраивание логических связей между идеями – полезные графические

средства оформления мыслей до письма. Но некоторым авторам покажутся привлекательными другие техники, позволяющие генерировать не только понятия и идеи, но и целые предложения. Иногда тема бывает настолько интересной, что пишущему нужно записывать поток сознания. В таком случае *свободное письмо* (*freewriting*) представляет неоценимую помощь. Оно подразумевает написание всех мыслей и идей целыми предложениями без логических связей между ними. Такой прием помогает «зацепиться» за уникальные метафоры и фразы, которые приходят в голову. После изложения своих мыслей на бумаге или в электронном виде следует вернуться к написанному и выделить те предложения, которые кажутся наиболее подходящими. Приведем пример свободного письма на тему: Describe the most beautiful place you've seen. "I remember climbing to the top of Smolenskii cathedral in autumn, the leaves of St. Petersburg on fire, like an ocean of gold red leaving me breathless with its depth. Stretching out for miles and miles it was all I could see and suddenly the grime and sorrow of the city was drowned with beauty, God's beauty, God's love for everyone, his artistic touch meant just for me at this moment" [8]. Иногда свободное письмо может иметь такую форму: "I have to write a paper about the environment. I have no idea where to start! I know there are many problems with the environment, but I don't know much about this topic. Maybe I could take a look at my biology book to come up with some ideas. I know my biology professor is also really into the environment, so maybe I could ask for his help. I remember he was talking about hybrid cars in class the other day and how much better those are for the environment. What is a hybrid car? I know it uses some sort of alternative fuel and they are becoming very popular. Maybe that is something I could write about…" [6].

Чтобы организовать идеи, сгенерированные посредством свободного письма, авторы иногда используют *план* (*outlining*). Такая техника является наиболее распространенным методом предтекстовой деятельности. Но, исходя из своего опыта работы со студентами, могу утверждать, что план менее предпочтителен, поскольку есть риск потерять те мысли, которые могли бы пригодиться в конце или середине при имеющейся некой зацикленности на начальных стадиях сочинения. Однако составление плана хо-

рошо подходит для сочинений, выражающих аргументы «за» и «против» какого-либо вопроса. Так, для написания сочинения на тему: “Advantages and disadvantages of fast food” студенты составили такой план:

I. Introduction – state topic (the consumption of fast food has risen dramatically)

II. Advantages (convenient for people with hectic lifestyle, fast, cheap enough for those who wants to save money)

III. Disadvantages (unhealthy, contains lots of fat and salt, can lead to obesity, fast food manufactures may use low-quality ingredients and food additives)

IV. Conclusion (convenient, can be eaten from time to time, but shouldn’t replace traditional ways of eating)

Также существует техника «***журналистских вопросов***» [6]. Известно, что у журналистов есть шесть важных вопросов, на которые им нужно ответить, чтобы изложить факты какого-либо события: *кто*?, *что*?, *когда*?, *где*?, *зачем* (почему)? и *как*?. Ответив на эти вопросы, репортеры могут быть уверены, что они предоставили полную информацию о событии. Эти вопросы могут быть полезны тем авторам, которые описывают произошедшее или пишут информативное эссе, в котором для читателя раскрывается тема в свободной от предубеждения форме [9]. Оно может информировать читающего о продукте, процессе, событии или человеке. В данном случае журналистские вопросы помогают предоставить важные и специфические детали ситуации, события или проблемы. Если человеческое влияние в том или ином вопросе сильно, стоит прибегнуть к тактике журналистских вопросов [7]. Возможны следующие вопросы:

● *Who*? (Who are the participants? Who is affected? Who are the primary actors? Who are the secondary actors?)

● *What*? (What is the topic? What is the significance of the topic? What is the basic problem? What are the issues?)

● *Where*? (Where does the activity take place? Where does the problem or issue have its source? At what place is the cause or effect of the problem most visible?)

● *When*? (When is the issue most apparent? (past? present? future?) When did the issue or problem develop? What historical forces

helped shape the problem or issue and at what point in time will the problem or issue culminate in a crisis? When is action needed to address the issue or problem?)

● *Why* (Why did the issue or problem arise? Why is it (your topic) an issue or problem at all? Why did the issue or problem develop in the way that it did?)

● *How*? (How is the issue or problem significant? How can it be addressed? How does it affect the participants? How can the issue or problem be resolved?)

В заключение можно отметить, что рассмотренные в данной статье предтекстовые стратегии при создании академических текстов, такие как мозговой штурм, объединение идей в группы, ментальные карты, свободное письмо, план и техника «журналистских» вопросов играют важную роль при подготовке к эссе (сочинению). Их не стоит пропускать, поскольку они являются залогом хорошо структурированного и логически верно выстроенного текста. Поначалу у студентов уходит немало времени на обсуждение и организацию предложенных ими же идей, но с практикой это умение формируется и развивается.

Предтекстовая деятельность помогает автору не только формулировать тему и устанавливать связи между понятиями и идеями, но также служит как бы «репетицией» остального процесса. Поскольку пишущий использует вокабуляр, ассоциируемый с определенной темой, то он начинает лучше разбираться в данном вопросе и способен выражать свои мысли более уверенно, четко и ясно. Кроме того, благодаря применению предтекстовых стратегий при написании эссе повышается энтузиазм обучаемых, что положительно влияет на продолжение учебы в университете. Также подготовка к письму посредством вышеуказанных приемов и тактик позволяет формировать академическую грамотность, где существенными являются языковая, культурная и критические составляющие. Таким образом, важно ознакомить студентов с приведенными здесь стратегиями и дать возможность обучаемым применить их при обсуждении и написании тем эссе.

Список литературы

1. Короткина И.Б. Академическое письмо: на пути к концептуальному единству // Высшее образование в России. 2013. №3. с. 136-142.

2. Лытаева М.А., Талалакина Е.В. Academic skills: сущность, модель, практика // Вопросы образования. 2011. №4. с. 178-201.
3. Рогова Г.В. Методика обучения иностранным языкам в средней школе. М.: Просвещение, 1991. 287 с.
4. Evans Virginia, Jenny Dooley Mission: FCE 2: coursebook. Blackpill: Express Publishing, 1998. 188 c.
5. Kelly Melissa The four stages of the writing process. <http://712educators.about.com/od/writinginstruction/tp/The-Four-Stages-of-the-Writing-Process.htm>.
6. Prewriting strategies. <http://faculty.ncwc.edu/lakirby/English%20090/prewriting_strategies.htm>.
7. Prewriting strategies. <http://writing.ku.edu/prewriting-strategies>.
8. Tarasine A. Buck The writing process: an overview. <www.elc.byu.edu/classes/buck/w_garden/ppt/process.ppt>.
9. What is an informative essay. <www.wisegeek.com/what-is-an-informative-essay.htm>.

Об авторе

Кошелева Инна Николаевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры английского языка №4 МГИМО (У) МИД России. Научная специализация – сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание. E-mail: ipozdnysheva@yandex.ru

THE ROLE OF PRE-WRITING STRATEGIES IN TEACHING ACADEMIC WRITING

I.N. Kosheleva

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *The shift in attitude to writing has been observed lately in teaching the English language. This statement implies that writing can be the aim of learning. It is explained by the fact that English is becoming a lingua franca of globalization, the medium of business and scientific communication. Therefore, the development of effective methods of teaching academic writing is timely. Moreover, writing falls in-between academic reading and presentations. In this context, writing texts draws on already mastered academic reading skills such as a search for the main idea, supporting details, differentiating between fact and opinion, detecting an author's bias on the subject. Since writing an essay takes up no small part in the English language curriculums at the faculty of International Business and Business Administration of Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University), in the article writing is seen as a multiple-stage process which comprises pre-writing strategies, writing the first draft, proofreading and editing. In this paper considerable attention is given to pre-writing strategies (brainstorming, clustering, mapping, free writing, outlining, "journalists' questions") and the attempt to pilot these techniques with the first-year students is described. The research revealed that introduction of pre-writing activities improves the quality of students' works.*

No doubt that the techniques mentioned above help students to generate ideas, relate them, find language expressive means, to fully cover any question with the further logical and clear exposition in writing. In this way it suggests the possibility of using pre-writing strategies aimed at writing a mistake-free, well-structured and clear text.

Key words: English for academic purposes, academic writing, writing process, essay, pre-writing strategies, brainstorming, clustering, mapping, free writing, outlining, journalists' questions.

References

1. Korotkina, I.B. Akademicheskoe pis'mo: na puti k kontseptual'nomu edinstvu [Academic writing: on the way to conceptual unity] // Vysshee obrazovanie v Rossii. 2013. №3. s. 136-142.
2. Lytaeva, M.A., Talalakina, E.V. Academic skills: sushchnost', model', praktika [Academic skills: nature, model, practice] // Voprosy obrazovaniia. 2011. №4. s. 178-201.
3. Rogova G.V.Metodika obucheniia inostrannym iazykam v srednei shkole [Methods of foreign languages teaching in secondary school]. M.: Prosveshchenie, 1991. 287 s.
4. Evans Virginia, Jenny Dooley Mission: FCE 2: coursebook. Blackpill: Express Publishing, 1998. 188 c.
5. Kelly Melissa The four stages of the writing process. <http://712educators.about.com/od/writinginstruction/tp/The-Four-Stages-of-the-Writing-Process.htm>.
6. Prewriting strategies. <http://faculty.ncwc.edu/lakirby/English%20090/prewriting_strategies.htm>.
7. Prewriting strategies. <http://writing.ku.edu/prewriting-strategies>.
8. Tarasine A. Buck The writing process: an overview. <www.elc.byu.edu/classes/buck/w_garden/ppt/process.ppt>.
9. What is an informative essay. <www.wisegeek.com/what-is-an-informative-essay.htm>.

About the author

Inna Nikolaevna Kosheleva – PHD in philology, assistant professor of English language Department №4, MGIMO(U). Research interests: comparative linguistics. E-mail: ipozdnysheva@yandex.ru

* * *

ИНТЕРНЕТ КАК ИНФОРМАЦИОННЫЙ, ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ И СРЕДОВОЙ ФЕНОМЕН

Л.К. Раицкая

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России. 119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76.

В статье рассматриваются характеристики Интернета как информационного, образовательного и средового феномена, которые позволяют говорить о появлении нового пространства личности, в котором меняются условия развития, устраняются традиционные барьеры, появляются новые.

Ключевые слова: Интернет, среда, феномен, интернет-технологии.

Тема генезиса и развития Интернета достаточно широко освещена в трудах таких ученых и практиков как М. Кастельса, Дж. Аббейт, Т. Бернерса-Ли, Э. Киселевой, Дж. Джиллиса, Р. Кайло, Дж. Нотона, М. Стефика, И. Туоми и других. В данной статье мы постараемся выделить те черты и особенности нового технологического и социального явления, которые привели к формированию информационно-образовательной среды Интернет.

Интернет представляет собой всемирную открытую сеть, объединяющую взаимосвязанные между собой сотни тысяч компьютерных сетей, передающих данные с использованием интернет-технологий и интернет-протоколов, которые могут быть определены как наборы правил, согласно которым программы, поддерживающие эти протоколы, организуют данные, расположенные в различных странах мира, для обмена между собой.

Интернет был создан как новое средство свободной коммуникации, что во многом определило его характеристики и особенности. Он объединяет академические сообщества, деловые круги, правительства различных уровней, социальные группы, отдельных людей и пр. «Интернет видоизменяет способ нашей коммуникации, наша жизнь оказывается в сильной зависимости от Интернета. Но используя Интернет для своих дел, мы меняем сам Интернет. Возникает новая социально-технологическая структура», – утверждает социолог Мануэль Кастельс [4, с. 14].

Интернет предлагает пользователям самые разнообразные сервисы и технологии, включая электронную почту, веб-чаты, списки рассылки, конференции (группы новостей), электронные библиотеки, многопользовательские миры, веб-форумы, интернет-конференции, видеоконференцсвязь, электронные журналы и другие.

В мире существовало большое количество сетей, но именно Интернет в силу своей открытости, надежности и доступности системы, а также своей способности к саморазвитию и самосовершенствованию, стал по-настоящему глобальной сетью. Она объединяет многомиллионный круг пользователей. Интернет поддерживают ведущие мировые производители компьютеров и программного обеспечения. Интернет ввиду отсутствия жесткой административной системы управления и контроля рос органически. Получая значительные финансовые вливания от правительства США как проект, контролируемый военно-промышленным комплексом США и разрабатываемый американским академическим сообществом в ответ на достижения СССР в освоении космоса, Интернет сочетал в себе независимость и свободу (научного творчества и развития, а также от конкуренции и рынка).

Интернет базируется на трех основных технологических принципах, которые обеспечивают ему живучесть, гибкость и автономию составных частей: децентрализованная сетевая структура; распределенные по всем узлам сети вычислительные ресурсы; резервирование сетевых функций для минимизации риска разрыва связи.

Интернету присущи закономерности, свойственные всем информационным системам. При поиске информации в Интернете действует правило Парето, закон распределения частотности слов в естественном языке Дж.К. Зипфа, закономерность С.К. Брэдфорда, описывающая распределение статей и веб-документов в веб-каталогах и базах данных, закон Г. Мура, который описывает экспоненциальный рост информации, эффект автоматического создания новых документов на базе существующих.

Всемирная паутина также может быть описана с использованием фрактальной геометрии, которая описывает нерегулярные самоподобные математические структуры, получившие

название фракталов (от латинского *fractus* – состоящий из фрагментов).

Важным и основным свойством фракталов является самоподобие. То есть, любая, даже самая незначительная часть целого дает представление о фрактале в целом. Самоподобие информационного пространства выражается в том, что, несмотря на его неконтролируемый рост, оно сохраняет внутреннюю структуру и распределения. Об этом же свидетельствуют упомянутые закономерности, так как любая закономерность подтверждает самоподобие структуры.

С развитием в Интернете начинают проявляться феномены современных информационных потоков. Во-первых, на фоне заметного роста объемов информации все труднее найти полезную для пользователя информацию. Информация становится высоко динамичной, следовательно, информационно-поисковые системы (ИПС) не справляются с эффективным поиском. Возрастает количество информационного мусора, информация становится все менее структурированной.

Релевантная информация все меньше соответствует потребностям пользователей. Значительная часть информации продолжает дублироваться, увеличивая ее общий объем. Социолог Д.В. Иванов утверждает, что «сегодня создается ничуть не больше интеллектуальной продукции, или знания, чем в Античности или Средневековье... Тиражирование (не путать с созданием) интеллектуального продукта, передача сведений о нем посредством телеграфа, радио, телевидения…, а теперь еще и сети Интернет – вот что коренным образом отличает современное общество как информационное» [3, с. 13-14].

Появляются более эффективные службы новостей в Сети, при этом охватывая значительно меньше информационных источников. Шумовая информация растет более быстрыми темпами, чем объем полезной информации.

При этом действуют и силы, структурирующие информацию, в том числе те, которые появились вместе с технологиями Веб 2.0. – коллективное редактирование и проверка информации, новые системы навигации, базирующиеся на фолксономии и другие.

Описывая Интернет как среду, мы исходим из ее понимания в экологической психологии и экзистенциальной психологии (концепция «бытие в мире» – Dasein).

Замена «среды» термином «пространство» в изученных нами контекстах, посвященных проектированию и моделированию информационно-образовательных сред, считаем не всегда правомерным, хотя и понятным. Любая среда проявляется в неком пространстве. Это обуславливает некоторую подмену понятий. Например, В.А. Извозчиков определяет информационно-образовательное пространство как «пространство осуществления личностных изменений людей в образовательных целях на основе использования информационных технологий, пространство формирования личности, освоившей информационную картину мира» [7, с. 12]. В данном случае пространство становится именно средой личностных изменений. Аналогично определение В.А. Козырева, который считает, что «образовательная среда – это образовательное пространство, представляющее собой набор, определенным образом связанных между собой условий, которые могут оказывать влияние на образование человека» [5, с. 15-26]. Образовательное пространство по этому определению не включает обучаемого. Следовательно, возникает закономерный вопрос, как могут существовать условия деятельности без деятельности и, тем более, без субъекта деятельности. Даже гипотетическое моделирование таких условий включает субъекта и его деятельность.

Мы исходим из того, что пространство проявляет себя средой *исключительно* во взаимодействии с субъектом. Спорным является и утверждение о том, что среда всегда является частью пространства. Средой может стать все пространство или его часть в зависимости от масштабов взаимодействия субъекта с этим пространством или его частью.

Во второй половине прошлого века возникло направление в психологии, получившее название психологии среды, или экологической психологии. И.А. Баева пишет: «Среда (в экологической психологии) рассматривается как комплекс условий, внешних сил и стимулов, воздействующих на человека» [1, с. 6]. В этой же области разрабатывается важная для педагогики сфера – «образовательная среда».

В последние годы понятие «образовательная среда» используется также часто, как и сопряженные с ней понятия – «педагогическая система» и «система образования», составной частью которых выступает образовательная среда. Термин «среда» в отличие от «системы» подчеркивает значимость субъекта и его деятельности, взаимодействие с системой, которая проявляет себя как среда по отношению к субъекту.

Понятие «образовательная среда» имеет большое количество взаимодополняющих дефиниций. Наиболее близкими и основополагающими для данного исследования являются определения С.Д. Дерябо, В.П. Лебедевой, В.А. Орлова и В.И. Панова, В.А. Ясвина, которые, по сути, развивают учение Л.С. Выготского о среде как источнике развития личности.

В.А. Ясвин, одним из первых всесторонне исследовавший образовательную среду, считает, что «под образовательной средой (или средой образования) мы будем понимать систему влияний и условий формирования личности по заданному образцу, а также возможностей для ее развития, содержащихся в социальном и пространственно-предметном окружении» [8, с. 14].

В.А. Ясвин подробно анализирует исторически существовавшие типы образовательных сред (по Я. Корчаку, догматическая воспитывающая среда, идейная воспитывающая среда, среда безмятежного потребления, среда внешнего лоска и карьеры), а также рассматривает методику векторного моделирования образовательной среды.

Методика векторного моделирования, разработанная В.А. Ясвиным, базируется на определении соотношений параметров среды по двум осям: «свобода – зависимость» и «активность – пассивность» и позволяет проводить сравнение существующих и проектируемых моделей сред [8, с. 36-48].

В.П. Лебедева, В.А. Орлов и В.И. Панов определили образовательную среду как «систему образовательных условий, которые необходимы для практической реализации данной образовательной технологии и миссии данного образовательного учреждения, включая пространственно-предметные условия, систему межличностных (социально-психологических) взаимоотношений между субъектами учебно-воспитательного процесса и

пространство разнообразных видов деятельности, необходимых для социализации обучающихся в соответствии с возрастными особенностями развития и индивидуальными интересами обучающихся» [6, с. 97].

Развитие образовательных сред, как и образования, до некоторой степени шло параллельно развитию информационных сред, а последние тесно связаны с развитием культуры вообще и, следовательно, цивилизации.

Если не рассматривать информацию и информационные среды исключительно с позиций информатики, то информационные среды начали появляться одновременно с развитием систем хранения и обработки информации, то есть с появлением речи, а более активно с возникновением письменной речи. Хранение информации в артефактах и передаваемых устно мифах и легендах не позволяет говорить о возникновении устойчивых информационных сред, характеризующихся системностью. Среда таких типов в силу нестабильности и несистемности не была жизнеспособной, существовала циклично. Такая социальная информационная среда не была авторепродуктивной в полной мере (по определению С.И. Валянского, скорость создания такой среды была ниже скорости «мутации» информации [2, с. 8]). Свойства систем, классифицируемые по самым разным признакам и критериям (таким как функциональные, структурные, связанные с взаимодействием со средой и прочими), могли периодически проявляться на ранних стадиях развития информационных сред, но не в полном объеме и не устойчиво, что позволяет говорить об отдельных проявлениях системности.

Основными свойствами информационных сред как открытых систем на протяжении их развития можно считать следующие: адаптивность, интегративность, самоорганизацию, развитие, преемственность развития, структурность, целостность, неаддитивность, синергичность, эмержетность, мультипликативность, самоподобие части и целого.

Образовательная среда не существует вне информационных сред, поскольку передача информации/знания и получение информации и преобразование ее в знание является одной из характеристик образования вообще и образовательной среды, в

частности. По определению С.И. Валянского, «образование – социальный институт сохранения и трансляции информации в социальных системах» [2, с. 6].

Список литературы

1. Баева И.А. Психологическая безопасность образовательной среды: теоретические основы и технологии создания: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. д.психол.н.: Спец. 19.00.07; [Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена]. СПб., 2002.
2. Валянский С.И. Теория информации и образование. Условия выживания России. М.: Аиро-XX; Крафт+, 2005.
3. Иванов Д.В. Виртуализация общества. Версия 2.0. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2002.
4. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург: У-Фактория (при участии изд-ва Гуманитарного ун-та), 2004.
5. Козырев В.А. Построение модели гуманитарной образовательной среды // Педагог. 1999. №7. с. 15-26.
6. Панов В.И. Психодидактика образовательных систем: теория и практика. СПб.: Питер, 2007.
7. Педагогические информационные технологии и картина мира в непрерывном образовании (Информационный аспект): Учебное пособие / Под общей ред. Извозчикова В.А. СПб.: Образование, 1997.
8. Ясвин В.А. Образовательная среда: от моделирования к проектированию. М.: Смысл, 2001.

Об авторе

Раицкая Лилия Климентовна – к.пед.н., к.экон.н., доцент, заведующая кафедрой английского языка № 5 МГИМО (У). Сферы научных интересов: гуманитарные исследования в Интернете, экологическая психология, психология личности, психология развития, акмеология и психология профессиональной деятельности, дифференциальная психология, психодидактика, дидактика высшей школы, электронное образование, корпусная лингвистика, библиографические и наукометрические аспекты деятельности вузов. E-mail: lurania@mail.ru.

INTERNET AS AN INFORMATION, EDUCATIONAL AND ENVIRONMENTAL PHENOMENON

L.K. Raitskaya

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *The article considers the key features of the Internet as an information, educational and environmental phenomenon that allow to state the emergence of a new space for personality where conditions are changing, traditional barriers are eliminated with the new ones appearing.*

Key words: Internet, environment, phenomenon, Internet technologies.

References

1. Baeva I.A. Psihologicheskaja bezopasnost' obrazovatel'noj sredy: teoreticheskie osnovy i tehnologii sozdanija: Avtoref. dis. na soisk. uchen. step. d.psihol.n.: Spec. 19.00.07; [Ros. gos. ped. un-t im. A.I. Gercena]. SPb., 2002.
2. Valjanskij S.I. Teorija informacii i obrazovanie. Uslovija vyzhivanija Rossii. M.: Airo-XX; Kraft+, 2005.
3. Ivanov D.V. Virtualizacija obshhestva. Versija 2.0. SPb.: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2002.
4. Kastel's M. Galaktika Internet: Razmyshlenija ob Internete, biznese i obshhestve. Ekaterinburg: U-Faktorija (pri uchastii izd-va Gumanitarnogo un-ta), 2004.
5. Kozyrev V.A. Postroenie modeli gumanitarnoj obrazovatel'noj sredy // Pedagog. 1999. № 7. s. 15-26.
6. Panov V.I. Psihodidaktika obrazovatel'nyh sistem: teorija i praktika. SPb.: Piter, 2007.
7. Pedagogicheskie informacionnye tehnologii i kartina mira v nepreryvnom obrazovanii (Informacionnyj aspekt): Uchebnoe posobie / Pod obshhej red. Izvozchikova V.A. SPb.: Obrazovanie, 1997.
8. Jasvin V.A. Obrazovatel'naja sreda: ot modelirovanija k proektirovaniju. M.: Smysl, 2001.

About the author

Lilia K. Raitskaya – PhD in Pedagogy, PhD in Economics, Assistant professor, Chair of English Department № 5 at MGIMO (U). Research interests: humanitarian research in Internet, ecological psychology, personality psychology, development psychology, ackmeology and professional activity psychology, differential psychology, psychodidactics, high school didactics, e-education. E-mail: lurania@mail.ru.

* * *

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «СПОРТ»

А.К. Федосова

Московский государственный областной университет. 105005, Россия, Москва, ул. Радио, 10а.

В статье рассматривается проблема формирования семантического поля «Спорт» у детей среднего школьного возраста. С этой целью был проведен эксперимент со школьниками 12-13 лет, который позволяют сделать вывод о том, что у школьников этого возраста сложилось семантическое поле, в центре которого находятся традиционные виды спорта (волейбол, дайвинг, баскетбол), одинаково хорошо представлены новейшие виды спорта и спортивные игры, появившиеся сравнительно недавно (керлинг, стритрейсинг, йо-йо), старинные виды игр (лапта, городки, крокет) и в меньшей степени так называемые «дворовые игры» (резиночки, выше ножки от земли, ножки, жмурки). Это объясняется тем, что традиционные виды спорта чаще всего изучаются в школах на уроках физической культуры, а новейшим видам спорта большое внимание уделяется в СМИ. Старинные виды спорта достаточно часто представлены в школьных учебниках иностранного языка, а «дворовые игры» утратили свою силу из-за пришедших им на смену компьютерных игр.

Ключевые слова: эксперимент, семантическая категория, семантические поля

Семантика слов в разных языках может быть в значительной степени сведена к различным совокупностям одних и тех же или сходных семантических признаков. Поля в семантике, в конечном счете, также организованы на основе сходств и различий не слов, а семантических признаков, поэтому одно и то же слово может входить (по разным признакам) в несколько семантических полей. В нашей работе, мы подробнее остановимся на семантических полях. Рассмотрим типы семантических полей.

1. Поля Покровского [5] – выделяются на основании совместного применения трех критериев: а) тематической группы (слова относятся к одному и тому же кругу представлений); б) синонимии; в) морфологических связей – группировки по принципу названий деятельности, орудий, способов деятельности и т.д.

(слова сгруппированы так, что имеют общие показатели в своей форме – суффиксы и пр. или выражают более сложные отношения, например, отглагольные имена существительные и глаголы).

2. Поля Й. Трира [7] разделяются на лексические и понятийные. Понятийное поле – это обширная система взаимосвязанных понятий, организованных вокруг центрального понятия, например: «ум, разум». Лексическое поле образовано каким-либо одним словом и его «семьей слов». Определенное лексическое поле покрывает только часть понятийного поля, другая часть покрыта другим лексическим полем и т.д. Понятийное поле оказывается по форме выражения составленным подобно мозаике. Трир делит весь словарь на поля высшего ранга, затем расчленяет их на поля более низкого ранга, пока не доходит до отдельных слов. Слово играет в его системе подчиненную роль. Введенные принципы Трир подчеркнуто противопоставлял изучению лексики в связи с предметами материального мира. Эта концепция подвергалась резкой критике исследователей разных направлений. Названный принцип полей сохраняет определенное значение при изучении явлений духовной культуры и их выражений в языке.

3. Поля Порцига [8] – «элементарные семантические поля», ядром которых является либо глагол, либо прилагательное, так как они могут быть сказуемым, «выполнять предикативную функцию». Слово «схватить» обязательно предполагает в наличии в языке слова «рука». Но обратное отношение места не имеет. С помощью метода полей Порцига изучается семантическая сочетаемость слова (например, данного существительного со всеми глаголами и прилагательными).

4. Поля ассоциативного типа. Этот тип мы рассмотрим подробнее. Ассоциативные поля представляют собой типы полей, исследуемые в рамках психолингвистики и психологии, для которых характерно объединение вокруг слова-стимула определенных групп слов-ассоциатов.

У представителей разных культур ассоциации на одно и то же слово могут быть не одинаковыми, так как за словами стоят понятия, в которых заключается жизненный опыт людей.

Ассоциативный ряд слов (ассоциативные поля) объединяет в себе преимущества жесткого определения положения в ряду и

возможности образования ассоциации. Слова, выбранные для приведенного ассоциативного поля, очень богаты ассоциативными возможностями.

Для выявления и описания семантических полей нередко используются методы компонентного анализа и ассоциативного эксперимента. Группы слов, полученные в результате ассоциативного эксперимента, носят название ассоциативных полей.

Сам термин *семантическое поле* в настоящее время все чаще заменяется более узкими лингвистическими терминами: лексическое поле, синонимический ряд, лексико-семантическое поле и т.п. Каждый из этих терминов более четко задает тип языковых единиц, входящих в поле и/или тип связи между ними. Тем не менее, во многих работах как выражение *семантическое поле*, так и более специализированные обозначения употребляются как терминологические синонимы.

В нашем эксперименте приняло участие 38 детей в возрасте 12-13 лет, ученики общеобразовательной школы г. Москвы. Испытуемым были предложены анкеты с 26 словами по теме «Спорт и спортивные игры». Слова включали в себя как старинные виды спортивных игр (например, лапта, городки), так и такие, которые появились совсем недавно (слэклайн, паркур), в большей или меньшей степени известные в нашей стране (рафтинг, волейбол).

Задачей испытуемых было дать определение данным словам. В инструкции особо подчеркивалось, что в этом эксперименте нет правильных или неправильных решений. В том случае, если испытуемый не знал того или иного слова, предлагалось высказать свое предположение о том, что это за игра или вид спорта. Всего было получено 988 ответов.

Для выполнения задач нашего исследования было проведено сопоставление полученных ответов со словарными определениями выбранных слов, взятых из следующих словарей: Терминология спорта. Толковый словарь спортивных терминов [6], Энциклопедический справочник «Спортивные игры» [3], Словарь иностранных слов [4], Толковый словарь Ефремовой [1].

Рассмотрим полученные результаты.

ДАЙВИНГ – «Разновидность спортивного или туристического подводного плавания с аквалангом, маской и ластами, а также с другим специальным снаряжением».

Большинство испытуемых (68%) знали, что это за вид спорта, поэтому дали соответствующие ответы. Например, *дайвинг – это вид спорта, в котором люди погружаются под воду с аквалангом, это погружение под воду в специальном костюме и со специальным оборудованием, люди погружаются на дно моря с маской и смотрят рыб, те, кто занимаются дайвингом, изучают глубины океана*. В том случае, если испытуемые не знали этой игры, они, в соответствии с инструкцией, давали свои ответы. Например, *люди катаются по воде на доске, море, водный мотоцикл, игра на скорость* (21%). 11% испытуемых не дали ответа.

БЕЙСДЖАМПИНГ – «экстремальный вид спорта, в котором используется специальный парашют для прыжков со зданий и других стационарных объектов», «Прыжки с парашютом со скал как вид спорта».

Как показали результаты, большинство испытуемых не знает, что это за вид спорта, но абсолютное большинство поняли, что это прыжки (от англ. Jump – прыгать). 5% опрошенных дали верные ответы. Например, *бейсджампинг – это прыганье с парашютом, прыганье со скал*. 26% испытуемых не дали ответа. 61% школьников в соответствии с инструкцией дали собственный вариант. Например, *бейсджампинг – это вид спорта, где выполняют трюки с прыжками, это игра, кто дальше прыгнет, люди надевают специальную обувь и прыгают высоко, это спорт, где надо цепляться за веревку и плыть как можно дальше на специальном коврике*.

ГОРОДКИ – «Старинная русская игра – соревнование двух соперников или двух команд по выбиванию битами городошных фигур, построенных на специальной площадке».

48% опрошенных школьников в возрасте 12-13 лет не знали, что это за игра, поэтому в соответствии с инструкцией дали свои ответы, в данном случае превалировали фонетические ассоциации. Например, *городки – это игра в города, города, но маленькие*. 39% испытуемых хорошо знают эту игру, потому и дали соответствующие ответы. Например, *городки – игра, где надо палкой сбить постройку, составляют домик (даже была дана иллюстрация) из брусков (палочек) и кидают в него палкой длинной так, чтобы все бруски разлетелись*. 13% опрошенных не дали ответа.

КЕРЛИНГ – «Спортивная игра на льду, в которой две команды, состоящие из четырех человек, соревнуются в точности попадания в заветный круг (дом) специальных спортивных снарядов, изготовленных из гранита и называемых камнями. При розыгрыше камня один из игроков команды отталкивается от стартовой колодки и после небольшого скольжения от стартовой отметки пускает камень вперед. При этом игрок старается так рассчитать усилие, чтобы камень, достигнув зачетной зоны на противоположной стороне площадки, остановился в необходимой точке или подтолкнул другой камень, или выбил последний за пределы площадки (в зависимости от задуманной игровой комбинации). Каждый спортсмен выполняет две попытки. Победителем считается команда, набравшая большую сумму очков. Игра состоит из 10 отдельных частей, называемых «эндами». Партнерам по команде разрешается натирать лед специальными щетками или метелками по ходу движения камня, что позволяет частично корректировать дальность пуска камня и траекторию его движения».

Большинство испытуемых (42%) знают этот вид спорта, поэтому дали верные ответы. Например, *керлинг – это вид спорта, где толкают снаряд по льду и нужно попасть как можно ближе к центру, это игра на льду, где сила трения помогает увеличиться скорости специального шара, люди кидают камушки на ледяную дорожку, а тёти трут дорожку перед камнями, игра, где ты должен гирей выбить гирю противника на льду и набрать как можно больше очков, попадая в круг*. 29% опрошенных, в соответствии с инструкцией, дали свои варианты ответов. Например, *керлинг – это игра в мяч в кольцо, игра с кеглями, это вид спорта на меткость, там нужно стрелять*. 29% испытуемых не дали ответа.

ВОЛЕЙБОЛ – «Командная спортивная игра с мячом на площадке 9х18 м, разделенной пополам сеткой на высоте 2,43 м для мужских и 2,24 м для женских команд. Цель игры – ударами руками по мячу направить его на сторону соперника и приземлить там. Выигрывает команда, победившая в трех партиях, каждая из которых играется до 25 очков при двух очках преимущества одной из команд. В случае равенства очков или преимущества в одно очко игра продолжается. Возможное максимальное число очков – 42».

Абсолютное большинство (82%) опрошенных школьников в возрасте 12-13 лет знают эту игру. Были даны следующие ответы, например: *волейбол – это игра, где надо перебрасывать мяч через сетку, где несколько человек разбиваются на команды, они должны, перекидывая мяч через сетку, забить сопернику гол, это игра, где натянута сетка, через нее перекидывают мяч, его нужно отбивать, а упавший мяч – знак гола*. 15% опрошенных дали весьма неполные ответы, которые можно расценивать и как верные, и как не верные, поэтому мы их отнесли в отдельную группу. Например, *волейбол – это мяч, игра в мяч, игра с мячом, это вид спорта*. 3% школьников не дали ответа.

ДАРТС – «Игровой вид спорта, смысл которого сводится к набору очков при попадании дротиков в специальную мишень».

94% испытуемых хорошо знают этот вид спорта. Были даны следующие ответы: *дартс – это игра, где дротиками нужно попасть в цель, это игра и вид спорта, надо дротиками кидать в доску и набирать наибольшее количество очков*. 3% опрошенных школьников, в соответствии с инструкцией, дали свои варианты ответа, в этом случае превалировали фонетические ассоциации. Например, *дартс – это дар*. 3% испытуемых не дали варианта ответа.

СТРИТРЕЙСИНГ – «гонки по улицам города или участкам дорожных магистралей».

Абсолютное большинство (84%) школьников в возрасте 12-13 лет хорошо знают этот вид спорта, поэтому были даны соответствующие ответы. Например, *стритрейсинг – это гонки на машинах по улицам города, уличные гонки, люди прокачивают свои машины и гоняют по прямой*. Однако были испытуемые, которые не знали этого вида спорта (16%) и поэтому не дали ответа.

КРОКЕТ – «Спортивная игра, в которой участники ударами деревянного молотка стараются провести свой шар через ряд проволочных ворот, расположенных на площадке в определенном порядке».

47% испытуемых знают эту игру и дали верные ответы. Например, *крокет – это игра, где люди бьют деревянной битой по мячу, загоняя его в узкие лунки (арки), это надо попасть ша-*

ром в небольшие ворота инструментом, похожим на лопату (молоток), это игра, в которой специальным молоточком бьют по шарикам, это игра, в которой берется мяч и клюшка и забивается не в лунку, а в арку (небольшую), задача игры в том, чтобы пропустить мяч через арку, игра с клюшкой в виде молотка, цель которой провести мяч через маленькие ворота ударом молота. 37% опрошенных школьников дали свои варианты ответа. Например, *крокет – это надевают резинку на ногу, пояс или на голову и прыгают, это интересная игра, это игра в мяч, это вид спорта, это лыжи*. 16% испытуемых не дали ответа.

СЛЭКЛАЙН – «также стропохождение или хождение по слабо натянутой стропе (англ. *slackline* – slack: «провисающий, слабый»; line: «линия») – практика в балансировании и развивающийся вид спорта, который заключается в хождении по специальным нейлоновым или полиэстровым стропам (лентам), натянутым между стационарными объектами – станциями».

100% опрошенных школьников не знают этого вида спорта. Из них – 45% испытуемых не дали ответа, 55% – дали свой вариант, что это за вид спорта. Например, *слэклайн – это пойти по линии с закрытыми глазами, это скалолазание, это игра с маленьким мячиком и не должен уронить его, это махать руками, это пойти по линии с закрытыми глазами, это клеить бумагу на скорость, это игра, в которой игроки бегают по линии*.

ПАРКУР – «Маршрут в соревнованиях по преодолению препятствий, определяющий число препятствий, их высоту, ширину и типы, порядковый номер, последовательность, длину дистанции, скорость движения, норму времени в соответствии с положением о данных соревнованиях и правилами. Маршрут должен быть хорошо продуман, чтобы к препятствиям был удобный подход, особенно с поворота, чтобы первое препятствие не было слишком близко к створам старта, а последнее – к створам финиша, чтобы препятствия были равномерно расставлены по всей дистанции паркура. Все препятствия на конкурсном поле должны быть хорошо видны судьям».

100% испытуемых. 2 группы знают, что такое паркур, поэтому были даны верные варианты ответов. Например, *паркур – это выполнение трюков на улице и всякие опасные прыжки, это*

вид спорта, в котором люди перепрыгивают через препятствия, при этом в воздухе выполняют разные трюки, это трюки на улицах города и крышах зданий, цель – быстро перемещаться по крышам от здания к зданию, красивые (клевые для мальчиков) прыжки через уличные препятствия (заборы, скамейки).

Проанализировав все полученные результаты, можно сделать вывод, что у 12-13 летних школьников сложилось семантическое поле, в центре которого находятся традиционные виды спорта (волейбол, дайвинг, баскетбол), одинаково хорошо представлены новейшие виды спорта и спортивные игры, появившиеся сравнительно недавно (керлинг, стритрейсинг, йо-йо), и старинные виды игр (лапта, городки, крокет), слабее всего представлены так называемые «дворовые игры» (резиночки, выше ножки от земли, ножки, жмурки). Это объясняется тем, что традиционные виды спорта чаще всего изучаются в школах на уроках физической культуры, новейшим вида спорта большое внимание уделяется в СМИ. Старинные виды спорта достаточно часто представлены в школьных учебниках иностранного языка, а «дворовые игры» сейчас утратили свою силу, т.к. на смену им, к сожалению, пришли игры компьютерные. Таким образом, социолингвистическое исследование позволяет увидеть изменения, происходящие в современном русском языке как на уровне когнитивистики, так и лексикологии, и семантики.

Список литературы

1. Ефремова Т.Ф. Толковый словарь. М., 2000.
2. Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. М., 2005.
3. Казаков С.В. Энциклопедический справочник «Спортивные игры». М., 2004.
4. Комлев Н.Г. Словарь иностранных слов. М., 2006.
5. Покровский М.М. Избранные работы по языкознанию. М., 1959.
6. Терминология спорта. Толковый словарь спортивных терминов. М., 2001.
7. Трир Й. Немецкая лексика понятийной области интеллектуальных свойств. История языкового поля с древнейших времен до начала 13 века. М., 1931.
8. Porzig W.W. Wesenhafte Bedeutungsbesichungen // Beitrage zur Geschichte der deutche Sprache und Literatur. 1934.

Об авторе

Федосова Анна Кареновна – ассистент кафедры теоретической и прикладной лингвистики Московского государственного областного университета (МГОУ). Сфера научных интересов: семантика, семиотика, перевод. E-mail: 777antuanetta@rambler.ru

FEATURES OF THE SEMANTIC FIELD "SPORT" FORMATION

A.K. Fedosova

Moscow State Regional University (MGOU), 10a, Radio street, Moscow, 105005, Russia.

Abstract: *The article deals with the problem of semantic field "Sports" formation in children of a middle school age. The survey of 12-13 year-old school students allows to reveal that in the center of the semantic field are traditional sports (volleyball, diving, basketball), the latest sports and sports games, which appeared relatively recently (curling, street racing, yo-yo) and old types of games (rounders, gorodki, croquet), the so-called "outdoor games" (rezinochki, vyishe nozhki ot zemli, legs, zhmurki) are hardly familiar. This is due to the fact that traditional sports are often introduced at schools in physical training classes, while the latest sports are in the focus of the media. Old sports are often presented mainly in textbooks of a foreign language. The "outdoor games" are currently being replaced by computer games.*

Key words: survey, semantic category, semantic fields.

References

1. Efremova T.F. Tolkovyj slovar' [Explanatoty dictionary]. M., 2000.
2. Zalevskaja A.A. Psiholingvisticheskie issledovanija [Psycholinguistic studies]. Slovo. Tekst: Izbrannye trudi. M., 2005.
3. Kazakov S.V. Jenciklopedicheskij spravochnik «Sportivnye igry» [Encyclopedic reference book "Sport games"]. M., 2004.
4. Komlev N.G. Slovar' inostrannyh slov [A Dictionary of foreign words]. M., 2006.
5. Pokrovskij M.M. Izbrannye raboty po jazykoznaniju [Selected works in linguistics]. M., 1959.
6. Terminologija sporta. Tolkovyj slovar' sportivnyh terminov [Sport terminology. The explanatary dictionary of sport terms]. M., 2001.
7. Trir J. Nemeckaja leksika ponjatijnoj oblasti intellektual'nyh svojstv. Isto-rija jazykovogo polja s drevnejshih vremen do nachala 13 veka [German lexis of the semantic field of intellectual properties. The history of the linguistic field from the ancient times to the beginning of the 13 century]. M., 1931.
8. Porzig W.W. Wesenhafte Bedeutungsbesichungen // Beitrage zur Geschichte der deutche Sprache und Literatur. 1934.

About the author

Fedosova Anna Karenovna, assistant of the Theoretical and Applied Linguistics Chair, Moscow State Regional University. E-mail: 777antuanetta@rambler.ru

* * *

Раздел IV

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

ОТРАЖЕНИЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В КОНСТИТУЦИИ ИСЛАМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ИРАН

Е.Л. Гладкова

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России. 119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76.

Конституция Исламской Республики Иран – не просто нормативный документ, регулирующий государственное устройство страны, права и обязанности её граждан. В ней изложены идеологические основы формы государственной власти – исламской республики. Текст Конституции ИРИ отражает чётко сформулированную идеологическую платформу, основывающуюся на религиозных нормах ислама с опорой на текст Корана и хадисы, содержит коранические и другие религиозные термины. Особый интерес представляет Преамбула Конституции, где с позиции ислама обосновываются важнейшие положения, определяющие государственное устройство, управление страной, экономику, общественную жизнь. Язык Преамбулы отличается яркой экспрессивной окрашенностью, содержит тропы, плеонастические пары и другие атрибуты образности персидского языка. Всё это позволяет говорить о том, что Конституция ИРИ является одним из эффективных средств идеологического воздействия на общественное сознание.

Ключевые слова: Конституция, Исламская Республика Иран, персидский язык, лингвоидеологический подход, Преамбула

Уникальность Исламской Республики Иран как объекта для исследования «с точки зрения соотношения государственных и идеологических приоритетов» обусловлена местом, которое занимает в государственном устройстве и общественной жизни страны ислам – религия, которую исповедует большинство населения. Это «подкреплено конституционно закреплёнными атрибутами и структурами государственной власти, которые обеспечивают руководство страны духовенством, а также тем, что исламские нормы организации общества и экономики введены и реализуются как государственные правовые нормы» [10, с. 14]

Конституция ИРИ, первоначально принятая в 1979 году, формировалась в процессе становления новой формы государ-

ственной власти – исламской республики и в окончательной редакции была принята в 1989 году с рядом поправок и изменений. Для обоснования теократической формы правления в современных условиях требовалась убедительная и чётко сформулированная идеологическая платформа, что нашло отражение в тексте Конституции.

В трёх основных жанровых составляющих, определяющих содержание политической коммуникации в контексте борьбы за власть, конституцию как основной закон страны включают в жанр «ориентации – формулировки и разъяснения политической позиции» [18]. Однако Конституция ИРИ – в своём роде уникальный документ, выходящий за рамки дефиниции «основной закон государства, определяющий общественное и государственное устройство, права и обязанности граждан» [9, с. 276]. Это нормативный акт, основные положения которого не только формулируются и разъясняются, но содержат подробное обоснование с точки зрения норм ислама с опорой на Коран и хадисы.

Для сравнения: в тексте Конституции соседнего Афганистана – по форме правления и названию также исламской республики – ссылки на Коран практически отсутствуют. Религиозные термины («ислам», «фикх» и т.д.) в тексте Конституции ИРА упоминаются в Преамбуле, где обосновывается форма правления с опорой на «священную религию ислама» [5], а также в отдельных статьях: в Разделе I «Государство» (Статья 2 – о государственной религии [5, с. 1], Статья 19 – описание герба ИРА [5, с. 19]); в Разделе II «Основные права и обязанности граждан» (Статья 34 – о необходимости соответствия уставов партий исламским нормам [5, с. 10], Статья 45 – о создании образовательных программ с учётом религиозных норм [5, с. 14]); в Разделе VIII «Судебная власть» (Статья 118 – о необходимости иметь высшее богословское образование членам коллегии судей [5, с. 43], а также в тексте присяги Президента, министров и членов судейской коллегии [5, с. 21, 27, 52].

В Конституции ИРИ с позиции идеологии ислама излагаются и обосновываются важнейшие положения, регулирующие государственное устройство, управление страной, экономику, общественную жизнь. К их числу, в частности, относятся следующие принципы:

об опоре государственной власти правления на духовные ценности: «вера в единого Бога» – *xodā-ye yektā*, «божественная справедливость» – *adl-e xodā*, «преемственность имамов» – *emāmat* (Статья 1) [2, с. 70; 6, с. 21-22];

о необходимости соблюдения норм ислама во всех областях общественной, политической и культурной жизни страны: «все...законы и установления должны быть основаны на исламских нормах» – *koliyye-ye qavānin-o moqarrarāt ... bāyad bar asās-e mavāzin-e eslāmi bāšad* (Статья 4) [2, с. 71; 6, с. 24];

об экономике как «средстве удовлетворения потребностей человека для продолжения его развития» [2, с. 68] – *raf'e niyāzhā-ye zaruri jahat-e estemrār-e takāmoli* [6, с. 17].

В тексте Конституции содержатся пятнадцать ссылок на Коран и хадисы, призванных обосновать основные принципы государственной власти и системы правления [2; 6; 7].

Большая часть ссылок на Коран приводится в тексте Преамбулы Конституции, где в основном и изложена идеологическая платформа государственной власти.

Тексту преамбулы предшествует цитата из Суры «Железо», аят 25: *mā paymābarān rā bā dalilhā-ye rowšan ferestādim va bā ānhā ketāb-o tarāzu rā niz nāzel kardim tā mardom bā adālat amal konand* [6, с. 9] «Мы послали наших посланников с ясными знамениями и низвели вместе с ними писание и весы, чтобы люди стояли в справедливости» [7, с. 447].

Далее в тексте Преамбулы цитаты из Корана иллюстрируют следующие важнейшие положения:

1) Обоснование идеи исламского единства: «путём развития отношений с другими исламскими и народными движениями найти путь образования единой мировой исламской уммы» [2, с. 67] – *dar gostareš-e ravābet-e bein ol-melali, bā digar-e jombešhā-ye eslāmi va mardomi mikušad tā rāh-e taškil-e ommat-e jahāni-ye vāhed rā hamvār konad* [6, с. 14] ссылается на Суру «Пророки», аят 92: *in ommat-e šomā-st ke ommat-i yegāne ast, va man parvardegār-e šomā hastam, pas marā beparastid* [6, с. 15] – «Поистине, этот ваш народ – народ единый, и Я – Господь ваш, поклоняйтесь же мне!» [7, с. 272]. Следует отметить, что идея исламского единства прочно закреплена во внешнеполитической

платформе ИРИ, и постоянно звучит в выступлениях высшего иранского руководства.

2) Обоснование формулы государственной власти (*šive-ye hokumat dar eslām* – «способ правления в исламе»), где, в частности, отмечается, что правление «является воплощением политических идеалов нации единоверцев и единомышленников» [2, с. 66] (*tabalvor-e ārmānhā-ye siyāsi-ye mellat-i hamkiš-o hamfekr*) [6, с. 14], а также что «при создании политических структур, которые сами по себе являются основой общества, используется религиозное толкование этих вопросов ответственными деятелями системы правления и управления государства» [2, с. 67] (*dar ijād-e nehādhā-vo bonyādhā-ye siyāsi ke xod pāye-ye taškil-e jāme-e ast, bar asās talaqqi-ye maktabi sāhebān-e ohdedār-e hokumat-o edāre-ye mamlakat migardand*) [6, с. 15], ссылается на Суры «Пророки», аят 92: «... землю наследуют рабы мои праведные» [7, с. 272] – *in zamin rā bandegān-e sāleh-e man be mirās xāhand bord* [6, с. 15], а также на Суры «Преграды», аят 157, и «Свет», аят 42.

3) Обоснование принципа социальной справедливости – *tahaqqoq-e hokumat-e mostazaf'in dar zamin* «правления обездоленных на земле», означающего «участие всех представителей общества в принятии политических, судьбоносных решений на всех его этапах» (*zamine-ye čenin mošārekat-i rā dar tamām-e marāhel-e tasmimgirihā-ye siyāsi-vo sarneveštsāz barā-ye hame-ye afrād-e ejtemā' farāham misāzad*), а также ответственность членов общества за его развитие. (ссылка на Суру «Рассказ», аят 5: *va mā bar ān hastim ke bar mostazaf'ān ru-ye zamin ne'mat dehim va ānān rā pišvāyān sāzim-o vāresān gardānim*) [6, с. 16] – «мы желаем оказать милость тем, кто ослаблены на земле, и сделаем их имамами и сделаем наследниками [7, с. 319]). Коранический термин *mostazaf'ān* (*mostazaf'in*) – «обездоленные» позднее стал политическим термином, с денотатом значения «угнетённые», в противовес термину mostakberin – «угнетатели».

4) Принцип правления – формула власти отражена в терминах *valāyat-e faqih* – «правление справедливого факиха (мусульманского богослова)» и *valāyat-e amr* [2, с. 67; 6, с. 12]: «Конституция создаёт основу для правления вождя, отвечающего всем требованиям и признанного в таком качестве народом» [2, с. 67]

(*qānun-e asāsi zamine-ye tahaqqoq-e rahbari-ye faqih-e jāme'oš-šarāyeti rā ke az taraf-e mardom be onvān-e rahbar šenāxte mišavad*) [6, с. 16] обосновывается цитатой из священного хадиса «Дела вершатся улемами, точно выполняющими повеления Бога о дозволенном и недозволенном».

5) Идеологическое обоснование положения об армии Исламской Республики Иран и Корпусе стражей исламской революции, на чьих плечах лежит «не только охрана границ, но и исламская миссия, то есть джихад во имя Бога, а также борьба во имя распространения правления божественного закона в мире [2, с. 68] (*na tanhā hefz-o harāsat az marzhā balke bār rasālat-e maktabi ya'ni jahād dar rāh-e xodā-vo mobāreze dar rāh-e gostareš-e hākemiyyat qānun-e xodā dar jahān*) [6, с. 18] ссылается на суру «Добыча», аят 60: *va tā ānjā ke mitavānid niru-vo asbān-e savāri āmāde konid tā došmanān-e xodā va došmanān-e xod rā betarsānid* [6, с. 18] – «и приготовьте для них сколько можете силы и отрядов конницы; ими вы устрашите врага Аллаха и вашего врага и других, помимо них [7, с. 159].

Как уже неоднократно отмечалось, в современной персидской политической терминологии термин «джихад» употребляется не только в своём прямом значении «борьба за веру». За годы, прошедшие после образования исламской республики, термин «джихад» приобрёл также значение «кампания (борьба) за достижение определённых политических установок», например, *jahād-e kešāvarzi* – «борьба за развитие сельского хозяйства» (ср. название министерства сельского хозяйства *vazārat-e jahād-e kešāvarzi* – букв. «министерство сельскохозяйственного джихада»), *jahād-e dānešgāhi* «университетский джихад» – «борьба за повышение уровня высшего образования» (см. подробнее [3, с. 228-230]).

6) Положение о системе правосудия, основанной на исламской справедливости и состоящей из «справедливых судей, полностью владеющих исламскими нормами» [2, с. 69] (*ijād-e sistem-e qazāyi bar pāye-ye adl-e eslāmi va motašakkel az qazāt-e ādel-o āšenš be zavābet-e daqiq-e dini*) [6, с. 18] обосновывается цитатой из Суры «Женщины», аят 58: *va čun dar miyān-e mardom be dāvari nešinid be adl dāvari konid* [6, с. 18] «и когда вы судите среди людей, то судить по справедливости» [7, с. 88].

7) Идеологически значимое положение о средствах массовой информации, которые «должны служить распространению исламской культуры», а также положение о том, что «все должны следовать принципам закона, который считает своей главной задачей обеспечение свободы и достоинства человека и открывает путь к его развитию и совершенствованию» [2, с. 69] (*bāyesti dar xedmat-e ešā'e-ye farhang-e eslāmi qarār girad…Peyravi az čenin qānun-i ke āzādi-vo karāmat-e abnā'-e bašar rā sarlowhe-ye ahdāf-e xod dāneste va rāh-e rošd-o takmil-e ensān rā migošāyad bar ohde-ye hamegān ast*) [6, с. 19] обосновывается ссылкой на суру «Корова», аят 143: *čenin ast ke šomā rā behtarin-e ommathā gardānidim tā bar mardomān govāh bāšid* [6, с. 20] – «и так мы сделаем вас общиной посредствующей, чтобы вы были свидетелями относительно людей [7, с.41-42].

Ссылками на Коран обосновываются и положения следующих важнейших статей Конституции:

1) В Статье 7 положение о советах (Меджлис Исламского Совета (*majles-e šowrā-ye eslāmi* – парламент, т.е. высший орган государственной власти, а также совет провинции, области, города, района, уезда, деревни – *šowrā-ye ostān, šahrestān, šahr, mahall, baxš, rustā* и т.д.) как основных органах принятия решений и управления страной обосновывается ссылками на Суру «Совет», аят 38 («дело их – по совещанию между ними» [7, с. 398] – *va kār-ešān bar pāye-ye mašvarat bā yek digar ast*) и Суру «Семейство Имрана», аят 159 («советуйся с ним о деле» – *dar kār bā ānān mašvarat kon*) [7, с. 76; 6, с. 25].

2) В Статье 8 ссылкой на Суру «Покаяние», аят 71, обосновывается важнейшее морально-идеологическое положение, нашедшее отражение в том числе и во внешнеполитической платформе Исламской Республики Иран: «призыв к добру, проповедь одобряемого и запрещение неодобряемого» (*da'vat be xeyr, amr-e be ma'ruf-o nahy az monkar*) [2, с. 26, 6, с. 26] как обязанность каждого члена общества. («Верующие мужчины и верующие женщины – они друзья одни другим; они побуждают к признанному и удерживают от неодобряемого» [7, с. 168] – *mardān-e mo'men-o zanān-e mo'men dustān-e yekdigar-and be niki farmān midehand-o az nāšāyest bāz midārand* [6, с. 26].

3) В Статье 11 ссылкой на Суру «Пророки», аят 92 (см. выше) обосновывается политическая линия правительства Исламской Республики Иран, которое «должно прилагать максимум усилий к тому, чтобы осуществить политическое, экономическое и культурное единство исламского мира» – *dowlat-e jomhuri-ye eslāmi-ye irān movazzaf ast kušeš-e peygir be amal āvorad tā vahdat-e siyāsi, eqtesādi va farhangi-ye jahān-e eslām rā tahaqqoq baxšad* [6, с. 27].

4) В Статье 14 принцип веротерпимости обосновывается ссылкой на Суру «Испытуемая», аят 8: «Согласно аяту Корана (*xodā šomā rā az niki kardan va adālat varzidan bā ānān ke bā šomā dar din najangande-and va az sarzamin-etān narānde-and bāz nemidārad. Xod kasān-i rā ke be adālat raftār mikonand dust dārad* [6, с. 28] – «не даёт вам Аллах запрета о тех, которые не сражались с вами из-за религии и не изгоняли вас из ваших жилищ, благодетельствовать им и быть справедливыми к ним, – ведь Аллах любит справедливых!» [7, с. 454], правительство Исламской Республики Иран и мусульмане обязаны с добротой и исламской справедливостью обращаться с немусульманами и соблюдать их человеческие права» – *dowlat-e jomhuri-ye eslāmi-ye irān va mosalmānān movazzaf-and nesbat be afrād qeyr-e mosalmān bā exlāq-e hosne va adl-e eslāmi amal namāyand va hoquq-e enāsni-ye ānān rā re'āyat konand* [6, 28].

5) В Статье 151 со ссылкой на Суру «Добыча», аят 60 (см. выше – положение об армии в Преамбуле) обосновывается необходимость защиты Отечества и существующего государственного устройства путём обеспечения «плана и условий для военной подготовки в соответствии с исламскими нормами, чтобы все постоянно обладали навыками вооружённой защиты страны и исламского строя» [2, 95] – *dowlat-e jomhuri-ye eslāmi-ye irān movazzaf ast barā-ye hame-ye afrād-e kešvar barnāme va emkānāt-e āmuzeš-e nezāmi rā bar tebq-e mavāzin-e eslāmi farāham namāyad be towr-i ke hame-ye afrād hamvāre tavānāyi-ye defā'-e mosallahāne az kešvar va nezām-e jomhuri-ye eslāmi-ye irān rā dāšte bāšand* [6, с. 83].

Уникальным с своём роде является и язык Преамбулы Конституции Исламской Республики Иран, занимающей около пяти

страниц [2, 64-68; 6, 9-20]. Если основной текст Конституции выдержан в официальном юридическом стиле, то Преамбула напоминает насиб (запев) классической касыды (оды), где автор стремился максимально использовать поэтические средства перед тем, как перейти собственно к мадху (восхвалению).

Стиль Преамбулы близок к художественно-публицистическому, что само по себе уже достаточно необычно для официального документа, однако ярко иллюстрирует специфику мышления иранцев, а также их умение и стремление использовать богатые поэтические средства персидского языка в официальной речи. В частности, в Преамбуле при описании событий, приведших к Исламской революции, широко используются тропы. Метафоры употребляются даже в подзаголовках, например, «Заря народного движения» (*tali'e-ye nehzat*), «Цена, которую заплатил народ» (*bahā-yi ke mellat pardāxt*).

Метафоры в Преамбуле разноплановые и носят преимущественно экспрессивный характер.

Среди них можно выделить метафоры природные: «на заре великой победы» – *dar tali'e-ye in piruzi-ye bozorg*, «чтобы погасить вулкан народного гнева» *barā-ye mahār kardan-e ātešfešān-e xašm-e mellat*; медицинские: «система (правосудия) должна быть далека от любых нездоровых связей» *nezām ... lāzem ast be dur az har no'-e rābete-vo monāsebāt-e nāsālem bāšad*, «подстегнул революцию» – букв. «влил свежую кровь в революцию» *xun-e bištar-i dar raghā-ye enqelāb jāri sāxt*; технические: «режим и его хозяева были вынуждены открыть клапан для предотвращения своего неминуемого падения» *režim-o arbābān-aš majbur ... šodand dariče-ye etminānі be manzur-e pišgiri az soqut-e hatmi-ye xod begošāyand*, милитаристские: «в окопах мечетей, научных учреждений и университетов» *dar sangar-e masjed-o howzehā-ye elmiye va dānešgāhā*, и т.д.

В тексте Преамбулы содержатся также и оценочные метафоры. Так, шахский монархический режим именуется в Преамбуле исключительно «тираническим режимом» *hokumat-e estebdād, režim-e estebdādi* (*estebdād* – «деспотизм, тирания») и даже «идолопоклонническим, языческим» *tāquti* (*tāqut* – «идол», «сатана»): *mellat-e mā az qobārhā va zangārhā-ye tāquti zodude šod*

[6, 14] – «наш народ освободился от наслоений тиранического режима (букв. «очистился от идолопоклоннического, дьявольского тумана и ржавчины)» [2, 66]. Коннотация негативная, а метафора эмоциональная и применима к шахской власти династий времен эпохи колониализма, периода правления династии Пехлеви (1925-1979 гг.), а также иногда используется в применении к современным режимам, рассматриваемым иранскими политиками как тиранические. Следует отметить, что коннотация заимствованного термина *režim* «режим» в значении «форма власти» носит преимущественно негативный характер. Еще одним примером может служить политема *režim-e sahyunisti* «сионистский режим» или *režim-e ešqālgar-e qods* «режим, оккупировавший Иерусалим» – термин, употребляющийся для правительства Израиля. Нейтральный термин «монархия» в современном персидском языке – *hokumat-e pādešāhi* (букв. «власть падишаха»), *saltanat-e motlaq* (букв. «абсолютная власть»).

Среди других особенностей стиля Преамбулы можно отметить широкое использование плеонастических пар (в грамматических терминах – свободные копулятивные словосочетания), т.е. словосочетаний с синонимичными парами слов, например, «продолжение народного движения» – *edāme-vo estemrār-e harekat-e mardom*, «политические институты» – *nehādhā-vo bonyādhā-ye siyāsi*, «удушение» – *xafaqān-o extenāq*, «необходимое дело» – *amr-i mahtum-o zaruri*, либо близкими по значению словами, например, «давление (букв. «давление и удушение») – *fešār-o extenāq*, «исламский (букв. «исламский» и основанный на учении ислама») – *eslāmi-o maktabi*. Впрочем, плеоназмы настолько распространены в современном персидском языке, что встречаются абсолютно во всех стилистических пластах, вплоть до коротких информационных сообщений.

Терминология, связанная с исламом, органично влилась в пласт политической лексики современного персидского языка. Так, ряд терминов чисто религиозного характера приобрёл политическую окраску, в том числе термины «ислам» и «исламский», присутствующие в словарях политических терминов [4, с. 13; 12, с. 251], а также лозунг «Аллах велик!», который в современном персидском языке стал политическим.

Среди других примеров перехода религиозных терминов в политические можно назвать, в частности, популярный в 80-е годы *monāfeqin* – «лжемусульмане» (коранический термин – букв. «лицемеры»). В современной персидской политической терминологии под этим термином понимаются мусульмане, не соблюдающие норм ислама, а также некоторые оппозиционеры. Термин *ejmā'* – «согласие богословов» получил значение «консенсус», и даже *fetvā* – «фетва, религиозное предписание» в современных словарях толкуется как «окончательное решение», «приказ» [1, 1626; 13, 1488].

Исходя из анализа Конституции ИРИ с точки зрения лингвоидеологического подхода к исследованию политической коммуникации, в основе которого лежит влияние идеологии на язык [8, 14], можно отметить следующее:

1. Текст Конституции ИРИ отражает чётко сформулированную идеологическую платформу, прочно основывающуюся на религиозных нормах ислама с опорой на текст Корана и хадисы, содержит коранические и другие религиозные термины.

2. Текст Преамбулы Конституции, помимо обоснования основных постулатов власти, повествующий о событиях, предшествовавших созданию государства с новой формой правления, отличается яркой экспрессивной окрашенностью, содержит тропы, плеонастические пары и другие атрибуты образности персидского языка.

Всё это в совокупности превращает Конституцию в мощный инструмент идеологического воздействия на общественное сознание и обусловливает её своеобразие.

Список литературы

1. Анвари Х. Краткий толковый словарь персидского языка. В двух томах. Тегеран: Сохан, 1382 (2003). 2704 с.
2. Весна свободы. К годовщине победы Исламской революции в Иране. Приложение к бюллетеню «Третий взгляд». М., 1994. 144 с.
3. Гладкова Е.Л. Пути развития общественно-политической лексики современного персидского языка. М.: МГИМО-Университет, 2013. 316 с. (Серия «Научные школы МГИМО»).
4. Йазди А. Словарь политических терминов. Тегеран: Марказ-е хадамат-е фарханги-е салкан, 1373 (1994). 178 с.
5. Конституция Исламской республики Афганистан. Переходное правительство ИРА / Секретариат Конституционной комиссии. Кабул, 2003. 57 с.

6. Конституция Исламской республики Иран. Тегеран: Нашре доуран, 2003. 112 с.
7. Коран. Пер. с араб. акад. Крачковского И.Ю. – М.: СП ИКПА, 1990. 512 с.
8. Крючкова Т.Б. О фиксации в толковых словарях идеологической вариативности лексических единиц // Вопросы филологии, 2008, № 2 (29). с. 46-54.
9. Лопатин В.В., Лопатина Л.Е. Толковый словарь современного русского языка. М.: Эксмо, 2009. 928 с. (Библиотека словарей).
10. Мамедова Н.М. Исламское государство: соотношение государственных и идеологических приоритетов // Ислам и власть. М.: Институт востоковедения РАН, изд-во Крафт+, 2002. 280 с.
11. Моин М. Словарь персидского языка. В восьми томах. Тегеран: Амир Кабир. 1996.
12. Ноурузи М. Комплексный англо-персидский словарь политических терминов. Тегеран: Нашр-е Ней, 1387 (2008). 597 с.
13. Садри Афшар Г.Х., Хаками Н., Хаками Н. Словарь персидского языка. В двух томах. Тегеран: Фарханге моасер, 2009. 2253 с.
14. Шейгал Е.И. Власть как концепт и категория дискурса Available at: <www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Article/scheigl_vlast.php>.

Об авторе

Гладкова Елена Львовна – к.филол. наук, доцент, зав. кафедрой индоиранских и африканских языков МГИМО (У) МИД России. Сфера научных интересов: общественно-политический и экономический перевод (персидский язык), общественно-политическая лексика современного персидского языка. E-mail: egladkova57@gmail.com

THE REFLECTION OF IDEOLOGICAL BASIS OF THE STATE IN THE CONSTITUTION OF THE ISLAMIC REPUBLIC OF IRAN

Ye.L. Gladkova

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *The Constitution of Islamic Republic of Iran is not just a set of fundamental principles of state government. It outlines the ideological platform of State power based on Islamic laws which vests sovereignty in God. The State system, social order, economy are also substantiated on the basis of Islamic rules. The Iranian Constitution quotes Quranic verses fifteen times. Most quotations from Quran are concentrated in the Preamble. The language of Preamble is of special interest. Being very expressive, Preamble contains quite a number of metaphors, pleonasms and other elements characteristic of Persian language richness. At the same time it makes the Iranian Constitution a powerful instrument of ideological impact on the people's consciousness.*

Key words: Constitution, Islamic Republic of Iran, Persian Language, linguistic and ideological approach, Preamble

References

1. Anvari H. Farhang-e Feshorde-ye Sokhan. Do jeldi. Tehran, Sokhan, 2003, 2704 p.
2. Vesna svobody [The Spring of Liberty]. Moscow,1994, 144 p.
3. Gladkova E.L. Puti razvitiya obschestvenno-politicheskoy leksiki sovremennogo persidskogo yazyka [Development of Political Vocabulary of Modern Persian Language]. Moscow, MGIMO–University Publ., 2013, 316 p.
4. Yazdi A. Vazhename-ye Siyasi [Dictionary of Politics]. Tehran, Salekan Publ., 1373 (1994), 178 p.
5. Qānun-e Asāsi-ye Afqānestān. Transitional Islamic State of Afghanistan / Constitutional Commission Secretariat. Kabul: 1382 (2003). 57 c.
6. Qanun-e Asasi-ye Jomhuri-ye Eslami-ye Iran [Constitution of Islamic Republic of Iran]. Tehran, Nashre Dowran Publ., 2004, 112 p.
7. Qoran. Translation from Arabic by I.Y. Krachkovsky. Moscow, SP IKPA, 1990, 512 p.
8. Kryuchkova, T.B. O fiksatsii v tolkovyh slovaryah ideologicheskoy variativnosti leksicheskih yedinits // Voprosy filologii, 2008, № 2 (29). c. 46-54
9. Lopatin, V.V., Lopatina L.Y. Tolkovyi slovar sovremennogo russkogo yazyka, Moscow, EKSMO, 2009, 928 p.
10. Mamedova, N.M. Islamskoye gosudarstvo: sootnosheniye gosudarstvennyh i ideologicheskih prioritetov // Iran: Islam i vlast. Moscow, Institut Vostokovedeniya RAN, Kraft+, 2002, 280 p.
11. Mo'in M. Farhang-e Farsi. Hasht jeldi. Tehran, Amir Kabir Publ., 1996.
12. Nowruzi, M. Farhang-e Jame'-e Loqat va Estelahat-e Siyasi [A Comprehensive Dictionary of Political Terms]. Tehran, Nashre Ney Publ., 2009, 597 p.
13. Sadri Afshar Q.H., Hakami N., Hakami N. Farhang-e Farsi. Do jeldi. Tehran, Farhange Mo'aser Publ., 2009, 2253 p.
14. Sheygal, Y.I. Vlast kak kontsept i kategoriya discursa. Available at: <www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Article/scheigl_vlast.php>.

About the author

Elena L. Gladkova – PhD, Associate Professor, Head of the Indian, Iranian and African Languages Chair at MGIMO (U). Research interests: Persian political texts and political vocabulary in Modern Iran. E-mail: egladkova57@gmail.com

* * *

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЯВЛЕНИЯ *UNDERSTATEMENT* В БРИТАНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

А.А. Джиоева

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. 119991, Россия, Москва, Ленинские горы, 1.

В.Г. Иванова

Московский государственный институт международных отношений (университет), МИД России. 119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76.

В статье анализируются основные языковые средства репрезентации явления understatement как одной из ключевых культурных доминант англосаксонской языковой модели мира, отражающей аксиологические ценности британцев. Авторами отмечается, что понятие understatement занимает ту область языковой картины мира, которая связана, с одной стороны, с миром мышления, а с другой, с собственно семантикой языка. В процессе анализа подчеркивается уникальность understatement, заключающаяся в том, что, с одной стороны, данное явление может рассматриваться в качестве лингвоспецифичного концепта, а с другой стороны, может выступать в качестве широко распространенного лингвистического приема. В результате проведенного анализа выявляются наиболее типичные ситуации реализации understatement, основные лингвистические способы репрезентации этого явления, а также коммуникативные и культурно-ценностные категории, лежащие в его основе. Проанализированный материал демонстрирует, что understatement широко репрезентирован в самых разных социально-исторических контекстах и может выражаться целым спектром лексико-грамматических средств, к числу которых относятся деинтенсификаторы, модификаторы степени, модальные глаголы, различные виды отрицания, эвфемизмы и другие лингвистические средства, способствующие смягчению высказывания и снижению его категоричности. В основе всех вышеназванных языковых средств репрезентации understatement лежит дистанцированность и сдержанность британцев как ценностные ориентации англоязычной коммуникации. Таким образом, проведенный нами анализ позволяет утверждать, что understatement отражает квинтэссенцию британского национального характера и менталитета англосаксов в целом.

Ключевые слова: understatement, языковая картина мира, лингвоспецифичный концепт, языковые средства репрезентации, британская лингвокультура, стоицизм, stiff upper lip, эвфемизмы, деинтенсификаторы, модальные глаголы, отрицание.

Изучение культуры народа через язык, а именно посредством ключевых слов конкретного языка, является относительно новым и перспективным направлением современного языкознания. Такое направление широко разрабатывается в многочисленных исследованиях Анны Вежбицкой, которая через изучение ключевых слов русского, английского, польского, японского и ряда других языков выходит в соответствующие этим языкам культуры [см., например, 2; 3; 6; 7].

И действительно, изучение ключевых концептов в соответствующих картинах мира позволяет пролить свет на целый ряд проблем, связанных с менталитетом и культурой разных народов. С этой точки зрения особый интерес вызывают концепты, которые специфичны для той или иной языковой модели мира. Так, например, для американской модели мира одним из ключевых концептов является “freedom”, значимость которого определяется особым характером мировосприятия этого народа. И хотя слово это вполне переводимо на другие языки, именно здесь ему отводится совершенно особое место в языковой картине мира. То же самое с русскими словами «душа» или «воля». Они совершенно специфичны для русской ментальности.

Учитывая тот факт, что языковая картина мира включает в себя как минимум три компонента – мир действительности, мир мышления и мир языка, представляется важным проследить, что в картине мира от действительности, что от мышления и что от собственно языка. При таком подходе лингвоспецифичные концепты могут также подразделяться на три группы в зависимости от того, каким из трех компонентов языковой картины мира они опосредованы.

Так, например, такие шотландские реалии, как *kilt* (шотландская юбка), *tartan* (клетка-шотландка), *bagpipe* (шотландская волынка), *shortbread* (особый вид шотландского печенья), *haggis* (шотландский деликатес, который едят вместе с приемом виски) и т.д. связаны с тем или иным компонентом картины мира, который идет от действительности. Эти слова выступают как языковые корреляты предметов и явлений (денотатов), существующих в жизни данного социума. То же самое касается русских слов типа «матрешка», «балалайка» и т.д.

Различные обозначения одного и того же понятия «метро» в разновидностях английского языка – *tube* (в Великобритании), *underground* (в Европе), *subway* (в Америке), *metro* (в России) и т.п. опосредованы чисто языковым компонентом картины мира и не связаны с ментальными особенностями носителей языка. То же самое можно сказать и о лексических расхождениях между американским и британским вариантами английского языка: (Амер.) *cell* – (Брит.) *mobile phone*, *candy* – *sweets*, *sidewalk* – *pavement* и т.д.

Наибольший интерес, с нашей точки зрения, представляет собой та группа лингвоспецифичных концептов, которая опосредована соответствующими мыслительными или ментальными особенностями того или иного народа. Эти слова занимают ту область языковой картины мира, которая связана, с одной стороны, с миром мышления, а с другой, с собственно семантикой языка. Они совершенно уникальны для каждого конкретного языка и составляют его идиоэтнический или идеосемантический компонент [1; 4]. Такие слова представляют своего рода лакуны, которые не находят прямых коррелятов в других языках.

Для англосаксонской языковой модели мира в качестве таких уникальных концептов выступают “Understatement”, “Privacy”, “Stiff Upper Lip”, “Commitment”, “Challenge” и целый ряд других.

В настоящей статье мы дадим лингвистический анализ явления *understatement*, которое, будучи одной из ключевых культурных доминант англосаксонской языковой модели мира, отражает аксиологические ценности британцев и не имеет прямых коррелятов в других языках, и продемонстрируем значимость этого понятия в менталитете британцев.

Предваряя наш анализ, важно подчеркнуть, что уникальность *understatement* заключается в том, что, с одной стороны, данное явление может рассматриваться в качестве концепта, то есть операционной единицы мышления, имеющей языковое выражение и отмеченной лингвокультурной спецификой, а с другой стороны, может выступать в качестве широко распространенного в британской лингвокультуре лингвистического приема. Исходя из этого, отметим, что целью данной статьи явля-

ется описание лингвистических средств экспликации *understatement* как приема. Посредством лексико-семантического анализа и описания языковых фактов в сочетании с культурно-фоновой интерпретацией мы постараемся выявить типичные случаи использования *understatement* и описать наиболее распространенные языковые средства, реализующие данный прием, и выявить его основные прагматические функции.

Принимая во внимание тот факт, что *understatement* является традиционным, узуальным явлением британской лингвокультуры, не удивительно, что оно широко репрезентировано и в историческом контексте в свете описания различных событий и прецедентных феноменов.

Как известно, королева Виктория, чья эпоха правления стала периодом промышленного, культурного, политического, научного и военного развития Великобритании и временем наибольшего расцвета Британской империи, является для англосаксов воплощением идеальных моральных ценностей и хранительницей семейного очага и верности. В отличие от нее, царица Египта Клеопатра приобрела широкую известность благодаря любовной связи с Юлием Цезарем и Марком Антонием. От Цезаря она имела сына, от Антония двух сыновей и дочь. Вот что один из критиков написал про это:

The well-known Victorian critique of Cleopatra's behavior: "So ***unlike*** *the home life of our own dear Queen!"* [11]

Как видно из данного примера, явная критика морального поведения царицы смягчается при помощи *understatement*, выраженным прямым отрицанием посредством негативного префикса, и облекается в более абстрактные формы, при этом не умаляя эмоциональности и экспрессивности высказывания, выраженной графически восклицательным знаком.

Кроме этого, *understatement* в стоическом проявлении неразрывно связан с исконно британским явлением *stiff upper lip*.

Апогеем *understatement* в героическо-стоической манифестации считается широко известный случай, когда герцог Веллингтон во время битвы при Ватерло, заметив, что одного из его командиров Лорда Аксбриджа ранило артиллерийским снарядом, сказал: «Господи, сэр, мне кажется, у вас оторвало ногу!» «Увы, сэр, – ответил Аксбридж, – мне тоже так кажется».

One of the last cannon shots fired on 18 June 1815 hit his right leg, necessitating its amputation above the knee. According to anecdote, he was close to the Duke of Wellington when his leg was hit, and exclaimed, "By God, sir, I've lost my leg!", to which Wellington replied "By God, sir, ***so you have****!"* [10].

После тяжелейшего ранения, в результате которого Лорд Аксбридж потерял ногу, ему предстояла сложная операция по ампутации, которая была проведена без анестезии и антисептических средств. Вспоминая реакцию Лорда Аксбриджа на столь жестокое испытание, его адъютант Томас Вильдман отмечает, что Лорд Аксбридж до конца оставался верен своим идеалам и ценностям, воплощая своим поведением верх стоицизма и сдержанности:

Lord Uxbridge, true to his nature, remained stoical and composed. According to his aide-de-camp, Thomas Wildman, during the amputation Paget smiled and said, "I have had a pretty long run. I have been a beau these forty-seven years, and it would not be fair to cut the young men out any longer". According to another anecdote his only comment through the dreadful procedure was, "The knives appear ***somewhat blunt****"* [10].

Вышеприведенная ситуация является ярким примером героически-стоического воплощения *understatement*, которое коррелирует с таким типично британским явлением как *stiff upper lip*, на невербальном уровне отражающим сдержанность и стремление сохранить «лицо» даже в критические моменты. На вербальном уровне *understatement* репрезентируется в данной ситуации адвербиальным модификатором степени *somewhat*, преуменьшающим истинные масштабы трагедии и смягчающим остроту перенесенной боли. Интересно, что данный пример *understatement* является настолько вопиющим, что носители английского языка считают его хрестоматийным и, как показывает проведенный нами ассоциативный эксперимент, апеллируют к нему как к демонстрации *understatement* в своей «экстремальной» героическо-стоической манифестации.

Яркой иллюстрацией данного функционирования *understatement* служит реплика участницы Олимпийских Игр из Австралии, которую сбил грузовик во время езды на велосипеде и которая мужественно перенесла тяжелейшие травмы.

*When Australian Olympian Janine Shepherd appeared on TED talks she spoke about how her life changed after being hit by a truck during a bike ride, after cataloguing her injuries, including her spine being broken in six places she concludes: "**I was having a really bad day**"* [8].

Несмотря на серьезность перенесенных травм и степень их тяжести, спортсменка эвфемистически называет это происшествие "*a really bad day*", чтобы сохранить лицо и не жаловаться на судьбу.

Еще одним примером *understatement* в его стоическом проявлении являются слова британского адмирала Дэвида Битти во время Ютландского сражения, крупнейшего морского сражения Первой мировой войны между немецким и британским флотами, которое произошло в Северном море близ датского полуострова Ютландия, в Скагеррakском проливе.

*"British Admiral David Beatty had just watched two of his battle-cruisers explode and disintegrate under German fire at the Battle of Jutland, May 31 1916. Comment: "There **seems to be something wrong** with our bloody ships today..."* [10].

В этой ситуации глагол *seem* и эвфемистическое адъективное словосочетание *something wrong* выполняют функцию смягчения, ослабления накала событий. В то же время внутреннее переживание героя передается эксплицитно при помощи прилагательного *bloody*, а незавершенность высказывания передается графически при помощи многоточия, подразумевающего реальные мысли адмирала.

Кроме этого, *understatement* позволяет весьма тонко, деликатно и эвфемистически описывать события. Приведем в качестве примера *understatement* высказывание японского императора Хирохито об атомный бомбардировке Хиросимы силами США в ходе второй мировой войны:

*"Emperor Hirohito of Japan, discussing the atomic bombing of Hiroshima in his first radio broadcast (15 August 1945). Comment: "The war situation has developed **not necessarily to Japan's advantage**"* [10].

В данном примере отрицательная конструкция, выраженная отрицательной частицей *not* и наречием *necessarily*, преумень-

шает масштабы трагедии, выполняя одновременно уточняющую и смягчающую функции.

Рассмотрим еще одну ситуацию, которая является воплощением и *understatement* и *stiff upper lip* одновременно. 4 июня 1982 года произошел так называемый Джакартский инцидент: Boeing 747-236B авиакомпании British Airways, совершая очередной полет по маршруту Лондон-Окленд, попал в облако вулканического пепла от внезапно извергшегося вулкана на горе Галунггунг, и у него один за другим заглохли все четыре двигателя. Благодаря мужеству и отваге капитана судна экипаж смог благополучно посадить самолет в аэропорту Халим Перданакусума в Джакарте [9]. К счастью, происшествие обошлось без человеческих жертв.

During the Kuala Lumpur to Perth leg of British Airways Flight 9 on 24 June, 1982, volcanic ash causes all four engines of the Boeing 747 aircraft to fail. Although pressed for time as the aircraft rapidly lost altitude, Captain Eric Moody still managed to make an announcement to the passengers. Comment: "Ladies and Gentlemen, this is your Captain speaking. ***We have a small problem****. All four engines have stopped. We are doing our damnedest to get them going again. I* ***trust*** *you* ***are not in too much distress****"* [8].

В данном контексте прилагательное *small* звучит на первый взгляд иронично, однако в сложившейся ситуации его использование вполне оправдано и даже необходимо для снижения «накала страстей» с тем, чтобы и избежать волнения пассажиров и возможного хаоса. Отрицательная конструкция с наречием степени также способствует снижению напряженности ситуации и, таким образом, намеренно преуменьшает масштабы трагедии. Интересно отметить, что несколько лет после этой трагедии капитан воздушного судна так прокомментировал свою реакцию на сложившуюся ситуацию: *"It was, yeah,* ***a little bit*** *frightening"*. В данной реплике деинтенсификатор *a little bit* снижает ту степень эмоционального напряжения и ответственности, которую Эрик Муди испытывал в момент трагедии.

В следующей ситуации министр иностранных дел Египта комментирует текущее положение дел на Ближнем Востоке.

A 2006 interview regarding current affairs in the Middle East with the Egyptian Foreign Minister. Comment by the Foreign Minis-

ter: "I think there's a ***problem*** *between Shias and Sunnis". (BBC World Service, 23:50, Australian Eastern Standard Time, May 18 2006)* [11].

Для того чтобы завуалировать этно-конфессиональный конфликт между шиитами и суннитами, министр прибегает к эвфемизму *problem*, который звучит не так остро, как конфликт, борьба, противоречие. Таким образом, *understatement* в данном случае репрезентируется эвфемизмом.

Список примеров *understatement*, эксплицируемых посредством эвфемизмов, дополняет следующий пример:

"The new EU member states of Poland and Lithuania have been arguing this week for the summit to be called off, and criticizing the German preparations. For historical reasons, the east Europeans are ***highly sensitive*** *to any sign of Germany cutting deals with Russia over their heads". (The Guardian, May 17, 2007)* [13].

Даже не зная политическую подоплеку сложившейся ситуации, из контекста понятно, что прилагательное *sensitive* в данном случае имеет пейоративную окраску и в менее категоричной форме выражает критический настрой стран восточной Европы.

Продолжая политическую тему, а также пополняя серию *understatement*, выраженных эвфемизмами, можно привести следующий пример:

*"The British are feeling the pinch in relation to recent terrorist bombings and threats to destroy nightclubs and airports, and therefore have raised their security level from '***Miffed***' to '***Peeved***'. Soon, though, security levels may be raised yet again to '***Irritated***' or even '***A Bit Cross***'. Brits have not been '***A Bit Cross***' since the Blitz in 1940 when tea supplies all but ran out". (anonymous post on the Internet, July 2007)* [13].

В свете террористических атак настроение британцев описывается при помощи эвфемизмов по мере нарастания напряженности *miffed-peeved-irritated – a bit cross*. Даже в своей кульминационной точке прилагательное с аппроксиматором (*a bit cross*) не передают в полной мере всей остроты и накала эмоций и переживаний британцев в тот момент. А эвфемизм используется в двойных целях: и для политической корректности и для усиления экспрессивного эффекта.

Яркой иллюстрацией *understatement*, эксплицированного эвфемизмом, может служить следующий пример:

*Somali pirates fired a rocket into the side of a cruise ship and it passed through a cabin containing British passengers, one of whom described it as "**a bit of an unpleasant experience**". (http://news.bbc.co.uk/2/hi/africa/4409662.stm Saturday, 5 November 2005, 18:17 GMT)* [14].

В вышеприведенном примере британский пассажир описывает свою реакцию на произошедшую ситуацию, которая, к счастью, не закончилась для него летальным исходом, при помощи *understatement*, реализованного деинтенсификатором *a bit*. Однако, будучи на первый взгляд предназначенной для смягчения острой негативной ситуации, данная лексема иронически подчеркивает подлинную глубину чувств, испытанных в тот момент.

Еще одним ярким примером *understatement*, репрезентированного эвфемизмом, является суждение о второй мировой войне:

*"Historical analysis and speculation by experts over decades now suggests that World War Two **may have been in some obscure way unpleasant and noisy** for the actual participants"* [12].

Как видно, истинные масштабы трагедии вуалируются эвфемизмами *unpleasant* и *noisy*, а модальный глагол *may* и предложное словосочетание *in some obscure way* добавляют некоторой доли вероятности и неопределенности всему высказыванию, преуменьшая значимость этого исторического события.

Поскольку *understatement* предполагает не прямой, а косвенный способ передачи информации посредством полупрозрачных тонов и намеков, необходимо иметь в виду, что высказывание с этим приемом всегда содержит имплицитный смысл. Для того чтобы правильно декодировать этот смысл, требуются определенные фоновые знания и интеллектуальные усилия со стороны коммуникантов, иначе существует риск неправильно интерпретировать сообщение. Примером неправильной трактовки и интерпретации *understatement* является эпизод из Корейской Войны, в ходе которой произошло недопонимание между британским офицером и его американским начальником, в результате которого британские войска потерпели сокрушительное поражение.

*During the Korean War, one of the Crowning Moments of Awesome was the defence of the Imjin River crossings by the British 29th Infantry Brigade (including a Belgian battalion). The 4,000 men of the 29th were told to hold their positions when 70,000 Chinese attacked, and held with insane bravery before finally being overcome. It has been said that one reason the 29th were not ordered to withdraw immediately was because there was a communications breakdown between their commander and his (American) superior. The latter failed to realise that when a British officer says "**Things are a bit sticky here**", he means that the situation is critical* [14].

Вышеприведенный пример еще раз доказывает то, что *understatement* – это исконно англосаксонское явление, которое не всегда понятно американцам и не столь типично для них, что может быть причиной разной степени недопонимания.

Часто к приему *understatement* прибегают политики и дипломаты в самых разнообразных целях: снизить накал страстей в критический момент, чтобы успокоить или придать уверенности населению, повысить свой рейтинг в глазах электората и не испортить свою репутацию, звучать полит-корректно в разных ситуациях и так далее. Так, в нижеприведенном примере британский премьер министр Гарольд Макмиллан использует *understatement* в качестве самооправдания перед народом и тактичного объяснения внезапного ухода министра финансов со своего поста.

*"During a foreign trip in 1958, British Prime Minister Harold Macmillan referred to an incident as a "**little local difficulty**". The incident was the resignation of the Chancellor of the Exchequer and two other finance ministers. Such high level resignations could have been enough to bring down his government"* [8].

В вышеприведенном контексте *understatement* используется для смещения акцента с напряженной политической ситуации и преуменьшения ее масштабов.

Наконец, в научном языке использование *understatement* является вербальной репрезентацией так называемого *"cautious language"*, который способствует созданию и поддержанию объективности в научном дискурсе.

Например, в трёхтомном труде по логике и философии математики Альфреда Норта Уайтхеда и Бертрана Рассела «Осно-

вания математики», выпущенном в 1910, 1912 и 1913 годах, упоминается, что всем известная простейшая пропозиция может быть иногда, время от времени, полезной.

"Similarly, the Principia Mathematica, upon proving that 1+1=2, remarks "The above proposition is ***occasionally*** *useful"* [14].

Вышеупомянутое утверждение является типичным примером *understatement*, так как книга *"Principia Mathematica"* стала большим достижением в двух отношениях: она существенно продвинула развитие математической логики и внесла существенный вклад в выяснение сущности математического знания. Таким образом, наречие *occasionally* минимизирует степень полезности данного научного труда.

Итак, проанализированный материал позволяет сделать вывод, что *understatement* широко репрезентирован в самых разных социально-исторических контекстах и может выражаться целым спектром лексико-грамматических средств, к числу которых относятся деинтенсификаторы, модификаторы степени, модальные глаголы, различные виды отрицания, эвфемизмы и другие лингвистические средства, способствующие смягчению высказывания и снижению его категоричности. При этом важно подчеркнуть, что в основе всех вышеназванных языковых средств репрезентации *understatement* лежит дистанцированность и сдержанность британцев как ценностные ориентации англоязычной коммуникации. Таким образом, проведенный нами анализ позволяет утверждать, что *understatement* отражает квинтэссенцию британского национального характера и менталитета англосаксов в целом.

Список литературы

1. Абаев В.И. Понятие об идеосемантике //Язык и мышление. Вып. 11. М.; Л., 1948.
2. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М.: Языки славянской культуры, 2001. 288 с.
3. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996. 416 с.
4. Джиоева А.А. Об универсальном и идиоэтническом в семантике языка // Вопросы иранистики и алановедения. Научная конференция, посвященная 90-летию В.И. Абаева. Владикавказ, 1990. с. 24-26.
5. Wierzbicka A. Different Cultures. Different Languages. Different Speech Acts // Journal of Pragmatics. Vol. 9. № 2-3. 1985. p. 145-178.
6. Wierzbicka A. Soul and Mind: Linguistic Evidence for Ethnopsychology and Cultural History // American Anthropologist. Vol. 91. № 1. 1989. p. 41-57.
7. Wierzbicka A. Cross-cultural Pragmatics. The Semantics of Human Interaction. NY, 1991. 502 p.
8. <http://tvtropes.org/pmwiki/pmwiki.php/Main/Understatement>.

9. <http://en.wikipedia.org/wiki/British_Airways_Flight_9>.
10. <http://en.academic.ru/dic.nsf/enwiki/357579>.
11. <www.thefullwiki.org/Understatement>.
12. <www.examplesof.com/en/understatement.html>.
13. <http://grammar.about.com/od/tz/g/understateterm.htm>.
14. <http://allthetropes.wikia.com/wiki/Understatement>.

Об авторах

Джиоева Алеся Александровна – д.филол.н., профессор МГУ имени М.В. Ломоносова. Профессор МГИМО (У) (совместитель). Профессор программы У. Фулбрайта. Почетный профессор Юго-Осетинского государственного университета имени А. Тибилова. Научная специализация: культурная антропология, межкультурная коммуникация, синтаксис, семантика, нейролингвистика, теория и методика преподавания иностранных языков. E-mail: alecia28@yandex.ru

Иванова Виктория Геннадьевна – преподаватель кафедры английского языка № 1 МГИМО (У)МИД России. Научная специализация: лингвокультурология, когнитивная лингвистика, грамматика английского языка. E-mail: curator51@rambler.ru

LINGUISTIC MEANS OF REPRESENTING *UNDERSTATEMENT* IN BRITISH LINGUOCULTURE

A.A. Jioeva

Lomonosov Moscow State University, 1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia.

V. G. Ivanova

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *The article analyzes the main linguistic means of representation of understatement as one of the key cultural dominants of the Anglo-Saxon linguistic model of the world, reflecting the axiological values of the British and not having any direct correlates in other languages, and determines the importance of this concept in the mentality of the British and the British linguoculture. The authors point out that the notion of understatement occupies such an area of linguistic worldview which is connected, on the one hand, with the world of thought, and on the other, with the semantics of the language. During the analysis the uniqueness of understatement is highlighted, which consists in the fact that on the one hand, this phenomenon can be seen as a linguaspecific concept, on the other hand, it can act as a widespread linguistic device. The analysis allowed to reveal the most typical situations of understatement realization, the basic linguistic means of its representation, as well as the underlying communicative, cultural and axiological values. The analyzed material demonstrates that understatement is represented widely in different socio-historical contexts and can be expressed by a range of lexical and grammatical means, which include detensifiers, modifiers of degree, modal verbs,*

various kinds of negation, euphemisms and other linguistic devices to soften statements and make them less categorical. It is distancing and restraint as the axiological values of English communication that underlie the aforementioned linguistic means of representation of understatement. Thus, the analysis allows us to conclude that understatement reflects the quintessence of the British national character and the mentality of the Anglo-Saxons in general.

Key words: understatement, linguistic view of the world, linguaspecific concept, linguistic means of representation, British linguoculture, stoicism, stiff upper lip, euphemisms, detensifiers, modal verbs, negation.

References

1. Abaev, V.I. Ponjatie ob ideosemantike [The notion of idiosemantics] // Jazyk i myshlenie [Language and thought]. No. 11. M.; L., 1948.
2. Vezhbickaja, A. Ponimanie kul'tur cherez posredstvo kljuchevyh slov [Understanding cultures by means of key words]. M.: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2001. 288 p.
3. Vezhbickaja, A. Jazyk. Kul'tura. Poznanie [Language. Culture. Cognition]. M.: Russkie slovari, 1996. 416 p.
4. Dzhioeva, A.A. Ob universal'nom i idiojetnicheskom v semantike jazyka [About universal and idioethnic] // Voprosy iranistiki i alanovedenija. Nauchnaja konferencija, posvjashhennaja 90-letiju V.I. Abaeva [The questions of Iranian studies. Scientific conference, devoted to V.I. Abaev's 90 jubilee]. Vladikavkaz, 1990. p. 24-26.
5. Wierzbicka, A. Different Cultures. Different Languages. Different Speech Acts // Journal of Pragmatics. Vol. 9. № 2-3. 1985. p. 145-178.
6. Wierzbicka A. Soul and Mind: Linguistic Evidence for Ethnopsychology and Cultural History // American Anthropologist. Vol. 91. № 1. 1989. p. 41-57.
7. Wierzbicka A. Cross-cultural Pragmatics. The Semantics of Human Interaction. NY, 1991. 502 p.
8. <http://tvtropes.org/pmwiki/pmwiki.php/Main/Understatement>.
9. <http://en.wikipedia.org/wiki/British_Airways_Flight_9>.
10. <http://en.academic.ru/dic.nsf/enwiki/357579>.
11. <www.thefullwiki.org/Understatement>.
12. <www.examplesof.com/en/understatement.html>.
13. <http://grammar.about.com/od/tz/g/understateterm.htm>.
14. <http://allthetropes.wikia.com/wiki/Understatement>.

About the authors

Alecia A. Jioeva – Doctor of Linguistics, Professor of Lomonosov Moscow State University, MGIMO-University (part-time). Professor of the Fulbright Program. Honourable Professor of South Ossetian State University named after A. Tibilov. Scientific interests: cultural anthropology, cross-cultural communication, syntax: semantics, neurolinguistics, theory and methology of foreign language teaching. E-mail: alecia28@yandex.ru

Victoria G. Ivanova – assistant lecturer of English Language Department № 1 at MGIMO-University. Scientific interests: linguocultural studies, cognitive linguistics, grammar of the English language. E-mail: curator51@rambler.ru

* * *

АКТУАЛИЗАЦИЯ ПОНЯТИЯ «ЭТНОЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ КОД» В СИМВОЛИЧЕСКОЙ ЛИНГВОСЕМИОТИКЕ ПОЛИЯЗЫЧНОЙ ИХТИОСФЕРЫ

А.С. Захарова

Волгоградский государственный аграрный университет. 400002, Россия, Волгоград, пр. Университетский, 26.

Статья посвящена уточнению понятия «этнолингвокультурный код», а также рассмотрению его структуры и содержания в ихтиосреде. Показана актуализация ихтиокода посредством сугубо семиотических маркеров символизации и их последующее переключение (преобразование) в специфические символьные значения знаков-номинаций, именуемых прагматонимы. Исследование проведено на материале полиязычной ихтиосферы (русский, французский, английский и немецкий языки).

Ключевые слова: бинарность, дискурс, знак, ихтиосфера, код, кодирование, семиотика, семантика, текст, этнос, этнокультура, этнолингвокультура

Отечественный исследователь Л.Ф. Чертов, используя информационный подход, подробно описывает природу кода – его генетическую связь с информацией: код – это «…набор правил, норм, ставящих в соответствие определённым сигналам или знакам некоторые фиксированные «значения», под которыми… могут пониматься какие-либо состояния источника информации, канала связи (например, другие сигналы и знаки) или приемника информации, в частности определённые психические образы: понятия, представления и т.п.» [19].

В терминологии Ю.А. Шрейдера, «…код является как раз той самой «метаинформацией», без которой невозможна любая интерпретация поступающих извне сигналов» [18, с. 12].

Одним из первых дополнительный элемент в информационную модель коммуникации включил Роман Якобсон, но трактовал код широко – как инструмент создания сообщения, что очевидно размывало границы понятий «код» и «язык». Р. Якобсон, как известно, связывал с кодом и особую функцию – метаязыковую, которая позволяет говорящему пояснять смысл сообщаемого [20].

Таким образом, важной характеристикой кода является его способность управлять процессом познания реципиента, задавать направление этого процесса и – в какой-то мере – одновременно ограничивать его ход, определяя границы множества векторов.

Структура и содержание понятия «этнолингвокультурный код» непротиворечиво вытекают из концепции Ролана Барта о риторике образа, которая заключается в том, что материальная действительность сигнализирует о себе менталитету человека разного рода сообщениями, основанными на знаках – визуальных (собственно образ) и вербальных (языковая экспликация или имя образа). Ролан Барт называет эти сообщения кодами, одновременно полагая, что и тот и другой имеют этнокультурное основание [3]. Это этнокультурное основание Р. Барт именует специфическим обозначением этнической территории, на которой развивается этот код – «итальянскость», «французскость», «испанскость», «немецкость», «английскость» и т.п.

Как отмечает Р. Барт в другой своей книге – «S/Z», «…все культурные коды, будучи составлены из множества цитаций, в совокупности образуют небольшой, диковинно скроенный свод энциклопедических знаний …расхожую «реальность», к которой приспосабливается и в которой живет индивид» [4, с. 280]. Таким образом, можно предположить, что эти цитации, т.е. ассоциации знаков с определёнными сугубо этническими (этноспецифическими) установлениями, характерными только для данной этнообщности, вступают в процессы кодирования реальности и декодируются в непосредственной коммуникации через толкования, контексты, апелляции к картинам мира, сформированным в общенациональном менталитете.

Важным свойством этих процессов является *бинарность* продуцируемых кодов: бинарные коды – это коды, которые состоят только из двух символьных состояний, например: чёрный или белый, светлый или тёмный, проводник или изолятор и т.п.; языковая антонимия – среда бинарного кодирования. К бинарным кодам относятся также противопоставления этноспецифического характера: *русский – нерусский, английский – неанглийский, англоязычный – неанглоязычный* (*иноязычный*) и т.п.

Понятие *этнолингвокультурного кода* также непротиворечиво вытекает, во-первых, из понимания категории бинарности

как среды кодирования информации о мире [8]; во-вторых – из понимания коммуникации как семиотического феномена, в котором реализуется признак этничности – эксплицитно или имплицитно [6].

Бинарность кода складывается из признака этничности, включённого в семантику той или иной лексической единицы – например, наименования рыбы или иных продуктов водной среды, наложенного на обстоятельства его использования в коммуникации. Известно, что «…бинарность представляет собой основу бытия и мышления, универсальный принцип онтологии западной цивилизации. Бинарные оппозиции не разрушают единство, а выступают необходимым фактором генезиса, функционирования и развития продуктивных форм человеческого бытия. Бинарность делится на следующие типы: 1) горизонтальный и вертикальный. Первый декларирует паритетность и внеценностность обоих полюсов, второй диктует предпочтения одного другому; 2) закрывающий и открывающий, первый представляет собой диаду, конституирующую оба полюса оппозиции, второй стремится к форсированию одного полюса и стигматизации другого <…> Эта диада, абстрактным эквивалентом которой выступает дихотомия «изменчивость vs. статичность», порождает диаметрально противоположные онтологические платформы, взаимодействующие друг с другом на протяжении всей истории человечества в соответствии с тенденциями функционирования бинарных оппозиций» [8, с. 8].

В чем заключается бинарность признака этничности при этнолингвокультурном кодировании? Когда мы имеем в виду этнолингвокультурное кодирование, то под этнолингвокультурным кодом мы понимаем некую сущность, которая представляет собой набор знаков; их смысл конституирован а) наличием маркера этничности (русскость); б) наличием бинарной отграниченности от других культур (не-русскость); в) наличием сопутствующих знаков, поддерживающих ценность семиотики первичных знаков (русскость, так как есть еще и другая русскость).

Справедливо отмечено В.М. Савицким: «…Если код представляет собой знаковую систему, выступающую в определенных функциях, а культурный код – образную систему культуры,

рассматриваемую в её знаковом аспекте, то лингвокультурный код – это культурный код, обретший естественноязыковое воплощение. Лингвокультурные коды обладают национально-культурной спецификой. Всякий носитель этнолингвокультуры с ранних лет усваивает эти коды вместе с родным языком» [14, с. 126].

Следуя идеям В.М. Савицкого, а также Г.М. Боваевой и А.В. Олянича, таким образом, под *этнокультурным кодом* будем понимать семиотический феномен коммуникации, состоящий в комбинациях знаков, пропущенных через коллективный менталитет определённых нации, народа, этноса, заключённых в общеэтнической культурной памяти и существующих в рамках их культурных установлений, понятных только их социуму [5].

Представляется, что в конкретной текстовой (дискурсивной) актуализации в границах потребностной коммуникации, а точнее – в коммуникации ихтиологической, связанной с процессами добычи, обработки, приготовления, подачи и потребления как рыбы, так и прочих продуктов водной среды (ихтиосферы), культурный, этнокультурный и лингвокультурный коды способны сливаться в один общий – *этнолингвокультурный* – код [12]. Этот код реализует свой объяснительный потенциал внутри особых типов культуры – аква- и ихтиокультуры и далее репрезентируется нами как *этнолингвокультурный ихтиокод*.

В лингвосемиотическом отношении актуализация этнолингвокультурного кода в ихтиосфере осуществляется посредством особых знаков – *номинаций-ихтионимов*, погружённых в соответствующую коммуникацию и выступающих в ней как знаки-прагматонимы.

Потребностная ориентация прагматонимов носит прагматический (утилизационный) характер: исследователи относят эти знаки к разряду онимов, в котором «…объединены различные категории имён собственных, имеющие денотаты в прагматической сфере деятельности человека, связанные с практической, предметной областью» [16, с. 29]. Для Н.В. Подольской прагматоним представляет собой номинативную единицу, денотатом которой выступает предмет или явление из области повседневной прагматической деятельности любого социума [13]. Характеризуя прагматонимы, Л.Р. Ермакова и А.П. Седых отмечают, что «…данный

тип знаков имеет семиотический и этнокультурный характер; эти онимы относятся к реальным знакам внешнего мира, вместе с тем, они обладают особым, культурно обусловленным семиотическим «зарядом». Речь здесь идёт об этнокультурных коннотациях, вызывающих в сознании говорящего на национальном языке ассоциации, обусловленные степенью его семиотического включения в конкретный социокультурный континуум» [10, с. 33].

Этнолингвокультурный ихтиокод в прагматонимах-ихтионимах полиязычной ихтиосферы актуализируется в виде семиотических национально-специфических ассоциаций, рефлектирующих этнокультурные символические коннотации при употреблении прагматонимов-ихтионимов в этнической речи. Здесь включаются механизмы кодирования и типизации национального отношения к тому или иному виду рыбы, который составляет национальное достояние (ценность и культурную значимость).

Так, в семантике ихтионима *salmon* (лосось) закодировано отношение англоязычного социума к этой рыбе как к символу изобилия, знания, вдохновения: среди американских индейцев распространено мнение, что во внутренностях лосося находится огонь; ср. проанализированные К. Леви-Стросом индейские мифы об освобождении лососей, которым мешают воздвигаемые койотом речные пороги [11]; лосось – эмблема Фингэла, героя фенианского цикла ирландских легенд, одна из которых приписывает лососю свойство придания мудрости.

Рэчел Эрбакл, исследовательница ирландского фольклора, так пишет об этом значении лосося в кельтской мифологии: *“The Salmon of Knowledge (Irish: bradán feasa) is a creature figuring in the Fenian Cycle of Irish mythology. This salmon was sometimes called Fintan (or Finntan) in ancient times. (It is sometimes confused with Fintan mac Bóchra, who was known as “The Wise” and was once transformed into a salmon.) Stories differ on whether Fintan was a common fish or one of the Immortals, that could be eaten and yet continue to live. The Salmon figures prominently in The Boyhood Deeds of Fionn, which recounts the early adventures of Fionn mac Cumhaill. According to the story, an ordinary salmon ate nine hazelnuts that fell into the Well of Wisdom (aka Tobar Segais) from nine hazel trees that surrounded the well. By this act, the salmon gained*

all the world's knowledge. Moreover, the first person to eat of its flesh would, in turn, gain this knowledge" [21].

Мужество, плодородие, храбрость, мудрость, предвидение – это символика, заключённая в номинации «лосось» и обычная у народов Северной Европы и американского Северо-Запада. Лосось, борющийся с течением во время своего пути к месту нереста, стал тотемическим символом щедрости и мудрости природы. Превращения лосося (из икринки в рыбу) и его фаллическая форма вдохновили кельтов на создание мифа о Туане Мак-Кайрилле, который в образе лосося, будучи подан в качестве деликатеса, оплодотворил ирландскую королеву. Ирландский герой Финн поранил большой палец, когда готовил Лосося Мудрости. С тех пор стоило ему пососать свой палец – и он обретал тайные знания и получал дар предвидения [17][1].

Дж. Дэй замечает, что во времена Шекспира ихтионим *карп* являлся символом хитрости и изворотливости: "People regarded the carp as cunning, and one book published a little before Shakespeare's time claimed that the carp even "holds seaweed in its mouth at the bottom of the water, so as to get over the net and escape" [22]. Не случайно, поэтому, что в «Гамлете» Шекспира Полоний на свой лад произносит поговорку "Tell a lie and find a truth", бытовавшую в те времена: *"Your bait of truth takes this* ***carp*** *of truth"*. (Полоний: И примечай, как на приманку лжи ты рыбку истины поймаешь – Перевод А. Кронеберг).

Плотва (dace) и *щука* (pike) – ихтионимы, появляющиеся в тексте пьесы Шекспира «Генрих IV» и символизирующие: первая – беззащитность, хрупкость и неосторожность; вторая – кровожадность, неотвратимость, силу. Так, философствуя о человеческих отношениях, Фальстаф использует образ щуки, глотающей приманку в виде плотвы:

"Falstaff: Well, I'll be acquainted with him, if I return; and it shall go hard but I will make him a philosopher's two stones to me: if

[1] Ср. также: "As an ancient Celtic symbol, the symbolic meaning of fish (salmon, specifically) dealt with knowledge, wisdom, inspiration and prophecy. Ancient Celts believed the salmon derived its wisdom from consuming the sacred hazel nuts from the well of knowledge (Segais). Further, they believed to eat the salmon would mean gaining the wisdom of the well too" [23].

*the young **dace** be a bait for the old **pike**, I see no reason in the law of nature but I may snap at him. Let time shape, and there an end"* (Что ж, я непременно заведу с ним знакомство, когда вернусь, и будь я не я, если он не станет для меня обоими философскими камнями сразу. Если молодая плотва служит приманкой для старой щуки, то я не вижу, какой закон природы может мне помешать проглотить его. Придёт время, увидим (Перевод Владимира Морица и Михаила Кузмина).

Семантику хитрости номинация *carp* обнаруживает также и в комедии Шекспира "All's Well That Ends Well" («Все хорошо, что хорошо кончается»): шут сравнивает карпа с изворотливым котом: *"Here is a purr of fortune's, sir, or of fortune's cat, but not a musk-cat, that has fallen into the unclean fishpond of her displeasure, and, as he says, is muddied withal: pray you, sir, use the **carp** as you may; for he looks like a poor, decayed, ingenious, foolish, rascally knave. I do pity his distress in my similes of comfort and leave him to your lordship"* (Вот как мурлыкает Фортуна, мессир, или Фортунин кот! Только уж никак не мускусный кот! Он упал в грязный садок её немилости и, говорит, весь вывалялся в грязи; прошу вас, поступите с этой рыбой как вам будет угодно; выглядит он как бедный, обнищавший, хитрый, глупый мошенник; будучи сам обласкан Фортуной, я сожалею о его несчастье и оставляю его на попечение вашей светлости. – Перевод Т.Л. Щепкиной-Куперник).

Вивероним *пескарь* (*gudgeon*) также не обойден вниманием классика: в Золотой век Елизаветы Великой пескарь семиотизировал образ простака, доверчивого, глупого, наивного, но в то же время бесстрашного человека. Таким образом, становится ясным, почему Грациано в «Венецианском купце» (The Merchant of Venice) заявляет: Graziano: *I do know of these That therefore only are reputed wise For saying nothing; when, I am very sure, If they should speak, would almost damn those ears, Which, hearing them, would call their brothers fools. I'll tell thee more of this another time: But fish not, with this melancholy bait, for this **fool gudgeon**, this opinion.* (Грациано: О мой Антонио, иной ведь умным Слывет лишь потому, что он молчит. Заговорив, он ввёл бы в грех людей – Они его назвали бы болваном. В другой раз я скажу об этом больше,

Но брось ловить на удочку тоски Такую славу – пескаря шального. – Перевод О.Э. Мандельштама).

Щука (pike) в мифологии древних англосаксов также являет собой символику мудрости и ассоциируется с долголетием, что отражается в легендах о короле Артуре, волшебнике Мерлине и рыцарях Круглого стола. Так, Уорта, будущего Короля Артура – героя романа-фантазии Т.Х. Стоуна «Меч в камне», основанного на легендах о приключениях рыцарей Круглого стола, Мерлин, его наставник, берет с собой в путешествие за познанием и мудростью. Однажды Мерлин превращает своего ученика в рыбу, и они вместе встречаются с мессиром Пайком – древней щукой, которая делится с Уортом своими представлениями о сущности власти: *"Power is of the individual mind, but the mind's power is not enough. Power of the body decides everything in the end, and only Might is Right"* [24].

Сам Т.Х. Стоун в своих комментариях к роману так напишет о мудрости щуки, в которой он видит олицетворение монархической власти: *"The great pike presents a simplistic view of power and the nature of leadership. He insists that power is a value in itself, to be sought and exercised for its own sake and instituted by physical force. The Wart's discussion with the pike is his first exposure to a philosophy of government that emphasizes force. The Wart responds to the pike's views with disgust, which suggests that he has the potential to be a just, good ruler. This quote is also important because it presents the vocabulary of power and morality that will dominate Arthur's mind for the rest of his life. He begins to consider the relationship between "Might" and "Right," and to criticize the status quo of English society. Arthur's firsthand experience with the pike's style of leadership motivates him to be a different type of ruler and to formulate a new type of philosophy about war and justice"* [24, с. 125].

Щука в англоязычной лингвосемиотической картине мира – это знак осторожности, тщательного продумывания своих действий, внимательности и осмотрительности; это характеристика опасного субъекта: так, в английском языке зафиксирована лексема *piker*, noun *Slang*. 1. A cautious gambler. 2. A person regarded

as petty or stingy[2] – номинация осмотрительного человека, мудрого, хитрого, опасного и осторожного.

В англоязычных лингвокультурах *eel* (угорь) символизировал (кодировал) негативное отношение как к чему-то скользкому, неприятному. В Новой Зеландии угорь – это характеризация скользкого, изворотливого, хитрого и неприятного человека, к которому следует относиться с недоверием.

Немецкие хозяйки, когда готовят рождественский или новогодний праздничный стол, в обязательном порядке подают на него сельдь (ихтиономинация *der Hering*) или карпа (ихтиономинация *der Karpfen*). Чешуя у них похожа на монетки, и является у немцев символом богатства. Считается если её положить в кошелек, то финансовое положение владельца кошелька заметно улучшится. Угорь (ихтиономинация *der Aal*) – символ благополучия, изобилия и удачи у моряков Гамбурга и всего немецкого побережья Северного моря (самыми популярными рыбными блюдами здесь являются копчёный угорь и суп с ним – *Aalsuppe*, которые сами по себе являются символами изобилия и сытости).

Лаврак, налим, тунец, лосось и форель и т.д., входящие в оригинальный марсельский «буйабес» (наваристый суп из многих сортов рыбы), свежие морские ежи и морские гребешки, моллюски, устрицы, мидии, лангусты и омары – вот далеко не полный перечень морепродуктов, которые являются непременной составляющей этнокультуры Франции, и, соответственно, ихтиономинации этих продуктов своей семиотикой включаются в содержание национального этнокультурного ихтиокода.

Французская ихтиономинация *turbot* (тюрбо, разновидность камбалы) в кодированном виде содержит в своей семантике значения красоты и христианского воздержания; французы эту рыбу ценят более всего – как писал Александр Балтазар Лоре Громо де ла Рейнье (1758-1838), своего рода предводитель гурманов того времени и автор многих гастрономических сочинений и книг, «Тюрбо, по причине своей красоты называемый

[2] Excerpted from *The American Heritage® Dictionary of the English Language, Third Edition* © 1996 by Houghton Mifflin Company. Electronic version licensed from INSO Corporation; further reproduction and distribution in accordance with the Copyright Law of the United States. All rights reserved.

«морским фазаном», а из-за своих размеров заслуживший титул «короля поста», перестал бы быть гордостью и славой нашей кухни, если бы перед подачей к столу его разрезали на куски».

В ряде других ихтиономинаций присутствуют семиотико-символические ассоциации в ранге ихтиокода. Так, *налим* считался на Руси особо хитрой и умной рыбой-оборотнем. Всегда отвечающим добром на добро. Незабвенный тип «премудрого *пескаря*» как символ мудрости, осторожности и хитрости выведен в одноименной сатирической сказке М.Е. Салтыкова-Щедрина. Русский *осётр* – символ царственности и благородства. Американка Инга Сэффрон, автор монографии о русской осетровой (чёрной) икре, обращает внимание на семиотику закодированной в этом продукте национальной идентичности: «Чёрная икра – это всего лишь одно из ярких пятен в мозаике русской культуры. Это незатейливое блюдо, для приготовления которого надо просто смешать осетровую икру с солью, остаётся неотъемлемой принадлежностью национального стола на протяжении по крайней мере тысячелетия» [14, с. 349].

Славяне змеевидных *угря* и *вьюна* причисляли к «гадам», считали погаными и родственными змеям. Верили, что угри спариваются со змеями. Вьюна называли «змеев брат», считали змеёй в двенадцатом поколении. Отсюда распространенный запрет употреблять этих рыб в пищу. Угря позволялось есть лишь в случае, «когда в семи городах рыбы отыскать будет не можно» (у русских). Угрей не ловили и из опасения, что он может удушить человека. Кровь его считали смертельно ядовитой.

Ёрш в русскоязычном менталитете ассоциирован с образом «ершистого», колючего человека, с которым трудно общаться, так как он во всех видит врагов. В семиотике номинации *плотва* закодировано славянское этнокультурное отношение к этой рыбе как вестнику удачи, как к символу плодородия, символу возрождения и весны. Так, среди примет русского народа существует поверье, что «…плотва трётся в первый раз на вербной, в другой, когда распустится берёза, в третий – на Вознесенье» [1]. В сибирских реках водится царская рыба *тугун*, у славянских народов она ассоциирована именно с властью и богатством. Байкальский *омуль* в русской лингвокультуре – номинация, ихтиокодом которой являются чистота и непорочность.

Щука своими необыкновенными свойствами удивляла древних славян: так, в легендах русичей присутствует карлик-колдун, который жил в озёрной глубине и хранил несметные сокровища; он являлся людям в образе щуки. Самым важным щучьим качеством считалась её необыкновенная плодовитость. В старину на Руси существовал такой обычай: по первой щуке, пойманной весной, люди судили о будущем урожае. Оценивалось не только количество икры, но и ее расположение: если икра в щуке была толще к голове, то лучший урожай ожидали от ранних посевов, если к хвосту – то от поздних; ровная икра предвещала посредственный урожай. Хребтовые кости щук подвешивали к воротам; это средство должно было предохранить от повальных болезней типа чумы или холеры. Щучьи зубы тоже собирали и носили при себе, так как считалось, что это спасает от укусов змей. Для рыбаков внезапное появление щуки из воды, если она при этом плеснет хвостом, означало, что рыбаку осталось жизни не больше пяти лет [2].

Н.Е. Грысык отмечает, что «…щука обладает рядом признаков, определивших и мифологическое значение контекстов, в которых она присутствует. Одним из важнейших ее атрибутов являются острые зубы. Этот признак постоянно подчёркивается в различных жанрах русского фольклора, например в сказках: «щука зубастая», «щука востра» и др. Некоторые русские загадки построены на употреблении слов и выражений в переносном смысле: зубы щуки – серп, коса. Например: *Щука прянет, весь лес вянет; Летела щука потатура, леса потронула, леса-то пали, горы-то встали.* В русских пословицах также подчёркивается этот атрибут щуки: *Щука умерла, да зубы остались* (снулая неосторожным откусывает пальцы)» [9, с. 55].

Щука как семиотический феномен у русскоязычных народов также обладает семантикой благополучия: в подблюдных русских народных песнях она предвещает замужество и является символом богатства: *Идёт щучка / Из Бела-озера. Слава! / Воз везла / Из Новагорода, / На щучке фуфаечка / Серебряна-позолочена, / Как два глаза, / Как два яхонта. / Кому песню поем, / Тому добро. / Кому сбудется, / Не минуется. Слава!* [2].

В русском фольклоре в трансформированной форме рефлексированы представления о щуке как о хозяине водоемов. В

былине-пародии «Небылица про щуку из Белого озера» говорится об огромной щуке, одной щеки которой оказывается достаточным, чтобы накормить большой пир. Мотив щуки, проглатывающей детей и животных, восходит к представлениям о жертвах, приносимых хозяину воды: *Да во славном было да Беле-озере / Заселилась да щука преогромная. / Да ребят-де хватат, да жеребят глотат* [7].

По представлениям русских, водяной может выступать в образе щуки. Иногда его облик состоит как из архаических зооморфных черт (и том числе щучьих зубов, рыбьей чешуи), так и более поздних – антропоморфных: *«Ростом аршина полтора, ширина в плечах около аршина, голова большая, глаза мутные, бровей и ресниц не было... рот широкий, зубы белые, резкие и острые, как у щуки, руки длинные, с тонкими пальцами, между которыми, как и на ногах перепонки... все тело покрыто чешуей цвета кожи»* [1].

На представления, связанные с щукой, в некоторой степени повлияли поздние христианские представления о рыбах: рыба – это символ Христа. Крест на голове щуки, образованный перекрещиванием костей, у англосаксов символизирует страдания Христа; у русских молокан по этой причине существует запрет на употребление щуки в пищу [9].

Сом (*catfish*) – ещё один символический архетип, лингвосемиотически репрезентированный как знак-мифологема в англо- и русскоязычной ихтиосферах. В русских мифологиях сом является любимой рыбой водяного: тот разъезжает на соме верхом, а, кроме того, сом приносит водяному утопленников, именно поэтому сома в народе часто называют чёртова лошадь (ср. у Владимира Даля: «СОМ м. рыба *Silurus glanis*, головастая, хищная и прожорливая, акула больших рек; глотает уток и гусей, нередко хватал и купальщиков, поймал за лапу плывшего медведя, который выволок его на берег, и оба были убиты. Многие сомовину, сомятину считают поганой, а сома чёртовым конем. Сомятник, бранное кто ест сома»[3].

Сом зачастую в фольклоре ассоциирован с семиотикой нечистого, опасного, запретного, что рефлектируется в русско-

[3] Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка в 4-х т. СПб. М.: Издательство: Тип. М.О. Вольфа, 1880-1882.

язычной ихтиосфере через паремии опасности (*Попал, как сом в вершу*) и страха (*Бух да бух, что сомина на плесу*). Он также ассоциирован с осторожностью и агрессией. Как в русскоязычной, так и в англоязычных культурах сом – знак таинства, темноты: его поведенческие предпочтения рефлектированы, например, в русской загадке *На дне, где тихо и темно, / Лежит усатое бревно*; британская энциклопедия Энкарта характеризует сомов как существ ночных, таинственных, живущих только на дне водоёмов (ср. *Catfishes are mostly nocturnal scavengers, living near the bottom in shallow waters*).

Сом – часто знак существа опасного и ядовитого: так, у того же Владимира Даля читаем: «*Сомовий пирог, с сомовиною, мясом сома; оно весьма жирно, но дурного вкуса; едят только плеск* [хвост – А.З.]»; из головы сома обычно удаляют шишковидную железу, поскольку она ядовита – по поверью, съешь уху со сваренной в ней головой сома, из которой эту железу не удалили – будешь корчиться в предсмертных муках. Энкарта также свидетельствует о ядовитости плавников сома: *The dorsal and pectoral fins are often edged with sharp spines that are used in defense and can inflict severe wounds. In some cases they are poisonous*.

Сом – символ отсутствия уюта, символ холода: так, о плохих шубах московские остряки XIX столетия говорили, что они *«на рыбьем меху»*, т.е. холодные: *«у кого-то шуба соболья, а у нее – сомовья»*.

Подведём некоторые итоги.

Этнолингвокультурный ихтиокод представляет собой феномен лингвосемиотики, в задачи которого входит семиотическое и ассоциативное кодирование национального отношения к окружающей представителей полиязычного этноса к обитателям водной среды как участка действительности.

При употреблении ихтионимов-прагматонимов как элементов лексической системы того или иного языка в речи происходит двоичное декодирование образа представителя ихтиосферы – как сугубое отношение его к биологическому классу / типу / виду / подвиду / отряду и пр. и одновременно как символ этноспецифического отношения к нему как к живому существу, продукту аквакультуры.

В ходе декодирования актуализируются символьные значения ихтиокода, обеспечивающие представления полиязычного этносоциума о мире в целом; одновременно происходит семиотическая аппликация мира водной стихии к человеческим качествам и характеристикам.

Список литературы

1. Архив государственного музея этнографии народов России АГМЭ, ф. 7. оп. 1, № 296, л. 24.
2. Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. М., 1868, Т. 2. с. 161.
3. Барт Р. Риторика образа. В: Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика / Пер. с фр., вступ. ст. и коммент. Косикова Г.К. М.: Прогресс, 1989, с. 297-318.
4. Барт Р. S/Z / Перевод Косикова Г.К. и Мурат В.П. Общая редакция, вступит. статья Косикова Г.К. М.: Ad Marginem, 1994. с. 277-302.
5. Боваева Г.М., Олянич А.В. Лингвокультурная специфика знаков этнических пищевых предпочтений калмыцкого, русского и немецкоязычных народов: монография. Волгоград: ИПК ВолГАУ «Нива», 2013. 200 с.
6. Буряковская В.А. Признак этничности в семантике языка (на материале русского и английского языков). Дисс. канд. филол. наук. Специальность 10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое, сопоставительное языкознание. Волгоград, 2000. 160 с.
7. Былины. М., 1958. с. 452.
8. Воробьева Е.Ю. Бинарность и ее архетипические основания. Автореф. дисс. канд. филос. наук. Специальность 09.00.01 – онтология и теория познания. Омск, 2005. 21 с.
9. Грысык Н.Е. Щука в верованиях, обрядах и фольклоре русских // Из культурного наследия народов Восточной Европы. Сборник Музея антропологии и этнографии, т. XLV. СПб., 1992. с. 56-61.
10. Ермакова Л.Р., Седых А.П. Языковая картина мира и прагматонимы «каша», «porridge» и «bouillie». Вестник ИГЛУ. № 2. Иркутск, 2010. с. 30-35.
11. Леви-Стросс К. Мифологики: сырое и приготовленное. М.: Флюид, 2006. 399 с.
12. Очерки по этнолингвосемиотике потребностной коммуникации: коллективная монография. Под общей ред. д. филол. н., проф. Олянича А.В. Волгоград: ИПК ВолГАУ «Нива», 2014. 344 с.
13. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии [Текст] / отв. ред. Суперанская А.В.; АН СССР, Ин-т языкознания. М.: Наука, 1988. 187 с.
14. Савицкий В.М. Порождение речи: дискурсивный подход. Монография [Текст]. Самара: ПГСГА, 2013. 226 с.
15. Саффрон И. Икра: светлое прошлое и темное будущее великого деликатеса / Пер. с англ. М.: Колибри, 2006. 356 с.
16. Суперанская А.В. V. Blanar. Theoria vlastneγo mena: Рецензия [Текст] // Вопросы языкознания. 1999. № 3. с. 43-50.
17. Тресиддер Д. Словарь символов. М., 1999.
18. Шрейдер Ю.А. Логика знаковых систем. Элементы семиотики. М.: Едиториал УРСС, 2010. 64 с.
19. Чертов Л.Ф. Знаковость: опыт теоретического синтеза идей о знаковом способе информационной связи. СПб., 1993. с. 34.
20. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М., 1975.
21. Arbuckle R. Celtic Fish <http://itmovesmemorelol.tumblr.com/post /44956802394/celtic-fish-by-rachelarbuckle-the-salmon-of>.
22. Day J. Shakespeare the Angler. <http://compendium.legiodra-conis.com/fishy_heraldry.html>.
23. Symbolic Meaning of Fish <www.whats-your-sign.com/symbol-for-twin.html>.
24. White T.H. The Sword in the Stone. L.: Collins, 1938. 312 p.

Об авторе

Захарова Алла Сергеевна, старший преподаватель кафедры иностранных языков факультета сервиса и туризма Волгоградского государственного аграрного университета. Сферы научных интересов: лингвосемиотика, лингвокультурология, дискурсология, концептология. E-mail: allazakharova@mail.ru

MAINSTREAMING OF THE CONCEPT "ETHNO-LINGUACULTURAL CODE" IN THE SYMBOLIC LINGUA-SEMIOTICS OF POLYLINGUAL IHTIO-SPHERE

A.S. Zakharova

Volgograd State Agricultural University, 26, University Avenue, Volgograd, 400002, Russia

Abstract: *The article is devoted to clarifying the essence of the concept of ''ethnic-lingua-cultural code'', as well as the review of its structure and content. It demonstrates the updated ihtio-code by purely semiotic markers symbolization and their subsequent transfer (transformation) into specific symbolic meaning of signs-nominations referred to as pragmatonyms. The study was conducted on the basis of the polylingual ihtio-sphere material (Russian, French, English and German).*

Key words: binarity, discourse, sign ihtio-sphere, code, encoding, semiotics, semantics, text, ethnicity, ethnic culture, ethnic lingua-culture

References

1. Arhiv gosudarstvennogo muzeja jetnografii narodov Rossii [State Ethnographic Archive of Peoples of Russia – AGMJe – SEAPR], f. 7. op. 1, № 296, l. 24
2. Afanas'ev, A.N. Pojeticheskie vozzrenija slavjan na prirodu [Poetic Nature Visualization of Slavonic Tribes]. M., 1868, T. 2. s. 161.
3. Bart, R. Ritorika obraza [The Image' Rhetoric]. V: Bart, R. Izbrannye raboty [Selected works]. Semiotika. Pojetika / Per. s fr., vstup. st. i komment. Kosikova G.K. M.: Progress, 1989, s. 297-318.
4. Bart, R. S/Z / Perevod Kosikova G.K. i Murat V.P. Obshhaja redakcija, vstupit. stat'ja Kosikova G.K. M.: Ad Marginem, 1994. s. 277-302.
5. Bovaeva, G.M., Oljanich A.V. Lingvokul'turnaja specifika znakov jetnicheskih pishhevyh predpochtenij kalmykskogo, russkogo i nemeckojazychnyh narodov [Lingua-cultural Specifics of Ehnic Food Preferrences' Signs of Kalmyk, Russian and German Peoples]: monografija. Volgograd: IPK VolGAU "Niva", 2013. 200 s.
6. Burjakovskaja, V.A. Priznak jetnichnosti v semantike jazyka [Ethnicity Features in the Language Semantics] (na materiale russkogo i anglijskogo jazykov). Diss. kand. filol. nauk. Special'nost' 10.02.20 – sravnitel'no-istoricheskoe, tipologicheskoe, sopostavitel'noe jazykoznanie. Volgograd, 2000. 160 s.
7. Byliny [Epic tales of Russia]. M., 1958. s. 452.
8. Vorob'eva, E.Ju. Binarnost' i ee arhetipicheskie osnovanija [Binarity and its Archetypical Basis]. Avtoref. diss. kand. filos. nauk. Special'nost' 09.00.01 – ontologija i teorija poznanija. Omsk, 2005. 21 s.

9. Grysyk, N.E. Shhuka v verovanijah, obrjadah i fol'klore russkih [Pike in Beliefs, Customs and Folclore of the Russians] // Iz kul'turnogo nasledija narodov Vostochnoj Evropy. Sbornik Muzeja antropologii i jetnografii, t. XLV. SPb., 1992. s. 56-61.
10. Ermakova, L.R., Sedyh A.P. Jazykovaja kartina mira i pragmatonimy «kasha», «porridge» i «bouillie» [Language Picture and Pragmatonyms …]. Vestnik IGLU. № 2. Irkutsk, 2010. s. 30-35.
11. Levi-Stross, K. Mifologiki: syroe i prigotovlennoe [Mithologiques: from Raw to Cooked]. M.: "Fljuid", 2006. 399 s.
12. Ocherki po jetnolingvosemiotike potrebnostnoj kommunikacii [Essays on Ethnic Lingua-Semiotics of Needs-based Communication]: kollektivnaja monografija. – Pod obshhej red. d. filol. n., prof. Oljanicha A.V. Volgograd: IPK VolGAU "Niva", 2014. 344 s.
13. Podol'skaja, N.V. Slovar' russkoj onomasticheskoj terminologii [The Dictionary of Russian Onomastic Terminology] / Otv. red. Superanskaja A.V.; AN SSSR, In-t jazykoznanija. M.: Nauka, 1988. 187 s.
14. Savickij, V.M. Porozhdenie rechi: diskursivnyj podhod [Birth of Speech: Discursive Approach]. Monografija [Tekst]. Samara: PGSGA, 2013. 226 s.
15. Saffron, I. Ikra: svetloe proshloe i temnoe budushhee velikogo delikatesa [Caviar: Light Past and Dark Future of Great Delicatesse] / Per. s angl. M.: Kolibri, 2006. 356 s.
16. Superanskaja, A.V. V. Blanar. Theoria vlastneγo mena: Recenzija [Theory of Power Change] // Voprosy jazykoznanija. 1999. № 3. s. 43-50.
17. Tresidder, D. Slovar' simvolov [The Dictionary of Symbols]. M., 1999.
18. Shrejder, Ju. A. Logika znakovyh sistem. Jelementy semiotiki [Logics of sign systems. Elements of Semiotics]. M.: Editorial URSS, 2010. 64 s.
19. Chertov, L.F. Znakovost': opyt teoreticheskogo sinteza idej o znakovom sposobe informacionnoj svjazi [Signification: Experience of theoretical Synthesis of an Idea on Sign Method of Informative Connection]. SPb., 1993. s. 34.
20. Jakobson, R. Lingvistika i pojetika [Linguistics and Poetics] // Strukturalizm: "za" i "protiv". M., 1975.
21. Arbuckle, R. Celtic Fish <http://itmovesmemorelol.tumblr.com/post /44956802394/celtic-fish-by-rachelar buckle-the-salmon-of>.
22. Day J. Shakespeare the Angler. <http://compendium.legiodra-conis.com/fishy_heraldry.html>.
23. Symbolic Meaning of Fish. <www.whats-your-sign.com/symbol-for-twin.html>.
24. White, T.H. The Sword in the Stone. L.: Collins, 1938. 312 p.

About the author

Zahkarova, Alla Sergeevna – a senior lecturer in the Faculty of Foreign Languages of service and tourism Volgograd State Agrarian University. Research interests: lingua-semiotics, cultural linguistics, diskoursology, conceptology. E-mail: allazakharova@mail.ru

* * *

СВОЕОБРАЗИЕ МОЛОДЁЖНОГО СЛЕНГА В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Е.М. Караваева

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России. 119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76.

Автор статьи обращается к теме современного сленга англоязычной молодёжи. В статье осуществляется попытка рассмотреть основные факторы возникновения молодёжного жаргона, сферы его применения, а также способы словообразования новых лексических единиц в языке современной молодёжи. В настоящее время существует достаточно большое количество определений сленга, нередко противоречащих друг другу. Прежде всего, эти противоречия касаются объёма понятия «сленг»: включать ли в сленг одни лишь выразительные, ироничные слова, которые являются синонимами литературных эквивалентов, или же ещё и всю нестандартную лексику, использование которой осуждается в кругу образованных людей. Можно констатировать, что при всей своей популярности сленг в настоящее время терминологической точностью не обладает, но в статье обобщаются наиболее существенные его свойства. Сленг молодых людей в Англии и Америке неоднороден и охватывает почти все сферы жизни. Часто жаргонные слова, используемые молодёжью, «переселяются» в речь взрослых людей и становятся ее неотъемлемой частью. Появление слова или выражения в средствах массовой информации способствует укреплению его положения в лексиконе людей разных поколений. В целом можно утверждать, что «жаргонизация» стала одной из мощнейших тенденций современного языкового процесса. Представляется важным на определенном, продвинутом этапе изучения языка знакомить студентов с некоторым набором слов и выражений, а также давать им набор основных словообразовательных правил сленга для понимания живой речи. В то же время необходимо предупреждать учащихся об опасности активного употребления некодифицированной лексики и определять ситуации ее возможного использования.

Ключевые слова: молодёжный сленг, жаргон, определение «сленга», способы словообразования, аббревиация, интернет, социальные сети, «жаргонизация» языка.

Молодёжная культура – это свой, ни на что не похожий мир. Он отличается от взрослого своей экспрессивной, порой даже резкой и грубой, манерой выражать мысли, чувства, неким словесным абсурдом, который могут употреблять только молодые

люди, смелые и решительные, настроенные против всего мира и создавшие свой неповторимый мир. Как следствие этого возникает молодёжный сленг.

В данной статье мы рассмотрим основные факторы возникновения молодёжного жаргона, сферы его применения, а также способы словообразования новых лексических единиц в языке современной молодёжи.

Прежде чем приступить непосредственно к описанию сленга англоязычной молодёжи, рассмотрим кратко некоторые из многочисленных научных определений сленга. Понятие «сленга» все больше начинает завоёвывать внимание современных филологов. В настоящее время существует достаточно большое количество определений сленга, нередко противоречащих друг другу. Прежде всего, эти противоречия касаются объёма понятия «сленг»: спор идет, в частности, о том, включать ли в сленг одни лишь выразительные, ироничные слова, которые являются синонимами литературных эквивалентов, или же ещё и всю нестандартную лексику, использование которой осуждается в кругу образованных людей. Обращает на себя внимание тот факт, что термин «сленг» чаще употребляется по отношению к английскому языку, а в русской филологии используется термин «жаргон».[1]

В российском языкознании чаще всего приводится определение В.А. Хомякова: «Сленг – это относительно устойчивый для определенного периода, широкоупотребительный, стилистически маркированный лексический пласт (имена существительные, прилагательные и глаголы, обозначающие бытовые явления, предметы, процессы и признаки), компонент экспрессивного просторечия, входящего в литературный язык, весьма неоднородный по своим истокам, степени приближения к литературному стандарту, обладающий пейоративной экспрессией» [5, с. 11].

Иная трактовка предлагается в «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахмановой: «Сленг: 1. Разговорный вариант профессиональной речи; 2. Элементы разговорного варианта той или иной профессиональной или социальной группы, которые, прони-

[1] В данной статье термин «сленг» используется как синоним термину «жаргон».

кая в литературный язык или вообще в речь людей, не имеющих прямого отношения к данной группе лиц, приобретают в этих языках особую эмоционально-экспрессивную окраску» [1, с. 5]. «Словарь – справочник лингвистических терминов» 1995 г. просто ставит знак равенства между сленгом, жаргоном и арго: «Сленг – слова и выражения, употребляемые лицами определённых профессий или социальных прослоек. Сленг моряков, художников, ср. арго, жаргон» [4, с. 27].

Подобные разногласия в определении сленга дали повод И.Р. Гальперину вообще отрицать сам факт существования сленга. Его аргументация основана на изучении лексикографических маркировок: одно и то же слово в различных словарях даётся с пометами «сленг», «просторечие» или без всяких помет, что вроде бы свидетельствует в пользу литературной нормы. Поэтому И.Р. Гальперин не допускает существования сленга в качестве отдельной самостоятельной категории, предлагая использовать термин «сленг» в качестве синонима английского слова «жаргон» [2].

К уже приведённым разнообразным трактовкам сленга можно добавить столь же разнообразные дефиниции зарубежных филологов. «Термин «сленг», отмечает известный американский лингвист Ч. Фриз, «настолько расширил своё значение и применяется для обозначения такого количества различных понятий, что крайне затруднительно провести разграничительную линию между тем, что является сленгом, а что нет» [6, с. 124]. Целый ряд английских исследователей использует слово «сленг» как синоним жаргона, арго или кэнта. Таково мнение знаменитого исследователя сленга Эрика Партриджа [7].

Таким образом, можно констатировать, что при всей своей популярности (а может быть, именно благодаря ей), сленг в настоящее время терминологической точностью не обладает. Тем не менее, приведённые выше точки зрения позволяют как-то обобщить его наиболее существенные свойства:

- Сленг – это лексика, возникающая и употребляющаяся, прежде всего, в устной речи;
- Сленг – это эмоционально окрашенная лексика;
- Сленг характеризуется более или менее ярко выраженной фамильярной окраской подавляющего большинства слов и сло-

восочетаний. Это свойство сленга ограничивает стилистические границы его употребления;

● Фамильярная эмоциональная окраска многих слов и выражений сленга отличается большим разнообразием оттенков: шутливая, ироничная, насмешливая, пренебрежительная, презрительная, грубая и даже вульгарная;

● Многие слова и выражения сленга непонятны и малопонятны для основной массы населения (особенно в период их возникновения и перехода в более широкую сферу употребления), потому что они, прежде всего, связаны со своеобразной формой выражения – например, при многочисленных случаях переноса значения, столь характерного для сленга;

● Сленг – это живой, подвижный язык, который идёт в ногу со временем и реагирует на любые перемены в жизни страны и общества.

Говоря о причинах создания и использования сленга современной молодёжи, можно выделить следующие факторы:

● желание скрыть свои секреты от «чужих», непосвященных;

● потребность молодежи в самовыражении и встречном понимании;

● увлечение компьютерными играми, Интернетом и социальными сетями.

Особый молодёжный язык нацелен в первую очередь на то, чтобы «свои» стали ближе, а «чужие» – дальше. Молодёжный сленг представляет собой ряд слов и выражений, свойственных и часто употребляемых молодыми людьми, но не воспринимаемых «взрослыми» в качестве «хороших», общеупотребимых или литературных. Сленг молодых людей в Англии и Америке неоднороден и охватывает почти все сферы жизни. Жаргон сосредоточен на человеке – сферах его бытия, отношениях с другими людьми. Всю лексику молодёжного жаргона можно условно разделить на несколько тематических групп:

● слова, касающиеся отношений с противоположным полом;

● слова, касающиеся коллективной встречи юношей и девушек с целью дальнейших отношений;

● слова, касающиеся общения в социальных сетях и использования Интернета;

● слова, касающиеся учёбы (оценок, предметов);
● слова, касающиеся употребления алкогольных напитков;
● грубые, вульгарные слова.

Часто бывает так, что жаргонные слова, используемые молодёжью, «переселяются» в речь взрослых людей и становятся её неотъемлемой частью. Школьники и студенты употребляют некоторые сленговые выражения в общении с родителями и учителями, тем самым заставляя старшее поколение осваивать новую лексику. Многие британские и американские популярные журналы и интернет-сайты для родителей подростков даже имеют регулярно обновляемые рубрики, целью которых является объяснение непонятных взрослым молодёжных слов и выражений [11; 12; 13]. Появление слова в средствах массовой информации способствует укреплению его положения в лексиконе людей разных поколений. Так, например, произошло, со словом *chillin'* (спокойный, расслабленный) и словосочетанием *big up* (хвалить и поздравлять), а также с аббревиатурами *LOL* (laugh out loud), *OMG* (oh my God) и *YOLO* (you only live once), которые в 2011 г. были официально включены в Оксфордский словарь английского языка, что подтверждает их устойчивость в языке и употребление широким кругом лиц [10].

Выделяются несколько словообразовательных способов жаргонной лексики: изменение значения, аффиксация, морфемная контракция, сложение слов/основ, аббревиация.

Наиболее популярным способом создания молодёжного сленга является ***изменение значения слова*** уже существующего в языке. Например, прилагательные *sick* и *ill* (больной) приобрели в речи молодёжи значение «классный, превосходный»: *That game was sick!* (Игра была просто класс!), а существительное *fly* (муха) используется в качестве комплимента красивым девушкам: *She's fly* (Она – супер!).

Довольно часто само жаргонное слово меняет своё значение. Так, прилагательное *busted* для людей старшего поколения было сленговым синонимом слова *broken* (на мели, без денег). Однако за последнее десятилетие его значение несколько изменилось: теперь *busted* используется для обозначения ситуаций провала: «влип, попался». Похожая ситуация сложилась со сло-

вом *ride*. В прошлом это был жаргонный вариант для обозначения автомобиля: *Here's my ride*. В языке сегодняшних подростков *ride* (часто в форме множественного числа) используется для обозначения кроссовок, особенно дорогих и фирменных: *How do you like my rides?*

Аффиксация – также, как и в литературном английском языке, один из самых продуктивных словообразовательных способов в молодёжном жаргоне. Словообразование с помощью префиксов слабо развито, в основном, используются наиболее продуктивные суффиксы. Например, суффикс деятеля *-er*: *hater* (человек, ненавидящий все вокруг); суффикс абстрактных существительных *-ity*: *awesomity* (нечто великолепное); суффикс прилагательных *-y*: *angsty* (испытывающий чувство отчуждения и страха). Можно, однако, отметить некоторые примеры образования новых слов с помощью отрицательных префиксов: *unfriend* (удалить кого-л из списка друзей), *unfollow* (удалить кого-л из списка тех, чьи комментарии в Твиттере вы читаете).

Морфемная контракция, или сокращение – способ словообразования, заключающийся в исключении из состава многосложного слова или словосочетания отдельных морфем. Этот способ является весьма продуктивным в словообразовании сленга, так как позволяет придать речи большую краткость. Например: *awks* (неловкая ситуация) от прилагательного *awkward*; *teek* (старый, древний) от прилагательного *antique*.

Сложение слов/основ – способ, который довольно широко используется как в английском литературном языке, так и в молодёжном сленге. В современном языке молодых людей можно найти множество примеров подобного словообразования:

○ *affluential* (богатый и влиятельный) – сложение основ *affluent* и *influential*;

○ *chillaxin'* (расслабленный, отдыхающий) – сложение основ *chilling* и *relaxing*;

○ *crunk* (пьяный, неадекватный) – сложение основ *crazy* и *drunk*;

○ *greycation* (совместный отдых с бабушками и дедушками) – сложение основ *grey* и *vacation*;

○ *requestion* (просьба, вопрос) – сложение основ *request* и *question*.

Аббревиация – объединение в один состав первых букв либо первых звуков объединяемых слов – также широко используется при образовании жаргонной лексики и обусловлено стремлением к экономии средств выражения. Большая часть существующих аббревиатур в современном молодёжном сленге пришла из языка текстовых сообщений и общения в социальных сетях. Например, *TTYL* (talk to you later), *IDK* (I don't know), *ROLF* (roll on floor laughing), *FYI* (for your information), а также выше упомянутые *LOL, OMG* и *YOLO*. Нужно отметить, что этот пласт молодёжной лексики быстрее всего осваивается людьми старших поколений в силу того, что они также пользуются Интернетом и пишут текстовые сообщения.

По наблюдениям многих писателей, журналистов, социологов и лингвистов «жаргонизация» стала одной из мощнейших тенденций современного языкового процесса. Представляется важным на определенном, продвинутом этапе изучения языка знакомить студентов с некоторым набором слов и выражений, а также давать им набор основных словообразовательных правил сленга для понимания живой речи. В то же время необходимо предупреждать учащихся об опасности активного употребления некодифицированной лексики и определять ситуации её возможного использования.

Список литературы

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966.
2. Гальперин И.Р. О термине «сленг» // Вопросы языкознания. №6. 2004. с. 107-114.
3. Каплан Т.Ю. Особенности молодёжного жаргона в современном корейском языке // Филологические науки в МГИМО. №39 (54) 2010, с. 40-47.
4. Словарь – справочник лингвистических терминов. М.: Российская энциклопедия, 1985.
5. Хомяков В.А. Нестандартная лексика в структуре английского языка национального периода. Автореф. докт. дис. канд. филол. наук. Л., 1980.
6. Fries. Ch. Introduction to American College Dictionary. NY: New American Library, 1947.
7. Partridge E. Slang Today and Yesterday. London: Routledge and Kegan Paul, 1998.
8. <http://examples.yourdictionary.com/20-examples-of-slang-language>.
9. <http://metro.co.uk/.../top-14-teenage-slang-translation>.
10. <http://edition.cnn.com/2011/LIVING/03/25/oxford.new.words>.
11. <http://www.goodhousekeeping.com/family/parenting-tips>.
12. <http://www.parentingteens.about.com/od/talktoyourteen>.
13. <http://www.telegraph.co.uk/culture/books>.

Об авторе

Караваева Екатерина Михайловна, кандидат филологических наук (специальность 10.01.03 – литература народов стран зарубежья (литература народов Европы и Америки), доцент кафедры английского языка № 2, МГИМО (У) МИД России. E-mail: gazoprovod-24@yandex.ru

MAJOR FEATURES OF MODERN ENGLISH TEENAGE LANGUAGE

E.M. Karavayeva

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *The article discusses the question of 'What is slang?' from the point of view of teenage language. The author focuses on the main features of teenage slang: reasons for appearance, spheres of usage and word-building models. In today's linguistics there is hardly a concise definition of the term 'slang'. However, it is possible to define its basic characteristics. Slang is a dynamic variety of language that is used to show solidarity and claim in-group membership. Slang is also one of the most important 'mechanisms' or devices for showing social awareness. This variety of language often occurs around 'taboo' subjects such as sex, drugs, alcohol, etc. Knowing what kind of slang is appropriate in a particular situation is incredibly important. Therefore, teenage slang is a language variety that can be studied and observed with regard to English language teaching.*

Key words: teenage language, slang, word-building models, abbreviations, the Internet, social networks, slang words in the media.

References

1. Akhmanova, O.S. Slovar lingvisticheskikh terminov [Dictionary of linguistic terms]. M.: Sovetskaya entsiklopedia, 1966.
2. Galperin, I.R. O termine "slang" [About the term "slang"] // Voprosy yazykoznania - Problems of linguistics, №6. 2004. p. 107-114.
3. Kaplan, T.Y. Osobennosti molodyozhnogo jargona v sovremennom koreiskom yazyke [Characteristics of youth slang in modern Korean language] // Philologicheskie nauki v MGIMO [Philology in MGIMO], №39 (54), 2010, p. 40-47.
4. Slovar – spravochnik lingvisticheskikh terminov [Reference dictionary of linguistic terms]. M.: Rossiiskaya entsiklopedia, 1985.
5. Khomyakov, V.A. Nestandartnaya leksika v structure angliiskogo yazyka natsionalynogo perioda [Non-standard vocabulary of the English language of the national period]. Avtoref. dokt, dis. kand. philol. nauk – Doct. Diss. For PhD. L., 1980.
6. Fries, Ch. Introduction to American College Dictionary. NY: New American Library, 1947.
7. Partridge, E. Slang Today and Yesterday. London: Routledge and Kegan Paul, 1998.

8. <http://examples.yourdictionary.com/20-examples-of-slang-language>.
9. <http://metro.co.uk/.../top-14-teenage-slang-translation>.
10. <http://edition.cnn.com/2011/LIVING/03/25/oxford.new.words>.
11. <http://www.goodhousekeeping.com/family/parenting-tips>.
12. <http://www.parentingteens.about.com/od/talktoyourteen>.
13. <http://www.telegraph.co.uk/culture/books>.

About the author

Karavaeva Ekaterina Mikhailovna, PhD in philology, Associate Professor of the Department of English language №2 at MGIMO (U). E-mail: gazoprovod-24@yandex.ru

* * *

Научное издание

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ В МГИМО

Сборник научных трудов № 56 (71)

Отв. редактор ***Г.И. Гладков***

Компьютерная верстка *А.Б. Тахтаров*

Подписано в печать 29.12.14.
Формат 60×84 $^{1}/_{16}$.
Бумага офсет № 1. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 13,89. Уч.-изд. л. 11,54.
Тираж 500 экз. Заказ № ___.

МГИМО (У) МИД России
119454, Москва, пр. Вернадского, 76

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии
и множительной техники МГИМО (У) МИД России
119454, Москва, пр. Вернадского, 76